

Б. В. ЯКУШИН

ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научно-популярная серия

Б.В. ЯКУШИН

ГИПОТЕЗЫ
О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ЯЗЫКА

Ответственный редактор
академик Г.В. Степанов

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Москва 1984

Автор монографии рассматривает различные гипотезы о происхождении языка и предлагает свой информационно-семантический подход к решению проблемы глоттогенеза.

Редколлегия:

академик Г.В. СТЕПАНОВ,
доктор технических наук Р.Г. КОТОВ,
кандидат психологических наук А.И. НОВИКОВ,
кандидат филологических наук А.М. ШАХНАРОВИЧ

Борис Владимирович Якушин

ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

Утверждено к печати

редколлгией серии научно-популярных изданий АН СССР

Редактор Р.М. Залесковская

Художник С.Б. Воробьев. Художественный редактор Н.А. Фильчагина

Технический редактор Л.В. Русская. Корректор И.Г. Мартыанова

Набор выполнен на электронной фотонаборной системе
в издательстве "Наука"

ИБ N 28325

Подписано к печати 2 .04.84 Формат 84×108 1/32 Бумага офсетная N1

Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.печ.л. 7,1. Усл. кр.-отт. 7,4

Уч.-изд.л. 8,0. Тираж 45000 экз. (1-й заяод 1—10000). Тип. зак. 1436. Цена 50 коп.

Издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

Я 4602000000-194
042(02)-84 334-84-II

© Издательство "Наука", 1984 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Борис Владимирович Якушин (1930—1982) принадлежал к той немногочисленной группе лингвистов, которые с конца 50-х—начала 60-х годов занимались не только теоретическими исследованиями языка, но и одновременно решением практических лингвистических задач информатики, возникших при построении первых автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС). Содержательный анализ текста, алгоритмические методы автоматического индексирования документов, построение информационных языков для документального и фактографического поиска, язык и мышление, язык и коммуникация — вот далеко не полный перечень вопросов, в решение которых он внес существенный вклад. Большой опыт практической работы в области лингвистического обеспечения АИПС явился тем фундаментом, на котором Б.В. Якушин строил в последние годы семиотико-информационную концепцию языка — теоретическую базу для решения языковых проблем информатики.

Предлагаемая вниманию читателя последняя книга Б.В. Якушина содержит идеи, разрабатывавшиеся автором на протяжении ряда лет. Автор ставит задачу ответить на вопрос, почему общечеловеческий интерес к проблеме происхождения языка постоянен, излагает в историческом аспекте различные гипотезы о появлении языка, привлекая материалы мифов и легенд. Ученый предлагает и свою научную гипотезу, основанную на социологических представлениях о сущности функциях языка и речи.

Само по себе обращение специалиста по семиотике, информационным языкам и философским проблемам языкознания к проблемам глоттогенеза весьма примечательно. Эти проблемы перестали быть центром внимания узких специалистов, но стали комплексными. Их решение возможно только при "выходе" за пределы привычных представлений.

Необходимо обращение к новым методам и материалу. Такой подход и характерен для книги Б.В. Якушина.

Несмотря на то что рукопись не прошла окончательной авторской доработки, члены редколлегии ограничились лишь минимумом редакционных изменений, стремясь сохранить логику рассуждений и стиль автора¹.

¹ В монографии автором частично использован фактический материал, содержащийся в кн.: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936; История философии. М., 1940. Т. 1; Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1966; Антология мировой философии. М., 1969. Т. 1.

Сведения о философах, занимавшихся проблемами происхождения и развития языка, читатель сможет найти в кн.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. — Там же содержится трактовка основных понятий, используемых автором.

ВВЕДЕНИЕ

Сначала договоримся о том, что следует понимать под словом "язык". Язык — прежде всего совокупность слов. Слово же двусторонне, как медаль. Одна его сторона — внешняя, звучащая или видимая (физическая), другая — внутренняя, неслышимая и невидимая (психическая). Первая — это звучание или написание слова, вторая — его смысл, или значение (лингвисты и философы часто различают эти явления, мы же этого делать не будем). Большинство слов обозначает нечто, существующее вне языка. Это предметы и явления внешней действительности или внутреннего мира человека, о которых высказываются мысли в процессе общения людей. Слова в языке связаны определенными отношениями, что делает язык системой. Кроме того, в нем содержатся правила расположения слов в цепочки для выражения мыслей (синтаксис).

Вопрос о происхождении языка прежде всего упирается в происхождение звуковой стороны слов и речи, смысловая же их сторона почти всегда связывается с мышлением или внешним действием и поэтому кажется менее загадочной. Итак, как же мог возникнуть язык — совокупность слов, или, как говорили в древности, имен, с точки зрения античного философа?

Всякая вещь или возникла сама по себе, или ее кто-то создал. Так и язык: или он появился естественным путем, или он был создан искусственно некоторой активной созидательной силой. Каких бы взглядов ни придерживались философы, большинство из них считали, что язык был создан, а не возник сам по себе наподобие способности ходить, видеть, думать. Дело, видимо, в том, что, как бы ни был наивен древний мыслитель, в языке он видел то, что выделяет и возвышает человеческий род над животным миром. Ведь если способность говорить подобна другим способностям, имеющимся у животных, то она вполне могла возникнуть у какого-нибудь из них. Но, кроме как в сказках, в природе человек таких

животных не встречал, хотя некоторые охотничьи племена и полагали, что в животном мире есть свои языки.

Таким образом, говорение — способность уникальная и драгоценная. Она могла быть создана сознательными и разумными усилиями. Поэтому вопрос о происхождении языка приобретает новый вид: кто создал язык и каким "материалом" он при этом пользовался? В античном мире этот вопрос формулировался так: создан ли язык "по установлению" (*thesei*) или "по природе" (*physei*) вещей?

Вопрос "По природе или по установлению?" имеет целый спектр ответов: чем меньше природного "материала" использовал создатель, тем в большей степени язык строится "по установлению"; наоборот, чем ближе звучание слова к звукам природы — вещей или человека, тем более очевидно, что язык создается "по природе", хотя иногда и с участием создателя. Гипотезы о происхождении языка распадаются прежде всего на две большие группы в зависимости от степени участия создателя (произвола) и природного "материала" (мотивированности) в возникновении языка и слов.

Античная философия фактически высказала почти все возможные точки зрения, которые впоследствии главным образом углублялись и комбинировались. Если философ считал, что язык создан "по установлению", то он должен, естественно, отвечать на вопрос, кто его "установил", и здесь возможны следующие ответы: бог (боги), выдающийся человек (мы помним, что язык — особая ценность) или коллектив людей (общество). Возможны комбинации этих ответов: человек, наделенный божественной силой, человек совместно с коллективом людей. Если же философ полагал, что язык создавался главным образом "по природе", то его гипотеза утверждала или то, что словам соответствуют свойства вещей, или то, что им соответствуют свойства человека (его поведение), или то и другое вместе.

Поскольку взгляды первого философа господствовали в эпоху античности и средние века (а его идеи дошли даже до XIX в.), постольку первые разделы нашего изложения мы посвятим гипотезам "по установлению".

Все гипотезы группируются в зависимости от того, какова природа тех сил или причин, которые вызвали к жизни язык. "Материал" же, из которого строилась звучащая речь, почти у всех авторов сводится к нескольким формам: звуки, порождаемые вещами и людьми. В переходе от них к членораздельной речи может участвовать жест и мимика. Поэтому положить его ("материал") в основу классификации гипотез не представляется возможным.

УСТАНОВИТЕЛЬ ИМЕН — БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО

ОНОМАТОПЕЯ

Слово "ономатопея" (от греч. *onomatopoeia* — 'производство названий') в древнегреческой литературе означало название вещей, "словотворчество". В настоящее время его значение сузилось. Ономатопеей стали называть звукоизобразительные явления в языке. Ономатопозтическая теория различает два способа образования звукоизобразительных слов: непосредственное подражание внешнему звучанию — звукоподражательные слова (*булькать*) и ассоциативное сходство звучания слова с признаком предмета — звукообразные слова (в банту: *bafo-bafo* — 'живая походка'). В ономатопозтических словах звучание в какой-то мере и в каком-то отношении аналогично значению. Конечно, такие аналогии могут быть и субъективными, индивидуальными. Вот пример такой ономатопеи. Герой повестей Н. Евдокимова "Страстная площадь" вспоминает приятеля, с которым он лежал в госпитале: "Значит, звали его Виктор Травушкин? Вот ведь как звали — Травушкин. А я не запомнил этой чистой, звонкой, такой ясной российской фамилии, в одном звуке которой — ласковая доброта. А ведь правда — такая фамилия не может принадлежать недоброму человеку. Ничего будто бы не определяют людские имена, но в то же время в них, конечно же, скрыта родовая тайна наших характеров. Травушкин — чистая, открытая, незащищенная фамилия, наверняка родившаяся где-то в среднерусских солнечных лугах".

Понятия "установление имен" и "установитель имен" проходят через всю античную (древние Индия, Китай, Греция, Рим) мифологию и философию. Возникновение этих выражений связывают с языком вед — древнеиндийских священных книг. В ведическом санскрите, представляющем собой ряд диалектов санскрита — первого письменного языка, родоначальника всех современных индоевропейских языков — имеются выражения: *namadheyam* 'установление имен' и *namadham* 'установитель имен' (от *nama* 'имя' и *dha-n*

‘установитель’). В греческую философию “установитель имен” перешел в виде ономотетета.

Если первоначально “установитель имен” понимался в мифологии как высшее существо, придумывающее и присваивающее имена богам, людям и вещам, то впоследствии, в частности в древнегреческой философии, он стал означать искусного человека, законодателя имен. Из древнеиндийского словосочетания *патан dhаtan* (установление имени) некоторые ученые выводят философский термин *патангура* ‘имя-форма’.

Действительно, дать имя чему-либо значит выделить этот предмет среди других, как бы мысленно очертить его границы, “оформить”. “Установление имен” вещей и создание их с самого начала мыслились древними как действия, тесно связанные между собой.

Смежность представлений о слове, мысли и действии отразилась в многозначном греческом выражении *logos*. В евангелии от Иоанна сказано: “Вначале было Слово”. Это неудачный перевод слова *logos* с греческого оригинала. Интересны в этой связи колебания гётевского Фауста при переводе соответствующего стиха библии:

“Вначале было Слово”. С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
“Вначале Мысль была”. Вот перевод,
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
“Была вначале Сила”. Вот в чем суть.
Но после небольшого колебания
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как внижу, с толку сбн:
“В начале было Дело” — стих гласит.
(И.-В. Гёте. Фауст)

ВЕДИЧЕСКИЕ МИФЫ

В представлении народов, населявших Переднюю Азию и Индостан и живших ранее X в. до н.э., язык был создан божественным началом, хотя оно и могло привлекать к этому делу человека. Здесь интересно отметить разнообразие обликов всевышней силы, создающей язык, многоступенчатость этого действия при движении имен с неба на землю и непосредственную связь именования с деятельностью, с созиданием.

Самыми древними дошедшими до нас литературными памятниками (наряду с шумерскими письменами) являются индийские веды (букв. "знание"). Это сборники (их четыре) поэтических и прозаических произведений — гимнов, песен, жертвенных изречений и заклинаний, созданных ариями — пастушескими племенами, кочевавшими к востоку от Афганистана. Датируются веды XXV—XV вв. до н.э. Индийцы считают их священным писанием.

Первой по древности и святости считается Ригведа. В ней в одном из гимнов говорится, что установителем имен является бог — Всеобщий ремесленник, ваятель, кузнец и плотник, создавший небо и землю. Но он устанавливал не все имена, а только для подчиненных ему богов. В другом же гимне Ригведы рассказывается о том, что начало речи дали люди — первые великие мудрецы, которые под покровительством бога Брхаспати — вдохновителя красноречия и поэзии — "приступили к действию, осуществляя установление имен". Согласованный вариант мифа выглядит так: главный бог — Всеобщий ремесленник и "господин речи" — давал имена другим богам, имена же вещам устанавливали люди — святые мудрецы, но с помощью "господина речи"¹.

В мифах создание имен — священное действие, служащее не интересам людей, а завершающим этапом создания мира вещей; имена являются его атрибутом, который существует сам по себе, независимо от людей. Им предстоит лишь познать и использовать готовые имена.

К ведам в древнеиндийской философии и мифологии примыкают литературные произведения особого жанра — упанишады (букв. "сидеть около"), комментирующие и дополняющие ведические гимны. Упанишады относятся к IX—VI вв. до н.э. и по форме представляют собой беседы мудреца-учителя с юными учениками, "сидящими около".

Чтобы понять, как авторы упанишад представляли себе появление имен и речи, обратимся к истокам их рассуждений. Ответ на вопрос "Что было вначале?" — "Бог (или боги)" их не удовлетворял, так как тогда надо было объяснить, кто создал богов и что было до них.

В упанишаде Шатанатха Брахмана мудрец говорит: "Водами поистине было это начало, лишь морем. Эти (воды) размышляли: «Как могли бы мы размножиться?»"². Для того

¹ Иванов В. В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. — В кн.: Индия в древности. М., 1964, с. 83—94.

² Антология мировой философии. М., 1969, т. 1, ч. 1, с. 71.

чтобы развиваться и размножиться, первоначальное бытие нуждается в некотором орудии — это мирозозидающая сила (в названной упанишаде — тапас). Описываются различные варианты космогонического процесса. Но для большей их части характерно то, что сперва должно существовать некоторое активное начало, способное творить, но не обязательно божественное. На некотором этапе мирозозидания появляются боги, которые продолжают творение мира, в том числе и имен.

Мудрец, ведущий беседу в упанишаде Чхандочья, так представляет себе ход событий: вначале было сущее (это более поздняя упанишада, чем Шатапатха Брахмана, поэтому мир начинается не с конкретного вещества — воды, а с обобщенного бытия). Сущее решило вырасти и стать многочисленным, и в первую очередь сотворило жар, который создал воду. Идея жара (огня) как одного из первоначал была популярна и у греческих философов. Жар активен и двулик: разрушая топливо, созидает тепло, так необходимое для жизни. Динамичность жара и ивещественность тепла близки по своей природе человеческой речи — высшему этапу творения.

Вода, пожелав стать многочисленной, сотворила пищу, которая бывает всюду, где идет дождь. Пища бывает трех пород: из яйца, от живых и из ростка. Далее уже в мирозозидании принимает участие божество, которое решило войти в живые существа и с помощью животворящей силы — атмана — "явить имена и формы". Этот акт является заключительным в мирозозидании и обходится без человека. Очевидно, если "имена и формы" живых существ "явились" из них самих, то имена возникают по их (существ) "природе" (штрих к гипотезе об именах "по природе").

Интересно "направление" именования: обычно имя движется от бога к вещи, здесь же оно выходит изнутри ее и связано с ее формой. Объяснив возникновение жара, воды, пищи и имен, что, видимо, является необходимым минимумом для существования человека, мудрец переходит к рассмотрению человеческой природы.

Поглощенная пища разделяется на три части: грубейшая становится калом, средняя — мясом, тончайшая — разумом. Выпитая вода превращается в грубейшей своей части в мочу, средняя становится кровью, а тончайшая — дыханием. Жар также поглощается (в виде тепла) и становится костью, мозгом, а тончайшая его часть — речью. "Ибо разум, дорогой,

— заключает мудрец, — состоит из пищи, дыхание состоит из воды, речь состоит из жара..."³.

Как видим, наш мудрец хотя и прибегал иногда к помощи божества в объяснении возникновения имен, но мысль его обращена к материальному миру, в котором, собственно, и рождаются имена, речь. Хотя имена и возникают без человека и вне его, но речь, в которой он пользуется ими, есть собственно человеческое свойство, рожденное из "поглощенного жара" "по природе" человека. Из всех мифологических сюжетов возникновения языка этот, пожалуй, самый приземленный.

БИБЛЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА И ЕЕ ТОЛКОВАНИЕ

Согласно библии, богу с самого начала была присуща способность говорить. Видимо, она является одним из его качеств, предполагаемых его всемогуществом. Сотворение мира происходило путем высказывания желаний, и акт говорения совпадает с актом творения.

Мир был создан за шесть дней, и каждый этап мирозидания начинался так: "И сказал бог: да будет свет. И стал свет... И сказал бог: да будет твердь, но среди воды, и да отделяет она воду от воды (И стало так)"⁴. Таким же образом он создал растения и "душу живую" (птиц, гадов и т.д.), в том числе и человека; правда, последний был сотворен по образу и подобию его.

Для создания живых существ недостаточно только акта говорения, нужен материал, коим и являлся "прах земной". Поэтому можно предположить, что речевой и волевой акты говорения не просто порождали, а, как это было уже в древнеиндийской мифологии, "формировали" растения и животных из "праха земного".

Кроме созидającego "божественного глагола", бог обладает более простой способностью установителя имен, которую он и передал своему образу и подобию — Адаму. В первые три дня творения, когда создавались крупные и немногочисленные объекты, бог сам их называл. Так, после того как в первый день был отделен свет от тьмы, бог назвал свет днем, а тьму — ночью. Во второй день он назвал твердь небом, в третий — сушу землей, а "собрание вод" — морями. Когда же творец перешел к созданию растений и животных, установление имен им больше не применялось. Оно было

³ Там же, с. 84.

⁴ Библия: Ветхий завет, ст. 3, 6.

поручено Адаму, к которому бог привел всех животных полевых и всех птиц небесных, "чтобы видеть, как он назовет их", т.е. называние живых существ (о растениях ничего не говорится) должно было произойти в присутствии и, видимо, под эгидой бога (вспомним ведический миф об установлении имен первыми мудрецами под покровительством бога Брхаспати)." И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым..."⁵.

Казалось бы, для христианского богословия нет проблемы происхождения имен и языка (библейское объяснение этого вопроса не только принимал, но и пытался развернуть и обосновать в своей незаконченной работе "*De vulgari eloquentia*" незадолго до 1305 г. великий итальянский поэт Данте Алигьери). Однако и в узких рамках библейского сюжета уже на ранних этапах богословия имели место перипетии схоластической мысли.

Согласно тексту библии, установление имен происходило в два этапа: сначала бог создал слова "день", "ночь", "небо", "земля", "море", а затем Адам поименовал все остальное — животных и птиц. Однако возникает сомнение: если бог всемогущ и всесущ, то почему он не мог сам установить все имена и доверил столь ответственное дело Адаму?

Арианский епископ (арианство — одно из направлений раннего христианства) Евномий (IV в.) так и утверждал: сначала бог создал все имена, а затем открыл их людям. Ему возражал Григорий Нисский (335—394) — византийский богослов, один из отцов христианской церкви. Он говорил, что бог наделил людей лишь способностью к языку, а они употребили ее для наименования вещей. Подобно тому как человек сам строит дом, кует плуг или меч, так он и сам создает слова; бог же наградил человека лишь способностью строить и ковать. "Звуки, означающие существующее", создает логическая сила, свойственная человеку и дарованная ему богом.

Вопрос о двух типах имен — божественных и человеческих — был довольно существенным для средневекового богословия, так как он связан с актом творения мира.

Божественная речь, по Ансельму Кентерберийскому (1033—1109), есть одновременно всепостигающее мышление духа, и благодаря этому, "произношение" вещей является процессом их создания. Дело в том, что дух постигает самого себя, раскрывая в себе образы вещей, называние которых и

⁵ Там же, ст. 20.

порождает сами вещи. Ансельма, конечно, смущает то обстоятельство, что создающие слова сами не похожи на создаваемые вещи, хотя они могут быть "сравнением, образом, фигурой". И он находит выход из положения в том, что защищается, как бы сказал Гегель, тощей абстракцией: слово не есть изображение созданного существа, но его первоначальная сущность. Все это относится к словам, которыми высшая мудрость создает твари, но не к словам самих тварей. Их речь лишена всех качеств божественного глагола.

Что касается слов, обозначающих предметы и понятия о них, то, согласно Абеяру (1079—1142), их "изобрели люди", поскольку постичь бога и сотворенное им невозможно. Это явно выходит за рамки библейских представлений, хотя в контексте такое высказывание могло означать высшую степень презрения к человеческой речи, даже по происхождению далекой от божественности.

СПОР О ПЕРВОМ ЯЗЫКЕ

Упоминавшийся выше Григорий Нисский возмущался иудейскими служителями культа — раввинскими толкователями (экзегетами) библии, утверждавшими, что бог научил Адама еврейскому языку, его словам и грамматике. Бога, который управляет Вселенной, нельзя представлять школьным учителем, писал он.

Однако идея божественного происхождения еврейского языка и представление о нем как об исходном для всех остальных, бытовавшие у раввинских экзегетов и первых отцов церкви, неожиданно укрепились и приобрели популярность в XVI—XVII вв., когда роль богословия в науке падала. К этому времени среди богословов и философов сильно развился интерес к происхождению слов, их этимологии и сравнению схожих слов в различных языках. Богословы, обладавшие филологическими знаниями, как раз и стали развивать теорию происхождения всех языков из еврейского.

Примером того, как обосновывалась эта теория, служат рассуждения Этьена Гишара, опубликовавшего в 1606 г. в Париже книгу "Этимологическая гармония языков". В предисловии к ней он пишет: чтобы найти этимологию слова, надо идти "путем прибавления, отнятия, перестановки и перемещения букв"; это он и делает в своей книге⁶. Так, из

⁶ Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 25.

еврейского слова *агар* 'ветер' он следующим образом выводит соответствующие по значению слова современных европейских языков: если прочитать это слово в обратном порядке, то получим немецкое *faga*, англичане исказили слово *faga*, превратив его в *wing*, а фламандцы — в *wieske*. Если вставить после *f* букву *l*, то получим немецкое *flügel*. Из еврейского *dabar* (говорить) путем отбрасывания первой согласной и перестановки были образованы английское *word*, немецкое *wort* и латинское *verbum*.

Используя подобные, по меньшей мере сомнительные, примеры, можно доказать, что любой избранный язык был тем, на котором говорили в раю, замечает известный датский лингвист Вильгельм Томсен (1842—1927).

Для выяснения вопроса о том, какой язык самый древний и изначальный, египетский царь Псамметих I (VII в. до н.э.) использовал другой прием, еще менее научный, чем методы Этьена Гишара. И таким языком оказался фригийский. Об этом рассказывает в своей истории Геродот (V в. до н.э.), ссылаясь на египетских жрецов бога огня Гефеста¹.

Вступив на престол, царь Псамметих решил проверить мнение египтян о себе как о самом древнем народе. Для этого он повелел поселить двух младенцев в хижине пастуха и запретил произносить при них какие-либо слова. Пастух ухаживал за детьми, поил их молоком — и только. И вот однажды (детям уже исполнилось по два года) они бросились к его ногам и стали произносить слово "бекос". Пастух сообщил об этом царю. Тот потребовал детей к себе и услышал от них то же слово "бекос". Когда по повелению царя выяснили, какой народ и что именно называет этим словом, то оказалось, что это фригийское слово "хлеб" (так оно и есть на самом деле). Этим способом царь Псамметих убедился, что самый древний язык и народ — фригийцы, а египтяне появились уже после них (фригийцы, конечно, не были самым древним народом, и вообще самого древнего народа не было. Предки людей обитали почти по всей Евразии и Африке, и естественно, что во многих местах и одновременно появились "очеловеченные" их сообщества, племена и народы).

ИДЕЯ ЧУДА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Идея божественного, или чудесного, происхождения языка прожила достаточно долго, вплоть до XIX в. И корень такой живучести, видимо, заключается в том, что она снимает

¹ *Геродот*. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 80—81.

проблему: если признать существование бога, то он создал все, что есть, а пути господа неисповедимы. Даже такие крупнейшие мыслители, как Платон (IV в. до н.э.) и И. Гердер (XVIII в.), много размышлявшие над происхождением языка, в конце концов приходили к тому, что уповали на божественное начало. И. Гердер, например, писал: "Однако и со всеми этими орудиями искусства, как мозг, органы чувств, рука, мы не добились бы ничего, как бы прямо ни ходили и ни стояли, если бы не приводила все в движение одна пружина, которую заключил в нас создатель: эта пружина — божественный дар речи"⁸.

Вопрос о божественном происхождении языка оживленно обсуждался в науке XVIII в., что связано с активной деятельностью французских просветителей, которые с позиций гуманизма и материализма решительно обрушились на средневековую схоластику, доведя дело разрушения ее мировоззренческого ядра до логического конца. Схоластика оказалась выхолощенной, но форма аргументации в научной литературе, в частности в спорах о происхождении языка, иногда имела еще богословский характер. В терминах богословия предпочитали спорить, например, немецкие мыслители.

В 1769 г. Берлинская академия наук объявила конкурс на лучшее сочинение на тему "Могут ли люди, будучи представлены своим прирожденным способностям, создать язык?" В нем приняли участие многие выдающиеся философы Германии (Г.Э. Лессинг, И.Г. Гердер и др.).

Классик немецкой философии эпохи Просвещения и выдающийся драматург и критик Г.Э. Лессинг (1729—1781) в статье "О происхождении языка"⁹ ответил на вопрос академии отрицательно. Он так сформулировал проблему: нельзя утверждать, что существует только два решения: или чудесное происхождение языка или изобретение его людьми. Имеется третий путь: первый человек был научен языку подобно тому, как дети учатся ему от взрослых. Кто же учитель? Он единственный — это высшее существо. Конечно, соглашается Г.Э. Лессинг, нисхождение самого создателя к людям и общение с ними для обучения их языку — акт чуда, но результат его ничего чудесного не таит: люди и учились языку, и использовали его столь же естественно, как это делают дети.

Сделав такой вывод, Г.Э. Лессинг должен был показать

⁸ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 96.

⁹ Антология мировой философии. М., 1970, т. 3, с. 50.

несостоятельность второй стороны дилеммы — чудо или изобретение. Богословская аргументация здесь особенно наивна. Основной довод — доброта создателя: для изобретения людьми языка потребовались бы многие столетия и создатель по доброте своей не мог допустить, чтобы люди влачили в эти безъязычные времена существование, которое едва ли может быть названо жизнью. Бог сжалился над людьми и приобщил их к языку. Как видим, это не что иное, как реставрация идеи раввинских экзегетов.

Любопытную аргументацию, направленную против договорной теории языка (см. ниже) и в защиту его божественного происхождения выдвинул в конце XVIII в. французский философ и публицист, апологет средневекового мировоззрения и монархии Г. Бональд (1754—1840). В своей книге "Первичное законодательство, рассматриваемое в последнее время как не единственный светоч разума"¹⁰ он исходит из тезиса о тождестве языка и мышления. Мы не можем произнести слово, рассуждает Бональд, если в нас самих нет внутреннего произношения (и с этим нужно согласиться). Но отсюда делается совершенно неправомерный вывод: мыслить значит говорить самому с собой внутренним словом, а говорить значит мыслить громко. Он сознательно отождествляет выражение мысли посредством слова и саму мысль: человек мыслит свое слово, прежде чем высказать свою мысль. Отсюда естественный вывод о том, что человек не мог изобрести языка, так как даже мысль о таком изобретении не могла появиться без слов.

Апелляция к богу как первоучителю языка в XVIII в. уже должна была как-то обосновываться. И основной аргумент в ее пользу — неразрешимость проблемы. Теория общественного договора о языке Ж.-Ж. Руссо произвела столь сильное впечатление на современников, что не считаться с нею, третировать ее предпосылки оппоненты уже не могли. Противники Руссо (как, впрочем, и он сам) видели самое уязвимое место в договорной теории в том, как могли люди договориться о значении слов, если не было возможности договориться, т.е. не было языка (этот аргумент используют и современные лингвисты).

Приведем для примера точку зрения профессора Эдинбургского университета Блера, опубликовавшего в 1783 г.

¹⁰ *De Bonald G.A. Legislation primitive considérée dans les derniers temps comme pas seules lumières de la raison. P., 1802, vol. 1, p. 241 и далее.*

"Лекции по риторике и изящной литературе"¹¹. Поскольку первые люди жили разобщенными семьями, то какая сила могла объединить их и вызвать потребность в общении? Если бы даже несколько семей, объединенных нуждой или случаем, договорились употреблять некоторые знаки, то каким образом они могли распространить свой язык на другие семейства? Ведь для этого необходимо взять над ними верх (заметим, кстати, что когда одни племена захватывали другие, то они, естественно, навязывали им и свой язык).

Для того чтобы утвердился и распространился единый язык, рассуждает Блер, люди должны были объединиться. Но такое объединение с общей пользой должно предполагать выяснение намерений, что невозможно без языка. Это неразрешимое в глазах Блера противоречие, а также тот факт, что все языки удивительно схожи между собой (он, видимо, имел в виду в лучшем случае европейские языки), дают Блеру основание приписать возникновение языка божескому наставлению.

К концу XVIII в. идея чудесного происхождения языка все более трансформируется в сторону эклектического соединения с человеческими корнями речи. По мнению философов, человек не в состоянии сам изобрести столь сложное и гармоничное явление, как язык. В этом ему была нужна помощь всевышнего.

Подобную точку зрения развивал немецкий просветитель, философ, профессор Марбургского университета Дитрих Тидеманн (1748—1803). В своем сочинении "Опыт объяснения происхождения языка"¹² он доказывал, что порядок и лад, свойственные языку, способность речи выражать тончайшие оттенки мысли свидетельствуют о божественном происхождении языка. Во всем здании языка видна мудрость и рассуждение. Но разве могли грубые и некультурные люди тысячи лет назад обладать ими? Хотя языки и становятся изящнее и богаче словами, но это поверхностные изменения, не затрагивающие их совершенной основы, правильность и упорядоченность которой люди не могли изобрести. Языки диких народов из-за их примитивности, правда, нельзя относить за счет божественного начала. Но эти народы не

¹¹ *Blar. Lectures on rhetoric and belles lettres. L., 1783.* — Эти лекции были переизданы во Франции в 1797 г., и из них Г. Гагарин и П. Лихачев сделали извлечение на русском языке, которое было издано под названием "О начале и постепенном приращении языка и изобретении письма" (М., 1799).

¹² *Tiedemann D. Versuch einer Erklärung des Ursprungs der Sprache. Riga, 1772.*

обладают и разумом, необходимым для создания языка и вложенным в человека богом.

Вопрос о порядке в языке дискутируется и в настоящее время в языкознании. Все же большинство лингвистов, насколько мы можем судить, склоняются к тому, что хотя язык и есть система взаимосвязанных единиц различного уровня (фонемы, морфемы, слова, схемы словосочетаний и предложений), но разумного, логического порядка в нем мало. Язык развивается стихийно, на основе потребностей общения и психических ассоциаций. Некоторые выдающиеся лингвисты нового времени (американец Уитни, швейцарец Ф. де Соссюр и др.) считали язык плохо устроенным складом. Так что аргументация Тидеманна, которая его современникам казалась убедительной и серьезной, для нас не является таковой.

Человеческий план возникновения языка мыслится Тидеманном в следующем виде. Сначала люди имели только представления о предметах. Благодаря представлениям появляются слова. Первым способом общения были жесты. Затем некоторые из людей, а именно духовные вожди, открыли, что гораздо удобнее общаться словами. Одно из их преимуществ состоит в том, что человек с помощью голоса может не только произвести впечатление на слушающего, но и сам воспринимать свою речь (мы бы сказали: контролировать речь легче, чем жест, позу или стихийный выкрик). Эта идея Тидеманна хотя и не объясняет перехода от жеста к слову, но оригинальна и глубока. Благодаря словам образуется разум. Но человеческий разум слаб и недостаточен, чтобы изобрести язык. Здесь необходим божественный разум, который, видимо, проявляется прежде всего у духовных вождей. Только с его помощью в язык вносится порядок и связь.

Интересно отметить, что в середине XIX в., когда естественно-научное мировоззрение господствовало в умах и творчестве большинства европейских ученых, когда бурно развивающаяся наука о языке собрала огромное количество фактов и обрела теоретическую базу в трудах В. фон Гумбольдта (1767—1835), выдающийся немецкий филолог и фольклорист Якоб Гримм (1785—1863) должен был обосновывать свою точку зрения на происхождение языка в богословских терминах.

В то время среди лингвистов получила широкое распространение гумбольдтовская теория трехэтапного развития языка. Первый этап — доисторический, дописьменный, но в общих чертах восстаиваемый. Этот язык состоял из одних

"корней", т.е. слова не имели ни префиксов, ни суффиксов, ни окончаний. Этот язык был богат словами, был способен описать любую конкретную ситуацию. Однако со временем отдельные слова стали присоединяться к наиболее существенным "корням", теряя свое самостоятельное "вещественное" значение. Такие слова стали выполнять роль вспомогательных словообразовательных (префиксы и суффиксы) или словоизменятельных (окончания) показателей. Получалось, что первоначальный язык как бы беднел и ухудшался. Это естественно-исторический процесс, связанный с развитием мышления.

Здесь-то Я. Гримм и выдвигает богословские аргументы против божественного происхождения языка. Во-первых, божьей мудрости противоречит насильственное навязывание того, "что должно свободно развиваться в человеческой среде"; во-вторых, было бы противно божьей справедливости позволить терять "дарованному первым людям божественному языку свое первоначальное совершенство". Следовательно, бог не имел никакого отношения к возникновению и развитию языка. Таковы аргументы Я. Гримма, изложенные в докладе "О происхождении языка", зачитанном в Берлинской академии наук 9 января 1851 г.¹³

¹³ Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1966, ч. 2, с. 53—64.

Глава 2

УСТАНОВИТЕЛЬ ИМЕН — БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЗАКОНОДАТЕЛЬ

ЛАО-ЦЗЫ И КОНФУЦИЙ

У многих народов создание языка приписывалось отдаленным предкам, высокочтимым и святым основателям племени, которые были связаны с богами, покровительствовавшими этому племени. Естественно, что, создав племя, народ, праотцы создали и его язык. Так, в Ригведе имена устанавливают первые мудрецы. Подобный же вариант словотворчества (наряду с чисто божественным) содержится в древнеиранской священной книге Авесте (букв.: закон): "И их же древние люди гор имена установили".

В древнекитайской философии роль установителя имен выполняют не только предки, но и современники, управляющие государством. Спор шел лишь о том, насколько свободны они в выборе слов, как соотносится деятельность по именованию, выполняемая изначальной упорядочивающей мир силой, с деятельностью управителей. Рассмотрим в этой связи позиции двух выдающихся китайских философов античности (VI—V вв. до н.э.): Лао-цзы и Конфуция — основоположников двух из трех (третья — буддизм) в прошлом официальных религий, постоянно ведших между собой борьбу за влияние. Лао-цзы основал даосизм (от дао — путь, сы — выбравший), а Конфуций — конфуцианство.

В основном памятнике даосизма "Дао дэ цзин" ("Книга о пути и добродетели") установление имен тесно связано с понятием дао. Дао — это реальная, но неопределимая созидательная сила, предшествующая всему сущему (в том числе и богам) и независимая от него: "Человек следует (законам) земли. Земля следует (законам) неба. Небо следует законам дао, а дао следует самому себе"¹.

Дао двойственно: одна сторона его безымянна, она не может быть выражена словами, она порождает главное в ми-

¹ Древнекитайская философия. М., 1972, т. 1, с. 122.

ре — небо и землю. Другая сторона обладает именем. Она изменчива, содержит конечные форматы, но в то же время она — "мать всех вещей". Как видим, и здесь именование сопутствует порождению вещей.

Зарождение даосизма, как и конфуцианства, происходило в очень трудную и бурную эпоху китайской истории, в эпоху междоусобиц, злоупотребления властью жестоких и алчных правителей, от чего страдало все население. Поэтому философы призывали правителей действовать в соответствии с законами, диктуемыми высшими силами. Только в этом случае поведение их будет правильным, т.е. приведет к порядку и благоденствию. Если государи и знать будут соблюдать дао, то и они сами, и народ успокоятся.

Установление порядка связано с именованием. Поскольку дао осуществляет порядок через государей, то и установление имен происходит через них. При этом государям необходимо "знать предел их употребления", т.е. их точный смысл. Это требование связано с законодательством: чем больше законов и чем они менее точны, тем больше беспорядка в обществе.

Конфуций, меньше интересовавшийся началами бытия и больше — нравственно-политическими способами наведения порядка в мире, прямо возлагал ответственность за установление имен на "благородного мужа" — государя, правителя. Он должен давать и произносить имена правильно, в соответствии с целесообразными правилами поведения. Последние основываются на гуманности и благорасположении благородного мужа к подданным и на их доверительной покорности.

Поскольку порядок и слова исходят, по Конфуцию, не от независимого дао, а от благородного мужа, то неправильные имена он же может и исправить. Отсюда теория исправления имен, имевшая определенный социальный смысл в условиях хаотического правления царствами при Конфуции.

Конфуций, говоря о правильности употребления имен, имеет в виду прежде всего общение между государем и подданными, правителем и исполнителями. Вот почему важно, чтобы слова благородного мужа были правильными, "имели под собой основание", т.е. указания его должны быть точными и понятными исполнителю. Такими же должны быть и законы, их исполнение и наказание за нарушение. Иначе "дела не могут осуществляться" и "народ не знает, как себя вести"².

² Там же, с. 162.

Однажды Цзы-лу спросил учителя: что вы сделаете прежде всего, если Вэйский правитель (города Вэй) привлечет Вас к управлению государством? И Конфуций удивил своих учеников ответом: "Необходимо начать с исправления имен". Одной из злободневных задач в этом отношении было приведение в соответствие названий должностей с обязанностями занимающих их чиновников — отмечает автор комментариев к "Лунь юй" ("Беседы и суждения") Конфуция В. А. Кривцов. Другими словами, государь или чиновник, отец или сын должны соответствовать, так сказать, своему понятию, выполнять прежде всего свое предназначение и социальные функции. Естественно, что для правильного выполнения распоряжений благородного мужа и законов это необходимо.

СПОР ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ: «ПО УСТАНОВЛЕНИЮ» ИЛИ «ОТ ПРИРОДЫ»

Здесь и в дальнейшем мы будем иметь дело только с гипотезами, по которым язык возник естественным образом, без участия таинственной силы, свойственной божеству или обожествляемым людям.

Древнегреческая философия в основном была сосредоточена на объяснении картины мира и природы человека из их сущности. Крайне редки мифологические сюжеты, связанные с происхождением языка, или рассуждения философов, привлекающих божественное начало для объяснения этого вопроса. Правда, в эллинистической мифологии (Восточное Средиземноморье) был сюжет о том, что создателем языка является бог Гермес — покровитель торговли и средств сообщения, отождествлявшийся с египетским богом Тотом. Но в греческой философии эта идея не была популярной. Сошлемся лишь на эпикурейца Диогена из Эноанды (II или III в.). Он называет явным вздором принятие Гермеса в качестве учителя языка.

Дело не только в том, что древние греки не доверяли богам (атеистов среди них было не так уж много), а, думается, в том, что дух философствования был таким, что если философ мог убедительно ответить на вопрос, используя естественные аргументы, то он не прибегал к сверхъестественной помощи. А вопрос о происхождении имен в общем и целом казался разрешимым, по крайней мере после платоновского "Кратила" (см. далее), что констатировал комментатор Аристотеля Аммоний (александрийский философ).

Мысль философов, а затем лингвистов и психологов вращалась уже вокруг двух основных вопросов: 1) какие природные звуки послужили "материалом" для создания звучаний слов; 2) строились ли слова сознательным интеллектуальным усилием или они складывались стихийно, "естественным" образом.

В древнегреческой философии развернулась борьба между двумя основными трактовками происхождения имен. Первая — "по установлению" — исходила из того, что имена людям и вещам (это не различалось) дают произвольно искусные в своем деле установители имен, подобно тому как родители нарекают своих детей. Другая линия связывала имена с природой вещей и людей, свойства которых отражались в звучании или значении имени.

Начиная с V в. до н.э. и вплоть до падения Римской империи и распространения христианства в древнегреческой философии дискутировался вопрос об истоках норм человеческого поведения, в том числе и языкового.

Физик-философ, изучающий природу, Архелай (V в. до н.э.), учитель Сократа, резко противопоставлял природный мир и человеческие установления. "Законы, политический строй, справедливое и несправедливое, — говорил он, — все это существует по установлению"³.

Особенно много рассуждали об этом софисты — первые профессиональные философы (V—IV вв. до н.э.). Говоря об установленности человеческих законов, они выдвигали идею "общественного договора". Так, по Ликофрону, государство есть собрание равноправных граждан, которые в целях обеспечения своей безопасности решили ограничить свою естественную свободу. Фразимах утверждал, что люди договорились не допускать несправедливости и не терпеть ее. Софист Антифонт говорил, что веления закона надуманны, а велениям природы свойственна внутренняя необходимость. Поэтому при свидетелях полезно высоко ставить закон, а без них — слушаться велений природы.

Сократ (469—399 гг. до н.э.), выдающийся афинский философ-идеалист, противопоставляет человека природе, изучать которую — дело нечестивое и безбожное. Главное, чем надлежит заниматься людям, — это стремиться к пониманию того, что есть справедливость, право, закон, добро и зло. Эту линию продолжают и последователи Сократа — этическая школа киренаиков (основана учеником

³ История философии. М., 1940, т. 1, с. 94.

Сократа Аристиппом в г. Кирена), которые, по свидетельству историка философии Древней Греции Диогена Лаэртского, утверждали, что нет ничего справедливого, прекрасного или безобразного по природе: все это определяется установлением и обычаем. Поскольку природа противопоставлена человеку, то постигнуть ее сущность трудно. Но если люди установили сами нравственные законы, то естественно, что они в состоянии их познать. Согласно киренаикам, чтобы обрести счастье, нужно постичь смысл добра и зла. Тогда ты станешь хорошим оратором, лишишься суеверий и страха смерти.

Таким образом, тезис об установлении касался достаточно широкого круга явлений общественной жизни, но относительно происхождения идеи он обсуждался особенно остро. Дело в том, что в ряде философских школ так же, как и в мифологических представлениях, именование вещи связывалось с ее созданием, но не в буквальном смысле, а как вычленение ее из потока действительности. Наиболее ярко это выразилось в философии Парменида (его акмэ⁴ — 500 г. до н.э.). Вещи не имеют ни рождения, ни конца. Они образуются смешением веществ и изменением смесей. Рождение же вещи есть не что иное, как называние ее людьми. Положенное для вещи имя выделяет ее среди других вещей, являясь ее отличительным знаком. У наивного материалиста Протагора (ок. 480—410 гг. до н.э.) бытие мира вечно и неизменно. Наблюдаемые же органами чувств изменения — лишь видимость, результат мнения, а не разумного знания неподвижной сущности, "истины".

Агностик Горгий (ок. 483—375 гг. до н.э.), высказывавшийся о непознаваемости мира, выдвигал против "отприродности" речи следующие аргументы: "субстраты (вещи) не раскрывают природы друг друга. Тем более неспособна сделать это речь, так как если она и субстрат, то по своей природе больше отличается от всех прочих субстратов, чем они друг от друга. И особенно отличаются видимые тела от речей, ибо иным органом воспринимается видимое, иным — речь"⁵. Звучащая речь, таким образом, не может показывать видимых субстратов.

Стройную аргументацию против теории "от природы" выстроил выдающийся философ-материалист, "размышлявший обо всем", Демокрит. Своим аргументам он дал названия: многозначность, равновесие, переименование и

⁴ Акмэ (греч. акмѐ) — период наивысшего расцвета творческих сил человека.

⁵ Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936, с. 34.

безыменность. Для понимания этой аргументации необходимо иметь в виду, что в представлении сторонников имен "от природы" само звучание названия вещи изображает или показывает ее, являясь как бы фотографией вещей.

Многозначность, или равноименность (в современной терминологии — омонимия), — означает, что различные вещи называются одним именем, тогда как по теории "от природы" разным вещам должны соответствовать разные имена, поскольку вещи различны по природе. Равновесие, или многоименность: разные имена "подходят" одной и той же вещи (синонимы), и, следовательно, они должны "подходить" (совпадать) друг другу, что невозможно, так как они все же разные; если бы имена были "от природы", то невозможно было бы переименование, в частности людей (нельзя было бы, например, переименовать Аристокла в Платона: Аристокл — настоящее имя, а Платон ("широкий") — прозвище). Безыменность состоит в том, что из схожих слов не всегда можно создать сходные производные слова, т.е. ряда имен не хватает.

Некоторые философы (Диодор Крон, IV в. до н.э.), демонстрируя произвольность установления имен, называли своих рабов не однозначными словами, взятыми из общенародного языка, а союзами и частицами (например, "Но ведь").

Мы сможем лучше понять активность сторонников "установления", если учтем, как любовно ораторы и поэты относились к слову, а они не только внимательно всматривались в значение слова, но и оценивали его звучание и даже "цвет" и "вкус". Лучшие ораторы и поэты должны были обладать, как потом выразится В. Гумбольдт, чутьем языка, употребляя известные слова и создавая новые выражения, т.е. они должны быть искусными в языке. Вот как об этом писал римский поэт Гораций (65—8 гг. до н.э.):

Скажет поэт хорошо, когда знакомому слову
Новый оттенок придаст сочетаньем искусным. Когда же
Новых примет выраженье найти неизвестному нужно,
Слово такое создать, что неслыхано было Цетегам,
Будет удачей. Но вольность дается с условием меры:
Созданным вновь и вводимым словам окажут доверье,
Если на греческий лад умело составлены будут.
Варию или Вергилию как отказать в этом праве,
Данном римским народом Цецилию или же Плавту?
Что же меня упрекать за немногие новшества, если
Энний уже и Катон создавали слова и богатством
Новым язык наделили отцов?...

Много опавших уже возродится, а тех, что в расцвете,
Много слов опадет, коль скоро захочет обычай.
Что в решениях его — и право и правила речи⁶.

Противники имен "от природы" любили обыгрывать собственные имена оппонентов, которые брались из слов общенародного языка и несли с собой присущие им понятия, которые далеко не всегда соответствовали качествам названных ими людей.

Вот какой диалог приводит Диоген Лаэртский — древнегреческий историк философии. Два представителя разных сократических (этических) школ — известные философы IV в. до н.э. Стильпон и Феодор-Безбожник — поссорились из-за имени Феодор: "Скажи, Феодор, — спросил Стильпон, — что в твоём имени, то ведь и в тебе?" Феодор согласился. "Но ведь в имени твоём бог?" (Имя Theodoros произведено от слова Theos — бог). Феодор и с этим согласился. "Стало быть ты и есть бог?" Феодор и это вынужден был принять. Стильпон расхохотался и сказал: "Негодник ты эдакий, да ведь с таким рассуждением ты себя признаешь хоть галкой, хоть чем угодно!"⁷ И более того, добавим мы, Феодор был известным атеистом, за это и получил прозвище "Безбожник".

Чтобы выходить из подобных ситуаций, сторонники имен "от природы" стали говорить, что есть правильные имена, соответствующие природе человека, и неправильные, данные ему ошибочно. Кратил — один из собеседников Сократа и Гермогена в диалоге Платона "Кратил" (см. следующий раздел) — так и заявляет. Имена Кратил и Сократ правильные, соответствуют носящим их людям: Кратил означает "силу", "власть", Сократ — "сохраняющий свою силу невредимой". А вот Гермоген — имя неправильное и не есть действительное имя Гермогена. Оно означает "происходящий из рода Гермеса", бога торговли и прибыли, тогда как участник беседы Гермоген неудачлив в делах и, по выражению Сократа, в погоне за деньгами теряет состояние.

Основоположником теории "отприродности" имени был, видимо, Гераклит Эфесский (ок. 540—475 гг. до н.э.), философ-материалист, сформулировавший ряд принципов диалектики. Однако его взгляды на природу имен не дошли до нас. Единственная, кажется, возможность восстановить их

⁶ Там же, с. 213.

⁷ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979, с. 135.

состоит в том, чтобы отождествить высказывания Кратила в диалоге Платона "Кратил", во-первых, с мнением исторически существовавшего философа Кратила и, во-вторых, со взглядами его учителя Гераклита. Такое отождествление делает Аммоний (V в.), комментатор Аристотеля, что, по мнению некоторых современных исследователей, достаточно сомнительно.

Взгляды Гераклита, по Аммонию, состоят в следующем. Подобно тому как восприятие вещей определено их природой, так и имена им определила она же: природа создала имена. Имена — это тени или отражения вещей. Тот, кто именует вещи, должен открыть природой созданное правильно имя, и если ему это не удастся, то он не именует подлинно, а лишь производит шум. Такая точка зрения могла, видимо, принадлежать Гераклиту, если учесть контекст его философии.

Мир как целое и отдельные вещи находятся в постоянном движении, возникая и разрушаясь. Гераклиту принадлежат знаменитые слова: "В одну и ту же реку нельзя войти дважды" и "Все течет, все изменяется". Жизнь и смерть, активное и пассивное, добро и зло существуют и не существуют одновременно. Они переходят друг в друга, противоборствуя между собой. Поэтому нельзя сказать, что есть добро, а что есть зло. Люди по своему произволу называют нечто добром или злом, как кому понравится. Поэтому имена вещей устанавливаются произвольно. Но это неправильные имена.

В основе вечного движения лежит логос — огонь как процесс, первопричина, законодательная и разумная сила. Он — душа природы и сама природа. Человеческий разум, стремясь приобщиться к всеобщему закону, логосу, должен обращаться к законам природы, а не к условным установлениям какого-либо государства, людей. Истина жива, поэтому она подвижна и прячется от человека. Мы видим лишь застывшее, а следовательно, омертвевшее. Только лучшие люди, из которых один стоит тысячи, могут познать вечный закон природы и высказать его. Они-то и открывают правильные имена, соответствующие природе вещей и созданные ею.

Как мы увидим в дальнейшем, стойки, восприимчивики Гераклита, были сторонниками имен "от природы" и непосредственно связывали восприятие вещей со звучанием их имен.

Сторонники "отприродности" имен привлекали к защите своей точки зрения самую различную аргументацию. Люди не

могут называть любой предмет любым словом и менять по своему усмотрению названия предметов. На это сторонники "установления" возражали, что не только в разных языках одна и та же вещь называется по-разному, но и в одном языке может быть несколько имен для одной вещи. Что же касается переименования, то они иллюстрировали его возможность на собственных именах.

Защитники имеи "от природы" прибегали к самым неожиданным доводам вроде, например, того, что проклятия и молитвы действуют на названных в них людей именно потому, что их имена связаны с их природой. Другие видят "отприродность" имени в том, что и имя, и глагол есть звуки, а звуки — явления природы. Следовательно, имена и глаголы "от природы". Аммоний отвечал на этот аргумент так: подобно тому как дерево — материал для искусственно созданной двери, так и звуки — материал для имен и глаголов, последние же являются человеческим созданием.

Подводя итог дискуссии греческих философов, Аммоний признает наиболее мудрой линию божественного Платона и его ученика Аристотеля, в которой объединены "установление" и "отприродность" имен: они создаются установителями имен в соответствии с природой вещей.

Аммоний считает, что имена существуют по установлению, так как их установил "замысел рассуждающей души" в соответствии с природой вещи, и иллюстрирует эти слова примерами, из которых, по его мнению, видно, что имена мужского рода соответствуют мужской сущности, а женского рода — женской⁸. Первой свойственно воздействовать и входить, второй — воспринимать. Так, ум — мужского рода, а душа — женского, потому что установитель имен усмотрел: ум освещает душу, а душа освещается им. По той же причине Солнце, по Аммонию, мужского рода, а Луна и Земля — женского. Реки имеют мужской род, а озера и море — женский, так как первые вливаются во вторые.

Что же касается множественности имеи, то она не препятствует им быть "от природы". Переименовывая вещи, мы добиваемся большего соответствия имен их природе. Как у человека может быть несколько изображений, так и у вещи — несколько имен. При этом одна и та же сущность раскрывается с различных точек зрения. Например, слова *anthropos*, *megors*, *brotos* обозначают человека, но с разных сторон: первое произошло от выражения "рассматривающий

⁸ Античные теории языка и стиля.

то, что увидел", второе — "имеющий членораздельную речь", третье — "запятнанный от падения души".

Итак, слова — это искусственные подоби́я вещей, устанавливаемые творцами имен. Причем подобие рассматривалось в двух, часто неразличаемых смыслах: подобие по каким-то признакам звуковой стороны слова и подобие его исходного, предшествующего значения, что особенно выразительно в собственных именах (Архидам — начальник народа, Василиск — царственный, Евтихий — благополучный).

Представление о том, что первые имена создавались мудрыми установителями, всматривавшимися в сущность вещей и старавшимися отразить ее в именах, настолько глубоко и серьезно, что, хотя в истории философской и лингвистической мысли и были отходы от него и от вопросов, связанных с ним, XX в. со своими новыми данными о доистории человечества возвращается к нему, наполняя его современным содержанием.

УСТАНОВИТЕЛЬ ИМЕН — ИСКУСНЫЙ ЧЕЛОВЕК: ДИАЛОГ «КРАТИЛ» ПЛАТОНА. АРИСТОТЕЛЬ

Платон (428—348 гг. до н.э.), крупнейший философ-идеалист Древней Греции, автор до сих пор ценимого лингвистами диалога "Кратил, или о правильности имен", был сторонником теории установления, произвольности имен и невозможности с их помощью познать сущее, поскольку они не отражают его. В одном из своих последних писем он говорит: "Ничто не мешает, чтобы то, что ныне называется круглым, было названо прямым, и прямое — круглым; и у тех, кто произвели эту перестановку и называют навыворот, имена отнюдь не будут менее прочными"⁹.

Около 387 г. Платон организовал в Афинах кружок философствующих аристократов, который был назван академией по имени сада, где собирались философы, названного в честь легендарного героя Академа. Платоновская академия просуществовала почти тысячу лет и была закрыта византийским императором Юстинианом, при котором христианство было уже государственной религией, в 529 г. н.э. как рассадник язычества, хотя надо сказать, первые христианские вероучители, отцы церкви, широко пользовались аргументацией Платона и платоников в защиту божества и в истолковании его роли.

⁹ Там же, с. 59.

Основная форма произведений Платона — диалог. В соответствии с этим "Кратил" построен так, что сначала Сократ — любимый учитель Платона и выразитель авторских идей во всех платоновских диалогах — переубеждает Гермогена, сторонника имен "по установлению", и Кратила, ратующего за "отприродность" имен. Затем Сократ соединяет обе точки зрения, объяснив, как установители создают правильные и неправильные имена.

Сократ подводит вопросами Гермогена к тому, что всякая вещь имеет свою устойчивую сущность, независимую от нас. Когда мы что-либо делаем с вещами, то мы должны свои действия (резать, жечь, ткать) согласовывать с природой вещей, иначе не добьемся успеха. Но говорить — то же действие, и оно будет успешным, если человек говорит так, как свойственно природе вещей.

Здесь Сократ слишком прямолинейно отождествляет предметные действия с речевыми. Последние имеют принципиально другую природу: они символичны и посредством словесных знаков выражают и описывают любые физические действия, их нельзя рассматривать в одном ряду с предметными действиями, как нельзя переносить свойства вещи на изображение ее в зеркале.

Поскольку Платон против "природной" теории имен, постольку он, видимо, специально разрешает Сократу делать искусственные натяжки в аргументации в защиту этой теории, чтобы, так сказать, ее скомпрометировать.

Следующий шаг в доказательстве Сократа — переход от "говорить" к "именовать", которое является частью действия "говорить". А так как все действия имеют свою собственную природу, независимую от нас, но зависимую от природы вещей, над которыми эти действия совершаются, то и именование должно совершаться не как мы пожелаем, а по природе данной вещи. Здесь Сократ опять допускает логическую натяжку, отождествляя именование в составе речи, когда человек пользуется уже готовыми словами, с именованьем как созданием новых слов, к чему он дальше и переходит.

Но предварительно Сократ использует еще одну аналогию: он сравнивает имя с орудиями ремесленников — с буравом, с челноком ткацкого станка — и делает вывод, что имя есть некое орудие поучения и разбора сущности¹⁰. С

¹⁰ Платон. Собрание сочинений. М., 1971. Т. 2.

подобным представлением об имени Платон настойчиво боролся, не признавая за языком роли средства познания мира. Прекрасно использовать орудие, продолжает Сократ, можно только тогда, когда оно изготовлено тем, кто хорошо владеет своим искусством. Так и установление имен может осуществлять не всякий муж, а обладающий способностями законодателя, творца имен. Только он способен вложить в буквы и слоги образ имени, от природы присущего всякой вещи.

Разъяснив Гермогену, что свойства челнока и бурава определяются природой той работы, для которой они предназначены (ткать, буравить), и что создатели этих орудий имеют это в виду, когда воплощают их образ в дереве или железе, Сократ утверждает, что имена свойственны вещам от природы, а роль законодателя состоит лишь в том, чтобы видеть образы этих имен и воплощать их в буквы и слоги. Здесь Сократ, во-первых, ушел от собственной аналогии, по которой выходило бы, что имена должны соответствовать той работе, для которой они предназначены, т.е. говорению, и, во-вторых, не объясняет, каким образом законодателю становится известен образ имени, которое независимо от него присуще вещам.

Слова Сократа о том, что если законодатель хочет быть настоящим установителем имен, то он должен уметь создавать и устанавливать все имена, явно предназначены для того, чтобы вызвать недоумение читателя: ведь чтобы установить все имена, законодатель прежде должен познать сущность всех вещей и соответствующие образы имен, что, конечно, не по силам никакому законодателю.

Далее аргументация Сократа за "природность" еще более компрометируется, когда он объясняет, как были установлены те или иные имена. Основные приемы здесь — добавление или отнятие букв. Так, законодатель прекрасно создал слово "βετα" для обозначения буквы β, добавив к ней еще три буквы ε, τ, α и нисколько не повредив ее природе. Имя Diphilos (Дифил) было создано из двух слов Di и philos (вдвойне любимый) путем отбрасывания второго i в слове Di. Слово "хорошее" Сократ выводит из слов "удивительное" и "быстрое". Эти в свою очередь выводимы из других слов. И так можно дойти до исходных элементов, до первых имен.

В качестве источников первых имен не могли быть звукоподражания, рассуждает Сократ, так как подражание скоту, петухам и прочим животным вовсе не означает их именования. Все же, скажем мы, звукоподражательный

принцип будет в дальнейшем широко применяться в гипотезах о происхождении языка. Если имя показывает сущность вещей, то оно не может подражать их звукам, а должно отражать их существенные свойства.

Подобно тому, считал Сократ, как алфавит состоит из букв (в европейской традиции звуки и буквы не различались вплоть до XIX в.), из которых складываются слоги, слова и словосочетания, так и все сущее делится на элементы, из которых можно выделить исходные или объединить их в виды. После этого надо соотнести буквы алфавита с вещами, с их свойствами. Буква ρ (в латинской транскрипции r), например, показалась установителю имен орудием движения, она подобна порыву и язык при ее произнесении приходит в сильное сотрясение. Движение эта буква выражает в таких словах, как *gein* (течь), *trōmos* (дрожь), *trechein* (бежать) и т.п. Буква ι (йота) использовалась установителем для всего тонкого, что может пройти через все. Буквы ϕ (фи), ψ (пси), σ (сигма) и ζ (дзета) имеют характер дуновения. Поэтому установитель использовал их для называния всего вздутого и всякого трясения. Для сжатия больше всего подходят δ (дельта) и τ (тау), а скользящая буква Λ (лямбда) — для всего гладкого, лоснящегося и т.п. Большие буквы Α (альфа) и Η (эта) установитель использовал для именования большого и длинного, а Ο — для круглого. Комбинируя буквы в слоги, а слоги в слова, законодатель также шел путем подражания сущностям вещей.

Кратил, сторонник "отприродности" имен, довольно быстро соглашается с Сократом, что без установления и обычая именам не обойтись.

Установители имен, как и художники, могут быть более или менее способными. Если художник воспроизвел все подходящие цвета и формы, то картина получилась прекрасной. Если же он что-то пропустил, а что-то добавил, то картина исказится. Так и установитель имен мог пропустить некоторые буквы, другие — добавить. В результате имя будет создано неправильно. Однако и неправильные имена показывают вещи, но не благодаря сходству с ними, а по обычаю. Последний толкуется в том смысле, что люди понимают друг друга и тогда, когда пользуются неправильными именами. И все же для имен лучше, когда большинство их букв являются сходными с вещами, и плохо — в противоположном случае. В этой связи Сократ отвергает соображение о договоре между людьми, называя его грубым, а в первой части диалога, говоря о законодателе, он утверждает, что установление имен, как

творческий акт, не могло быть делом первых ничтожных людей.

В диалоге "Кратил" Платон собрал известные в его время гипотезы, которые образовали тот набор постулатов, вокруг которого в основном и вращалась вся последующая мысль философов и лингвистов. Однако сам Платон все эти гипотезы в той или иной форме отвергает: либо высмеивает, как теорию подобию, либо просто не признает (звукоподражание, договор). Ближе всего ему теория установления, но и в ней он не уверен. Все это приведет его впоследствии к мысли о божественном начале: первым грамматистом был бог или богочеловек, расчленивший речь на отдельные звуки (гласные, согласные и безгласные) и создавший грамматику.

Ученик Платона Аристотель (384—322 гг. до н.э.) непосредственно не интересовался происхождением имен. Однако его комментаторы полагают, что он придерживался взглядов Платона: слова — символы, но если установитель именует правильно, то они соответствуют природе вещей. Аристотель приводит следующее рассуждение: слова являются знаками волнений души, впечатлений от вещей. Но знаки не везде одинаковы, в разных языках различны, тогда как вещи и вызываемые ими впечатления везде одинаковы. Отсюда следует, что ни одно имя не существует от природы, слова лишь случайным образом связаны с вещами.

Интересно, что для Аристотеля знак (или символ) — понятие более широкое, чем слово. Обозначать могут и звуки животных: не поддающиеся написанию звуки, вроде тех, какие издают звери, тоже обозначают что-нибудь, но ни один из них не представляет слова. Он, таким образом, как бы признавал способность знакового поведения за животными, не владеющими словами.

Поэтому символ является родовым понятием для имени. В связи с этим комментатор Аммоний дает следующее определение имени, соответствующее точке зрения Аристотеля: имя — "символ, образуемый из звука с условным значением, без отношения ко времени, отдельная часть которого (звука) ничего не обозначает, указующий на какое-либо существование или лицо"¹¹. Это определение нуждается в пояснении. Слова "без отношения ко времени" указывают на то, что речь идет только об именах (существительных). Глаголы же, как имеющие "оттенок времени", здесь

¹¹ Античные теории языка и стиля, с. 79.

исключаются. Имя и глагол — две из четырех частей речи, имеющие самостоятельное значение.

Аристотель различал простые и сложные слова; части простых слов (слоги) не имеют самостоятельного значения (с современной точки зрения, если слог выражает морфему, то он значим), а сложные слова состоят из частей со значением. В определении Аммония имеются в виду только простые имена: "отдельные части звука ничего не обозначают". Признак, "указывающий на какое-либо существование или лицо", дан, видимо, для отличения человеческого слова от других звуков, например животных, которые обозначают "душевные волнения", но не указывают на какое-либо существование вне животного.

Аммоний в своем комментарии к трактату Аристотеля "Об истолковании" стремится показать, что тот вовсе не отрицал возможности того, что слова могут оказаться природным подобием вещей, но устанавливается это подобие искусственно. Свойством "отприродности" имен Аристотель сам часто пользуется, стараясь либо установить подобие у старых имен, либо создать его при введении новых слов. Так, в лекциях по физике он устанавливает соответствие вещам таких имен: *automaton* 'самопроизвольное', *kenon* 'пустое', *hyetos* 'дождь'; его новые слова также строятся по соответствию вещам: *entelecheia* 'целесообразное осуществление', *horos* 'определение для простых терминов силлогизма', *schema* 'фигура силлогизма', *antiphrasis* 'противоречие'.

Таким образом, линия Платона — Аристотеля предполагала установление имен мудрым человеком по возможности в согласии с природой вещей. Если же таковое отсутствует, то это происходило по двум причинам: или имя с самого начала было плохо установлено, не в соответствии с вещью, или первоначально правильное имя было искажено обычаем.

Остается неясным вопрос, что имеется в виду под подобием имени вещи. Само звучание должно походить на вещь, как это стремится показать Сократ, пародируя кого-то из атомистов? Или этимологически, своей "внутренней формой", т.е. значением морфем ("словов"), слово должно подражать впечатлению о вещи. Примеры, приведенные Аммонием, говорят, кажется, о втором понимании.

ИДЕЯ ОБ УСТАНОВИТЕЛЯХ ИМЕН В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ (ДЕЖЕРАНДО)

Приблизительно в 1797 г. Парижский институт объявил конкурсную тему "Влияние знаков на формирование идей" (*Déterminer quelle a été l'influence des signes sur la formation des idées*). Случайно узнав об этом, французский историк философии, публицист и общественный деятель Ж.М. Дежерандо (1772—1842) сочиняет на эту тему мемуар, который в более обширном виде издается в 1800 г. под названием "Знаки и искусство мыслить, рассмотренные в их взаимном отношении"¹².

Дежерандо трактует происхождение языка на фоне его соотношения с мышлением и в каком-то смысле предвосхищает идеи В. Гумбольдта. Французский философ обращается к этнографическим наблюдениям за поведением и мышлением диких племен и обращает внимание на то, как мало успехов они сделали в умственной деятельности. Хотя их мышление и способно удержать множество фактов, но неспособно связать их логической цепью. Однако у Дежерандо вызывает удивление тот факт, что некоторые из наречий для своего создания требуют высокого строя мысли, большого "усилия разумения". И это особенно странно, что ныне живущие племена на протяжении многих поколений ничего не прибавляют к своему языку. Отсюда Дежерандо делает вывод: они имели при своем возникновении в качестве руководителей несколько человек, превосходивших всех тех, из кого эти народы состоят теперь, и даже одаренных своего рода гением.

Вопрос о совершенстве языка малокультурных народов остается до сих пор одним из самых таинственных. Здесь едва ли можно говорить о вырождении таких племен (Дежерандо также исключает такое предположение), об упрощении форм их поведения и культуры при сохранении богатства языка. Ведь если в их истории были бы времена, богатые событиями и тонкими взаимоотношениями между людьми, требовавшими совершенного языка, то с отходом таких времен в прошлое с ними бы ушло и разнообразие языковых явлений, уже не требовавшееся для общения. Но этого не произошло. Следует предположить, что и богатая лексика и сложные грамматические формы, которые являются, по выражению Дежерандо,

¹² *Degerando G.M. Des signes et l'art de penser, considérés dans leurs rapports mutuels. P., 1800.*

известного рода отражением весьма тонкой метафизики, соответствуют разнообразному и детализированному общению "дикарей" с природой и между собой. Это общение, как мы полагаем, не требует возвышения к абстракциям и теоретического мышления, но отражает непостижимую для постороннего наблюдателя жизненно важную дифференциацию событий и их связей, хотя и в замкнутой, но внутренне разнообразной среде.

ЯЗЫК ИЗОБРЕЛИ ПЕРВЫЕ ПАРЫ ПРАЛЮДЕЙ (Я. ГРИММ)

Уже упоминавшийся нами ранее выдающийся германский филолог Я. Гримм выступал как против божественного происхождения языка, так и против врожденности и "отприродности" языковой способности. Язык не мог быть результатом откровения свыше, так как это означало бы божественность человеческой природы, ее внутреннего мира. Он не мог быть и врожденным, поскольку тогда человек ничем бы не отличался от других животных, владеющих своими "языками". Остается только считать, что язык — чисто человеческое приобретение и изобретение, созданное в согласии с природой человека. "Возникнув непосредственно из человеческого мышления, приравнявшись к нему, идя с ним в ногу, язык стал общим достоянием всех людей..."¹³ (очень глубокое и правильное понимание подчиненности языка мышлению).

По мнению Я. Гримма, легче всего представить происхождение языка в ситуации, в которой взаимодействуют две-три пары родоначальников и их дети. Изобретаемый язык в результате многократного повторения одними и теми же людьми хорошо шлифуется и закрепляется в их среде. Дети, воспринимая его, передадут язык новому поколению и шире распространят его. В творении языка несомненно велика роль женщин, о чем говорит наличие во всех древних языках наряду с мужскими женских окончаний в склонении и спряжении. Женщины создавали и свой особый говор, соответствующий чертам их быта. Первые слова формировались изобретателем достаточно произвольно, но при этом он руководствовался более или менее тонким чувством. Это чувство должно было, например, учитывать, что гласные звуки не имеют женское происхождение, а согласные — мужское, что буква l обозначает мягкое, а r — грубое и т.д. (как видим, идея

¹³ Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. I, с. 64.

звукоизобразительности первых слов дошла от древних греков до середины XIX в.). Изобретатели понимали, что нельзя применять одни и те же звуки к различным представлениям, так как это приведет к путанице.

Что касается взглядов Я. Гримма на характер изначального языка, то здесь мыслитель опирался на классификацию языков Шлейхера — Гумбольдта. Первые слова состояли из одних корней и обозначали вещественные представления. При этом исходными были представления о себе и других, и поэтому первыми частями речи явились не имена, а местоимения (как начала всякого имени, а не заместители) и глаголы. Развиваясь в идиллической обстановке, слова обладали ясностью и непринужденностью, но в то же время были слишком перегружены, "так что свет и тень не могли в них как следует распределиться" (видимо, Я. Гримм имеет в виду, что слова сами по себе были многозначными (перегруженными), но в контексте, описывающем простые ситуации, в которых общались первые люди, слова приобретали ясность и определенность: XIX век еще не умел, а под влиянием В. Гумбольдта и не хотел, различать язык как систему слов и речь как процесс их использования).

Синтаксиса в первобытном языке не было. Слова располагались в простой последовательности, "указанной чувствами".

Первобытный язык начинает разрушаться и переходить во флективный тогда, когда "дух языка" начинает различать основные и побочные представления. Слова, обозначающие последние, в укороченном и как бы облегченном виде превращаются в определительные представления, присоединяемые к основным. Так возникают флексии, суффиксы и префиксы (и с этим надо согласиться: нет ничего в грамматике, чего сначала не было бы в лексике, только механизм грамматикализации был сложнее).

ЯЗЫК — ПРОДУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА, ЕГО ВНУТРЕННИХ СПОСОБНОСТЕЙ

СТОИКИ

В древнегреческой философии стоицизм был одним из самых распространенных и влиятельных направлений. Один из его основоположников, Хрисипп Солский (281—208 гг. до н.э.), высказывался за имена "от природы": "первые звуки подражали вещам". Но понимали стоики "отприродность" имен не так, как Кратил в одноименном диалоге Платона (имена присущи вещам от рождения, и дело установителя их открыть), и не так, как Демокрит и Эпикур (имена соответствуют существенным свойствам вещей).

Подход стоиков к этой задаче можно назвать психологическим: чувственные особенности впечатлений от вещей (мягкость, грубость, жесткость) определяют подобные же особенности звуков. Из образовавшихся таким образом слов затем развиваются новые слова на основе ассоциаций по сходству, смежности, контрасту и т.п.

Прямыми свидетельствами того, что думали стоики о том активном начале, которое устанавливало связи между вещами и словами, мы не располагаем.

Здесь придется выдвинуть гипотезу о гипотезе.

Стоики проповедовали идею логоса — разумной законодательной и управляющей силы, божества, которое создало все сущее, соединившись с материей. Процесс творчества проходит через частные логосы, порождающие отдельные вещи. Человеческие логосы — особой природы, так как человек разумен, чем отличается от всего остального мира.

Стоики ввели впервые термин "логика", которую они понимали как науку о словах (неполных высказываниях, могущих быть истинными или ложными) и предложениях (полных высказываниях). Они же впервые сформулировали так называемый классический семантический треугольник, т.е. соотношение между вещью, мыслью о ней и словом, выражающим эту мысль: между собой сопряжены обозначающее, обозначаемое и объект. Обозначающее есть телесный

звук, обозначаемое — бестелесный "предмет", постигаемый рассудком и не воспринимаемый зарварами, не знающими языка, объект — телесный внешний субстрат. Стоики были последовательными сенсуалистами: источником всякого знания являются чувства, логический анализ их данных накапливает опыт.

Хотя стоики не противопоставляют чувственное познание разумному, как это делали многие древнегреческие философы, но объекты этих форм познания различны. В чувственном познании человек овладевает свойствами конкретных, индивидуальных предметов путем оттисков их в душе в виде ощущения. Разум же посредством умозаключений обобщает конкретное знание в общие понятия — "предвосхищения", из которых наука создает высшие понятия.

Слова создаются именно в области чувственного познания, поскольку представляют собой ощущения и впечатления внешнего или внутреннего чувства, и, следовательно, возникновение имен может произойти без разума, просто благодаря деятельности разлитой по всему телу души. Поэтому если стоики и связывали как-то появление имен с деятельностью божественного логоса, то очень опосредованно.

Не могли принять стоики и идею установителя имен, хотя истинный мудрец, друг богов, прорицатель и кормчий, всеведущий и обладающий всеми добродетелями, — одна из ведущих категорий их этического учения. Однако, как признавались сами стоики, такой мудрец — абстрактный идеал, и даже лучшие философы были лишь на пути к нему. Следовательно, установителя имен не могло существовать.

Согласно стоикам, человек особым образом сопричастен всеобщему разуму и мировой душе (логосу), которая предопределила его предназначение быть таким разумным животным, которое по природе предназначено к общению с себе подобными. И естественно, что природа человека, его душа, хотя и очень тонкая, но телесная созидательная сила, создала для осуществления его предназначения язык.

В изложении Августина (354—430) стоики представляли себе это следующим образом. Некоторые первые слова обладали сходством по звучанию со звучанием обозначаемой вещи, т.е. были звукоподражательными. Ощущение звучания вещи формировало звучание слова — положение, которое отвергает Сократ в "Кратиле". Примерами таких слов являются *hinnitus* 'ржание лошадей', *clandor* 'звучание труб', *stridor* 'скрип цепей'.

Для тех же предметов и явлений, которые не звучат, имеет

значение, как они воздействуют на чувства (а не каковы они в действительности, как это у атомистов). В соответствии с этим и подбираются звуки для их обозначения. Например, мягко звучат слова *lene* 'мягкое', *voluptas* 'наслаждение', *mel* 'мед'. Неприятное обозначается грубыми звуками: *asperitas* 'грубость', *сгих* 'крест'. Жесткими словами являются *асте* 'острое', *iana* 'шерсть', *vergus* 'терн'. Согласие ощущения вещи с ощущением звука стойки считали как бы колыбелью слов, говорит Августин.

Как частные логосы несут в себе семена, из которых разовьется полная вещь, в том числе душа и тело человека, так и из начальных слов "вольность называния" создает все другие слова. При этом используются подобные впечатления от самих вещей, ассоциации, как будут говорить в XVIII в., по сходству. Пример, приведенный Августином, правда, несколько неуклюж: *сгуга* 'ноги' произошла от *сгих* в силу сходства ног по длине и твердости с деревом, из которого сделан крест.

Другой способ получения новых слов — перенос старых слов на смежные предметы. Слово *piscina* 'бассейн' получилось из *piscis* 'рыба' "по причине воды, в которой живут рыбы". Следующий прием — называние по контрасту: темная *lucus* 'роща' от *lucet* 'светит', *bellum* 'война' от *bella* 'прекрасная'.

Называние по смежности имеет много разновидностей: что делается получает название от того, с помощью чего делается — слово *foedus* 'союз' произошло от *foeditas* 'поросенок, который приносится в жертву при заключении союза'; от средства к результату (от *puteus* 'колодец' к *rotatio* 'питье'); от содержащего к содержимому и наоборот (от *orbis* 'круг' образовался *urbs* 'город', который опахивают кругом, и из *hordeum* 'ячмень' получился *horreum* 'овин'); от части переходят к целому и от целого — к части (тисго 'острие меча' и 'весь меч').

У бесчисленного количества слов происхождение скрыто, но его можно установить.

Механизм ассоциативного переноса значений слов является основным объяснением их многозначности, и стойки прекрасно это поняли. Но для раскрытия причин и закономерностей создания новых слов он недостаточен. Здесь необходим учет целого ряда внутренних и внешних для языка факторов, в частности системные отношения слов в языке, способы словообразования, свойственные ему, потребности общения — появление новых предметов, изменение социаль-

ных отношений, развитие аналитизма и синтетичности внутреннего мира людей, их мышления.

Рассуждения стоиков о звукоподражании явились фундаментальными для философии и лингвистики нового времени. Если гераклитовская идея о том, что слова — тени вещей, не была воспринята в XVIII—XX вв., то две формы звукоподражания — подражание звукам вещей и впечатлениям о вещах — станут основными тезисами так называемой ономастической теории происхождения языка.

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ТЕОРИЯ У ЛЕЙБНИЦА И ДЕ БРОССА

Лейбниц (1646—1716), знаменитый немецкий философ и ученый XVII—начала XVIII в., придерживался звукоподражательной теории в том ее варианте, какой сложился у стоиков. Он был сторонником теории общественного договора о законах человеческой жизни. Лейбниц высказывал различные лингвистические идеи: о происхождении языков, о генеалогической их классификации, о возможности создания общечеловеческого философского языка. Слова образовались благодаря стихийному, инстинктивному подражанию их звучаний тем впечатлениям, которые производили на первых людей окружающие их вещи и животные. Есть звуки сильные и шумные, а есть мягкие и тихие. И те и другие передают соответствующие представления. Так, звук *г* вызывает сильное движение и шум. Поэтому он в самых различных языках передает слова с близкими значениями, связанными с сильными действиями: нем. *Riss* 'разрыв', лат. *gumpro*, фр. *attacher*, ит. *straccio* близки и по звучанию и по значению.

Буква *l* обозначает тихий и мягкий шум, в чем нетрудно убедиться на соответствующих примерах. Более того, это свойство *l* привело к тому, что с его помощью в латинском, верхненемецком и других языках образуются слова с уменьшительным значением. Представление как бы формирует для себя звуковую оболочку слова. Так, звуки *a* и *h*, сами по себе не сильные и легкие, послужили материалом для слова, обозначающего шумную жидкость — воду. Но для этого надо их сделать более грубыми, что достигается их удвоением: *aha* или *ahha*.

В языке, конечно, много случайного и искаженного, рассуждает Лейбниц, и современные слова отошли от их первоначального звучания и оригинального значения. Примером случайного в языке, нарушающего общую тенденцию к соответствию звучаний и значений слов, служат названия

хищных животных (le lion 'лев', le lynx 'рысь', le loup 'волк'), содержащие мягкий и краткий звук l. Перенос этого звучания на хищников мог произойти через посредство слова laui 'быстрота', в котором звук l на месте и значение которого может быть связано или с быстротой этих хищников, или с быстротой убегания от них человека.

Лейбниц, таким образом, поддержал звукоподражательную теорию древних греков и подготовил ее широкое использование в гипотезах о происхождении языка, выдвинутых в XVIII и XIX вв. Подтверждение тому — точка зрения де Бросса.

Поиски естественных оснований языка, характерные для философии XVIII в., вызвали интерес к языкам первобытных народов Африки и Австралии, бурная колонизация которых началась в это время. Один из исследователей этих народов, де Бросс, опубликовал в 1765 г. книгу "Рассуждения о механическом составе языков и физических началах этимологии". Он наблюдал за тем, как люди отсталых племен создают названия новых для них предметов, и пришел к выводу, что основной источник слов — это звукоподражание: дикарь ружье называет "пу", а птицу — "куку". Если же предметы, а тем более действия не звучат, то голос подражает образу обозначаемого предмета: если предмет содержит в себе пустоту, то и голос должен звучать как бы из пустоты, если предмет груб, то и голос грубеет.

Но и этих двух способов словотворчества (подражание звучанию предмета и подражание образу предмета), считает де Бросс, недостаточно, чтобы объяснить происхождение слов; как и Руссо, он привлекает "природные вопли" человека. Это та гипотеза, которая впоследствии получила название теории междометий.

Наблюдая за поведением детей, де Бросс пришел к выводу, что первоначально бессмысленные восклицания детей, выражающие их ощущения, переходят в междометия, "живописующие" внешний мир. Перенеся эти наблюдения на первобытный язык, он решил, что междометия суть первые его слова. Из междометий, сопровождавших ощущения и впечатления от вещей, получались слова, "накладывавшиеся" на эти впечатления.

ТЕОРИЯ РЕФЛЕКСИЙ И. ГЕРДЕРА

В 1769 г. Берлинская академия объявила конкурс сочинений на тему "Могут ли люди, будучи представлены своим врожденным способностям, создать язык?" Одним из немногих, кто ответил на этот вопрос положительно, был немецкий просветитель второй половины XVIII в. И. Гердер. И до этого конкурса его интересовал вопрос о происхождении языка, а тут выпала возможность высказаться публично. В 1771 г. Гердер представил рукопись в академию, и она была отмечена премией. В следующем году работа публикуется под названием "Исследование о происхождении языка".

Если до сих пор мыслителей беспокоило прежде всего происхождение членораздельного слова, его звуковой стороны, то Гердер сосредоточил свое внимание на возникновении внутреннего содержания имени, его значения, что явилось несомненным новаторством. Гердер исходит из того, что и животные и человек в животном состоянии имели язык. Это язык естественных криков страдающей души, это проявление ее инстинктов. Такие крики возбуждают другие существа с родственной душой, вызывая у них сочувствующие ощущения. Язык животных и первых людей основан на инстинктах, это язык ощущений. Подтверждением тому является язык дикарей — трогательные звуки, в которых дикари изливают свои чувства. Все это — действие закона "чувствующей машины".

Но настоящий человеческий язык очень далеко отстоит от языка ощущений. Последний для него даже не корни, а соки, которыми питаются корни человеческого языка. А дело в том, что человек обладает особой природой, противоположной сущности животных. Если животные — это чувствующие машины, работающие инстинкты, то у человека инстинкты ослаблены. Этот недостаток возмещается совершенно особым качеством — разумом, который, как и язык, коренится в природе человека. Разум не возвышает его на ступень над животными, но делает человека другим по существу. Эта сила охватывает и познание, и чувствования, и "волящую природу" человека; в ней-то и лежат исходные основания языка.

Благодаря разуму человек перестает быть инстинктивно действующей природной машиной, он становится свободным от бессознательной деятельности, он сам может поставить и решить задачу "обработки" самого себя, так как способен найти сферу своего отражения, в том числе в самом себе. Другими словами, он может наблюдать самого себя,

анализируя свой внутренний мир. Эта способность к рефлексии и породила сначала внутренний, а затем внешний человеческий язык.

Гердер упорно подчеркивает, что рефлексия и созданный ею язык — особые свойства человеческого рода, они также естественны, как сам человек. Мы бы согласились, что рефлексия (самосознание) является одним из кардинальных психических свойств человека, но она отнюдь не есть то, что отделяет его от животного мира, как это получается у Гердера.

Процесс создания языка, по Гердеру, состоит в следующем. Мышление есть не простое узнавание предмета, а выделение из роя образов, проносящихся в душе человека, отдельных "волн" для сосредоточенного наблюдения над ними. В результате анализа выделенного образа и сопоставления его с другими выявляются признаки как отличительные свойства этого образа и создается отчетливое понятие. Эти отличительные признаки образа — результат рефлексии — и есть "слова души".

Но не всякий признак, считает Гердер, становится "словом души" и отделяется от образа предмета, а такой, который повторяется и производит наиболее сильное на нее впечатление, выделяясь на первый план. Так, для белого, кроткого, покрытого шерстью ягненка таким признаком будет "блеять"; при повторной встрече с ним душа скажет: "А, это ты, блеющий!" Звук блеяния соединился с признаком "блеять" овцы и в результате рефлексии сделался ее названием. Звук, признак предмета и его идея соединятся даже в том случае, если человек и не будет пытаться произносить название. Эта связь возникает в разуме сама по себе, естественно, и душа, созерцая овцу и избрав блеяние в качестве памятного знака, "в глубине своей уже проблеяла" это слово.

Гердер, видимо, первый начал рассуждать о внутренней речи. До сих пор понятие это очень сложное и спорное. В контексте же рассуждений Гердера, в плане генезиса речи оно просто перевернуто: "слова души", конечно, могли возникнуть не в результате спокойного созерцания предметов, а только в процессе общения людей.

В качестве "материала" для звуков речи Гердер вслед за Ж.-Ж. Руссо указывает на природные звуки вещей и на звуки, вызываемые чувствами. Здесь он рассуждает довольно витиевато: имея чувства, душа имеет отчетливые представления, а следовательно, признаки и внутренний язык; с другой

стороны, чувствования как ощущения, присущие "животной природе" человека, имеют свой звук, который и есть слово для внешней речи. Таким образом, внутренний язык и внешний связаны через чувствование, а не рефлексией, которая не распространяется на "животную природу".

В одной из своих последних работ, "Идеи к философии истории" (1791), Гердер отдает дань подражанию жестами и мимикой у детей и диких народов. Последних он называет "прирожденными артистами мимики", которые выражают в танцах и играх присущий им образ мыслей. Но эти средства общения, как и звуки, — средства "животной природы", и с помощью их человек не приобрел бы свой "родовой характер". Подлинно человеческая природа могла возникнуть только благодаря разуму и языку, но они уже — "чудо божественного вмешательства".

Противопоставление животного и разумного начал в человеке, сочетающееся с религиозными убеждениями Гердера, привело его к двойственности понимания происхождения языка (и естественное, и чудесное), что дало основание его современнику философу И.Г. Гаману (1730—1788) называть это понимание сверхъестественным доказательством человеческого происхождения языка.

ЯЗЫК КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА (В. ГУМБОЛЬДТ)

Вильгельм Гумбольдт (1767—1835) — немецкий философ, лингвист и политический деятель, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания и философии языка. По своему мировоззрению он — яркий представитель гуманистического немецкого просвещения, друг Гете и Шиллера.

Цель общественного развития В. Гумбольдт видел в полном и гармоничном развитии духовных сил и способностей, данных личности щедрой природой. В этом развитии должно найти выражение все своеобразие индивидуальности как отдельного человека, так и нации в целом. Дух нации — дух ее языка, язык — деятельность духа, через нее и происходит саморазвитие внутреннего мира и отдельной личности и нации в гармоническое целое. Движущая сила этого развития — творческое воображение.

В. Гумбольдт много сделал в области классической филологии и сравнительно-исторического языкознания. Свои взгляды на происхождение языка В. Гумбольдт выразил в

довольно кратком отрывке из введения "О различии в строении человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода" к книге "О языке кави на о. Ява"¹.

Очень своеобразным для своего времени, предвосхитившим многие направления современной лингвистики (психолингвистика), был подход Гумбольдта к пониманию природы языка. Язык не есть нечто застывшее, мертвое, созданное, он и деятельность духа, и создаваемое в каждый момент, и постоянное, и преходящее. Будучи вечно повторяющейся работой ума, стремящегося к звуковому выражению мысли, он являет собой то общее, как мы сейчас сказали бы, регулярное, что многократно производится в говорении. Но чтобы стать языковым (а не речевым) явлением, регулярности недостаточно. Слова и правила, которые обычно называют языком, будучи хаотически выделены из говорения, могут представить лишь отдельное, не характерное для всего языка. Высшие и тончайшие особенности языка могут быть постигнуты не через отдельные его элементы, а в связной речи, через совокупность всех говорений, коей и является язык.

Таким образом, язык рассматривается в двух смыслах: как деятельность, речевое поведение, создающее постоянно возрастающую совокупность высказываний, в которой живут и воплощаются дух наций (здесь Гумбольдт растворяет язык в речемыслительном процессе), и язык как то "высшее и тончайшее", в котором выражено своеобразие и индивидуальность духа народа.

Для понимания точки зрения Гумбольдта на происхождение языка важны его представления о ходе исторического процесса. В нем действуют силы сцепления событий причинной и следствием, что позволяет восстановить жизнь прошлых поколений, объяснить действия последующих, в частности великих, личностей. Но есть другие, внутренние силы, которые обновляются, воплощаясь во внешнем действовании. И эти новые внутренние силы уже не могли быть учитываемыми. Другими словами, наблюдаемые причинно-следственные связи событий перемежаются в деятельности людей со стихийными проявлениями внутренних сил индивидов и наций. Таким всплеском внутреннего действия людей, перешедшим во внешнее действование, и явился

¹ См.: Заегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960, ч. 1, с. 68—86.

акт стихийного, бессознательного, свободного, но не инстинктивного образования языка.

Язык глубоко заложен в духовном развитии человечества, он неотъемлемая его часть, в нем обнаруживаются все состояния культуры. И в то же время язык самостоятелен. Он появляется как эманация, перевоплощение духа, как дар человечеству от его внутренней природы.

Язык является продуктом коллективного воодушевления. Заложенный в душе каждого человека внутренний прототип языка, как внутреннее действие, переходит во внешнее поведение в результате совместного действия душевных сил отдельных людей, которые (силы) поддерживались уверенностью каждого, что его поймут. Этот акт творящей силы выполняется всей массой народа, в которой тонет отдельная личность. И, несмотря на это, в нем воплощается глубина ее индивидуальности, так же как своеобразие культуры народа в целом.

Рассматривая язык как нечто непосредственно заложенное в человеке, создание которого не объяснимо разумом, В. Гумбольдт этим самым снимал вопросы о факторах и внутренних механизмах перехода от доязыкового к языковому состоянию людей, т.е. те вопросы, над которыми билась мысль французских просветителей. Стихийность и таинственность появления языка из человеческого духа мало чем отличается от чудотворного возникновения речи.

**ЯЗЫК НЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА,
НО ВОЗНИКАЕТ В НЕМ САМОПРОИЗВОЛЬНО**
(А. ШЛЕЙХЕР, Ч. ДАРВИН)

Дарвиновское учение о роли в биологической эволюции естественного отбора, а в возникновении человечества полового отбора оказало сильнейшее влияние не только на естествознание второй половины XIX в., но и в некоторой мере на гуманитарные науки, в частности на языкознание. Попытку перенести закономерности формирования видов животных на возникновение и развитие языков предпринял выдающийся немецкий лингвист А. Шлейхер (1821—1868).

Эти идеи Шлейхер развивал в ряде статей, в частности в открытом письме дарвинисту Геккелю, опубликованному под названием "Дарвиновская теория и языкознание"².

Подобно тому как живые организмы происходят из

² Там же, с. 98—103.

простой клетки, так и первые языки состояли из самых простых форм — корней. Эти корни стали значимыми звуками в силу звукоподражания. Звук, издаваемый предметом, вызывал то же чувство, что и сам предмет. Это общее для образа звука и образа предмета чувство и явилось основой, на которой соединились звук и предмет. Так представлялся Шлейхеру переход от "звуковых жестов" и звукоподражаний к значащим звукам праязыков. Так как такие переходы происходили у разных людей и в разных местах, то праязыков было бесчисленное множество, но все они имели одинаковую "корневую" праформу. Эти праязыки не имели грамматики, не было ни имен, ни глаголов, ни склонений, ни спряжений. Язык не имел способов для их выражения, которые аналогичны органам живых организмов и возникают по мере их совершенствования.

Поскольку языки являются "естественными организмами", они возникают независимо от человеческой воли, растут и вымирают так же, как организмы. Поэтому вопрос о причинах, вызвавших к жизни языки, у Шлейхера становится биологическим, а не лингвистическим вопросом и не обсуждается.

Шлейхер, большой знаток индоевропейских языков, пытался найти общие закономерности их развития из праязыка. Построив его гипотетическую реконструкцию, он даже написал басню на индоевропейском праязыке. Во взглядах на историю языка он опирался на диалектику Гегеля (триада морфологических типов языков) и эволюционное учение Ч. Дарвина, которое прямолинейно переносил на эволюцию языков: языки рождаются, развиваются, борются и погибают. Их строение аналогично морфологии организмов. Жизнь языка проходит два периода — период роста и период распада. Триада роста складывается из трех состояний: изолирующие языки, например древнекитайский (в них словакорни прочно не соединяются в предложении с другими корнями или аффиксами), агглютинирующие, например финно-угорские (предложение состоит из механически "нанизанных" на корень аффиксов; агглютинация — букв. "прилипание"), и флективные (с большим числом окончаний). Рост языков происходил в доисторический период, до появления письменности. В исторический период начинается распад языка, его звуков, форм, перестройка структур предложения.

Точка зрения А. Шлейхера на язык и его происхождение вызвала глубокое сочувствие и заинтересованность Ч. Дар-

вина. В своей позиции он примыкает к господствовавшим в XIX в. звукоподражательной и междометной теориям³. Для него нет сомнения, что человеческая речь произошла из подражания естественным звукам, голосам животных, инстинктивным крикам самих людей. Жесты же играли вспомогательную роль.

Дарвин обращает внимание на сильно развитую способность к подражанию у наших ближайших родственников — обезьян, а также у интеллектуально недоразвитых людей (микроцефалов-идиотов и дикарей). И вполне вероятно, что наши обезьянообразные предки, в особенности выделяющиеся из них одаренностью, были способны подражать реву хищных зверей, оповещая своих товарищей о грозящей им опасности. Такие звуки и явились первым шагом к образованию языка.

Другой источник языка, по Дарвину, — это "музыкальные кадансы" первобытного человека, которые чаще всего звучали во время ухаживаний и выражали различные эмоции — любовь, ревность, радость, вызов сопернику. Подражание "музыкальным крикам" с помощью членораздельных звуков (Дарвин, видимо, ошибочно полагает, что членораздельные звуки свойственны животным и, следовательно, первобытному человеку) и дало начало словам, обозначающим различные эмоции.

По мере все более частого употребления голоса навыки пользования им совершенствовались, что передавалось из поколения в поколение по закону наследования результатов упражнений. (В настоящее время экспериментально доказано, что приобретенные признаки не наследуются.)

Полагая, что язык возник естественным и стихийным путем благодаря врожденным звукоподражательным способностям человека, Ч. Дарвин выделяет особую роль "одаренных" индивидов, которые первыми стали издавать кадансы и подражать реву животных, что перекликается с идеей установителей имен.

КОНЦЕПЦИЯ В. ВУНДТА

Линия В. Гумбольдта, видевшего истоки языка в бессознательной деятельности человеческого духа, была поддержана мощным авторитетом выдающегося философа и психолога второй половины XIX в. В. Вундта. В своей стройной и

³ Дарвин Ч. Соч. М., 1953, т. 5, с. 204—205.

глубоко увязанной концепции он учел передовые веяния и фактические данные языкознания, психологии и этнологии.

По Вундту, язык образуется произвольно и бессознательно. Слово, как и любое другое инстинктивное действие, возникает из "инстинктивного побуждения". Первоначальное слово — субъективный продукт внутреннего движения, и выражает оно не само представление о предмете, а то, как это представление бессознательно действует на внутренний мир человека.

В. Вундт поставил перед собой задачу сопоставить и увязать три плана человеческого поведения: физические действия (пантомима), психические движения (чувства и мысли) и языковое поведение, поскольку "язык есть всякое выражение чувств, представлений, понятий посредством движений"⁴.

"Мимические движения" могут быть трех видов: рефлексорные, указательные и изобразительные. Рефлексорные движения выражают чувства, и в языке им соответствуют первые слова — междометия; указательные жесты передают представления о наличных предметах; изобразительные действия воспроизводят очертания отсутствующих предметов. Второй и третий типы пантомимы лежат в основе первых словесных корней. С развитием языка роль пантомимических движений в общении уменьшается, оставаясь, однако, значительной в случае указательных жестов, поскольку указательные местоимения, по В. Вундту, появляются в языке в последнюю очередь, и порождающий их психологический закон имеет своеобразную (более произвольную) природу.

Генезис психических процессов проходит три этапа — "обширные" представления, общие представления и понятия. "Обширные" представления целостны, не расчленены. Они совпадают в сознании с индивидуальным объектом. Эти представления запечатлевают в сознании поверхностный, наиболее сильно подействовавший на человека признак предмета, достаточный для отделения в мыслях одного предмета от другого.

Развивающееся мышление подвергает "обширные" представления анализу, вычленив в них отдельные признаки, после чего сродственные и общие признаки единичных представлений объединяются и мышление образует общие представления, которым соответствует множество предметов. Обобщая

⁴ Вундт В. Душа человека и животных. СПб., 1866, т. 2, с. 484.

еще больше признаки и абстрагируя их от общих представлений, мышление получает понятия; им уже не соответствует ни один реальный предмет. "Обширные" представления выражаются самыми примитивными языками — радикальными (от *radix* 'корень'), их аналитические разложения в совокупность признаков — агглютинативными (приклеивающими, от *glūtinum* 'клей'), а понятия — инфлекциональными (от *inflecto* 'сгибать, изменять'). Эта классификация в основном совпадает с морфологической классификацией, несколько отличаясь от нее терминологически.

Вундт далек от понимания того, что язык возник в ответ на потребность в общении, вызванную внешними факторами. Он сосредоточивает свое внимание на психических движениях внутреннего мира индивида.

Истоки языка лежат в ярких, бросающихся в глаза признаках (предикатах) предметов. Такими признаками являются прежде всего качества, воспринимаемые органами чувств. Так, солнце может быть первоначально только теплым или блестящим, и эти "обширные" представления — предикаты — и ложатся в основу его названия — корня. Как только возникает представление — предикат, сразу же инстинктивно появляется звук, его обозначающий.

Первые суждения обходились без подлежащих, они представляли собой одни предикаты (это были как бы безличные предложения): "нечто светит", "нечто издает звук" (мысль Вундта о предикатных суждениях в дальнейшем найдет себе уточнение и развитие в трудах многих лингвистов и станет основой той сложившейся в настоящее время концепции (см. ниже, главу 5), в соответствии с которой первоначально было не имя и не слово, а слово-предложение).

Звук, которым выражалось на первом этапе появления языка предикативное представление, мог быть и эмоциональным выкриком (междометием), вызванным этим представлением, и подражанием звучанию соответствующего предмета. Конечно, первоначально естественно звучащие корни радикального языка в процессе стихийного его развития значительно изменяются — и Вундт пытается доказать это на большом языковом материале.

Первые корни, как уже говорилось, непосредственно были связаны с указательной и изобразительной пантомимой и соответственно делились на указательные (здесь, который, этот, там) и предикативные (солнце, человек, любовь). Разница между ними состоит в том, что если указательная

пантомима и корень имеют одно и то же назначение, благодаря чему корень просто "обращает" пантомиму в звук, то изобразительная пантомима и предикативный корень различны по природе и корень только "переводит" пантомиму в звук.

В результате взаимодействия чувственных признаков, предикатов и звуков образуется радикальный язык, в котором нет грамматики и предложения строятся как свободная последовательность корней, соответствующая ходу мыслей говорящего. Примером такого языка Вундт считает китайский, который развивался за счет богатства корней: чтобы сказать "в доме", китаец употребит два корня — дом и внутренность.

По мере того как "обширные" представления начинают расчленяться на составляющие их признаки, образуются агрегаты признаков, состоящие из совокупностей отдельных признаков. Этим совокупностям соответствуют наборы корней, из которых один становится основным, а остальные — уточняющими. На этой ступени формируются агглютинативные языки, в которых слова "склеиваются" из нескольких корней. Вундт приводит пример: в делаварском языке есть слово *nadholineen*, образованное из корней *naten* 'достать', *hol* (от *amohol* 'лодка') и *ineen* 'нас' и означающее "достать-на лодке-нас" (угроза неприятеля переплыть к нам на лодке).

И наконец, когда развиваются и выделяются в мышлении общие представления и абстрактные признаки, слово превращается в символ, и значения его составных элементов уже не принимаются во внимание. Из таких слов-символов и образуются инфлекционные языки со сложной грамматикой.

Поскольку первые этапы языка сильно зависят от условий жизни народа, постольку число первоначальных языков было бесконечным. Дальнейшее же их развитие и застывание связаны со свойствами их народов.

ЛЮДИ — ИЗОБРЕТАТЕЛИ ЯЗЫКА

ДЕМОКРИТ И ЭПИКУРЕЙЦЫ. ВИТРУВИЙ

Как мы помним, Платон устами Сократа назвал грубым соображение о договоре между людьми именовать так или иначе вещи. Для Платона, создателя мира идей и государства философов, древние люди были ничтожными и неспособными ни придумать имена, ни договориться об их значении. Договорная гипотеза, предполагающая естественное, на основе человеческих потребностей появление имен, более созвучна материалистическому мировоззрению. И впервые она была сформулирована за век до платоновского "Кратила" знаменитым философом-материалистом античности Демокритом (V—IV вв. до н. э.). Его энциклопедические знания, глубина мышления, широта философского охвата вопросов (по словам Аристотеля, он "размышлял обо всем") создали ему большой научный авторитет среди философов. Вместе со своим учителем Левкиппом он является основоположником философии атомизма и детерминизма.

Демокрит связывал возникновение языка с образом жизни первобытных людей и с их нуждами. Он так представлял себе возникновение человечества. Сначала у людей была жизнь, похожая на звериную. Они вразброд выходили на пастбища и питались травой и плодами деревьев. Страх перед зверями заставил их объединиться и помогать друг другу. Голос их первоначально был нечленораздельным и бессмысленным, но постепенно они перешли к членораздельным словам, установив друг с другом символы для каждой вещи, и тем самым создали средство для изъяснения относительно всего.

В этом рассуждении нетрудно усмотреть постановку научной задачи: как произошел переход от нечленораздельных, неосмысленных звериных звуков к членораздельному изъяснению слова. Мы не знаем, пытался ли Демокрит ответить на этот вопрос, но то, что он сделал его очевидным, для нас вне сомнений.

Приведенные рассуждения Демокрита легко объясняют разнообразие языков и племен. Поскольку люди составляли слова случайным образом (а не "по природе вещей"), постольку в разных человеческих объединениях создавались разные языки. Объединения людей, разбросанные по всему миру, положили начало разным племенам с их "разнозвучными" языками.

Эпикур и эпикурейцы, продолжая традицию Демокрита, внесли свои добавления и уточнения в договорную теорию. Эпикур, например, полагал, что прежде, чем племена установили обозначения вещей, у них развились особые способы выдыхания воздуха. Дело в том, что человеческая природа вообще и впечатления людей в особенности испытывают сильное воздействие окружающих вещей и местности, где живет племя. Особенные впечатления, испытываемые людьми разных племен, вызывают особое выдыхание воздуха, что и привело впоследствии к появлению различных языков, а не просто случайность установления имен, как полагал Демокрит.

Однако простое выдыхание воздуха оказалось плохим средством "взаимосообщения", так как оно было двусмысленным и недостаточно сжатым. Чтобы отделаться от этих недостатков, люди племен "сообща установили особые обозначения" (задержим внимание на этой аргументации Эпикура: люди сообща и сознательно — хотя, с современной точки зрения, последнее не принципиально — избавлялись от того, что мешало им в общении, а не только в "изъяснении" себя или вещей: двусмысленность приводит к непониманию собеседника, длинноты — к неэкономному расходу энергии говорящего и утомлению слушающего, что выражается в одном из принципов функционирования языка — сжатие и звуковой и смысловой стороны языковых выражений; аргументацию Эпикура можно назвать первым в истории философии обращением к процессу коммуникации).

Кроме слов, установленных для вещей, люди изобрели слова для абстрактных понятий или таких вещей, которые нельзя воспринять, например атомы. Это явилось результатом того, что разум уточнил переданное человеку природой и "открыл кое-что сверх этого".

Уже упоминавшийся выше эпикуреец Диоген из Эноанды (II в. н. э.) выступил с резкой критикой идеи "установителя имен". Тот довод, который Платон скрытно подразумевал в рассуждениях Сократа (установитель имен должен был бы сначала познать сущность всех вещей, а затем создать все

имена, что невозможно), Диоген высказал явно: во-первых, до установления имен не было ни звуков, ни букв и создавать имена было не из чего; во-вторых, невозможно одному собрать такое множество имен, а если он и соберет, то "смешнее всего смешного обучать людей словам, прикасаясь указкой к каждой вещи, и приговаривать, что это пусть называется *камень*, это — *дерево* и т. д."

Глубокие мысли высказывает и другой эпикуреец — Лукреций Кар (ок. 98—55 до н.э.), поэт и философ-материалист, автор знаменитой поэмы "О природе вещей", где излагается атомистическое учение. Он, как и Диоген, критикует "установителя имен". Как можно предполагать, риторически ставит вопрос Лукреций, что какой-то один человек был способен "обозначить вещи все голосом" и "расчленять языком своим звуки", а остальные люди этого делать не умели? Откуда мог узнать установитель слова, которых люди еще не применяли? Люди бы просто не потерпели человека, поучающего их непонятным звукам.

Как же, по мнению Лукреция, мог возникнуть язык? Здесь он, возможно, первым выдвигает гипотезу, которая впоследствии была названа эмоциональной. Выражать названия предметов заставила человека нужда в общении, удовлетворению которой послужили голос и язык, способные произносить различные звуки. Впечатления человека о вещи вызываются не просто чем-то увиденным им, а "осознанием свойств, ему в пользу служащих" (очень важное утверждение, до сих пор иногда плохо понимаемое философами и лингвистами). Отсюда понятно, что человек эмоционально воспринимал полезные (или вредные) свойства. Показав на примерах, какие разнообразные звуки, связанные с переживаниями, могут произносить животные, Лукреций заключает:

Стало быть, если различные чувства легко могут вызывать

У бессловесных зверей издавание звуков различных,

То уж тем более роду людей подобало в ту пору

Звуками обозначать все несхожие, разные вещи¹.

Как и у Эпикура, у Лукреция человеческая речь, прежде чем быть созданной людьми, прошла некоторый предварительный, "физиологический" этап — этап эмоциональных криков, которые связывались с впечатлениями от воздействующих на человека вещей и становились их обозначениями. В дальнейшем люди сами стали "конструировать" имена

¹ Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936, с. 68.

соответственно впечатлениям, которые производили на них вещи. Методы такого "конструирования" излагает Сократ в "Кратиле", когда строит свои этимологии и выводит первые имена. Видимо, как раз атомисты — линия Демокрита — Эпикура — здесь и имеются в виду.

Поскольку речь — материальные звуки, перенести на их строение принцип создания из мельчайших тел (атомов) все более и более крупных было бы естественно. Как и атомы, буквы различаются формой (А и Р), положением (Р и Б) и порядком (АР и РА). Подобно тому как изменение этих свойств атомов приводит к изменению всей вещи, из них состоящей, так и изменение в буквах приводит к новым словам. Вот как Лукреций иллюстрирует этот атомистический тезис:

Много имеет значения, как сочетаются тельца
Эти первичные и в положеньи каком пребывают,
Также какое движение друг другу дают и приемлют.
Так что, чуть-чуть изменив сочетанья, они образуют
Пламя из дерева. Это и в самих словах мы заметим.
Звуками мы отличаем понятия *ligna* (дрова) от *ignes* (огни).
В буквах почти одинаких слегка изменивши порядок².

Вполне возможно, что кто-то из атомистов предположил, что для отдельных ощущений от вещей — вторичных качеств — можно подобрать такие звуки (буквы), которые более всего подходят по вызываемым ими ощущениям к тем, которые вызываются вещами. Отсюда сократовские примеры в "Кратиле"; *г* (*ρ*) "подражает" движению и порыву, *и* (*ι*) — всему тонкому, *λ* (*λ*) — скользкому и гладкому и т. д.

Подобрав буквы для вещи, люди соединяли их в слоги и слова, может быть, по принципу подобия, как атомы соединяются в более сложные тела. Естественно, что слоги и слова различаются или формой букв, или их положением, или порядком. Из слов образуются словосочетания и затем предложения — механическое "сплетение имен". Таким образом, слова приобретают и "сохраняют свой склад, сохраняют фигуру", как выражается Лукреций.

К точке зрения эпикурейцев на происхождение языка примыкают высказывания римского архитектора, соратника Юлия Цезаря, Витрувия (I в. до н. э.). В трактате "Об архитектуре" Витрувий, как и многие античные философы, придерживался идеи общественного прогресса. Противоположное мнение состояло в том, что древние люди жили в

² Там же, с. 66.

золотом веке, и последующее их существование только ухудшалось.

Древние люди, по мнению Витрувия, жили, как звери в лесах и пещерах, питаясь дикой птицей. Но однажды ветер раскачал деревья, и от трения их сучьев разгорелся огонь. Привыкнув к нему, люди поняли его пользу: он давал тепло их телу. Собравшись у огня, они поддерживали его и знаками приглашали других погреться. Так возникли первые "сборища" людей. Своим дыханием они производили различные звуки, из которых под воздействием ежедневной практики употребления были установлены "какие пришлось" слова, а затем частое употребление вещей потребовало и употребления слов, т.е. люди "самопроизвольно" начали говорить. Таким образом, Витрувий различает два этапа: установление слов людьми и употребление их в речи, которая возникла "самопроизвольно", стихийно, из потребности в общении.

**ЯЗЫК — БЛАГОРОДНЕЙШЕЕ И ПОЛЕЗНЕЙШЕЕ
ИЗОБРЕТЕНИЕ ЛЮДЕЙ. ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР**
(Т. ГОБЕС, П. МОПЕРТЮИ, Э. КОНДИЛЬЯК,
Ж.-Ж. РУССО, А. СМИТ)

После древнегреческой философии интерес мыслителей к проблеме происхождения языка резко упал из-за господства в науке богословских, в частности библейских, представлений. Однако эпоха Просвещения, расцвет которой приходится на XVIII в., возродила вновь эту проблематику. Особенно много внимания уделили ей французские просветители. Отход от теологического понятия о богоданности языка происходил постепенно. В XVII — начале XVIII в., когда в Германии в ответ на вопрос Берлинской академии о происхождении языка многие мыслители еще отстаивали идею чуда, во Франции начали раздаваться голоса материалистически мыслящих ученых в пользу человеческого, естественного начала речи.

Это была эпоха первой промышленной революции, распространения книгопечатания (первый печатный станок И. Гутенберга — XV в.), механического ткацкого станка и паровой машины (XVIII в.), это была эпоха антифеодального, буржуазного просвещения с его сильным всплеском интереса к человеческой природе, к естественным возможностям и правам человека.

Идеология средних веков, с одной стороны, возвеличивала господствующую власть, светскую и духовную, ибо власть от

бога, с другой — принижала низшие и средние слои общества (трудовой люд, ремесленники, торговцы), ибо человек рожден во грехе. Просветители чутко уловили назревшие социально-экономические потребности этих слоев и в противовес средневековой идеологии выдвинули принцип сознательной организованности простых людей, дающий, по их мнению, объяснение и разумному социальному устройству общества и его происхождению. Этот принцип оформился в виде теории общественного договора, в соответствии с которой и законы устанавливаются людьми, жертвующими иногда личными интересами ради общего благосостояния, и язык формируется в результате общественного соглашения.

В этих условиях естественной реакцией на идею чудесного происхождения языка стала идея изобретения его людьми. Подобно тому как они придумали колесо и порох, печатный станок и паровую машину, они изобрели язык.

Первоначальное естественное состояние людей — раздробленность и разобщенность. Каждая семья жила сама по себе и самостоятельно добывала пищу, стараясь уйти подальше от других, чтобы собрать больше плодов. Люди не только мало общались друг с другом, но, по мнению Т. Гоббса, "вели войну всех против всех". И чтобы легче выжить, чтобы осуществить свои естественные права на жизнь и свободу, люди решили объединиться и договориться о создании государства, которое бы обеспечило им безопасность и благосостояние. Но для этого потребовался язык, и они изобрели его.

Один из предшественников просветителей XVIII в., Томас Гоббс (1588—1679), английский философ-материалист, большой поборник теории общественного договора, так рассуждал о значении языка: значение книгопечатания — этого остроумного изобретения — гораздо меньше, чем значение письменности. Но самое "благородное и выгодное" изобретение — это изобретение речи. С ее помощью люди регистрируют в памяти свои мысли и сообщают их друг другу для взаимной пользы и приятного общения. Употребляя первые названия, люди получили возможность формулировать первые истины. Так, когда им "пришло в голову" давать разные названия одной и той же вещи, они могли уже высказать истинное предложение: "человек есть живое существо".

Т. Гоббс, правда, не обсуждает вопроса, как могли быть изобретены первые имена, или названия, полагая, видимо, что

это происходило так же, как и всякое другое изобретательство. Но сама эта идея, высказанная в 1651 г. в его основном труде "Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского" и направленная против теологии, была смелой и прогрессивной для того времени.

Пьер Луи Мопертюи, французский математик, физик и философ (первая половина XVIII в.), более развернуто, чем Т. Гоббс, разработал идею придумывания языка людьми. В "Диссертации о языках" он намечает три этапа становления речи.

Первые люди выражали свои простые и настоятельные нужды с помощью нескольких жестов и криков, которых было достаточно для общения. Затем с увеличением разнообразия нужд к этим природным жестам и крикам люди надумали присоединить условные крики и жесты, что сделало первый язык более многообъемлющим. Прошло много времени, прежде чем наступил третий этап формирования языка, когда способы выражения стали независимыми от жестов и тонов криков. Люди заметили, что можно обойтись при общении без движений тела и усиления гортани, что эти сложные действия могут быть заменены простыми "ударениями" языка и губ. Наряду с этим преимуществом новый способ давал огромное число артикуляций, "комбинируемых до бесконечности". Почувствовав выгоду этого языка, народы сохранили его, и так возникло слово.

Французский философ-просветитель Этьен Кондильяк (1715—1780) положил в основу своей точки зрения на происхождение языка идею взаимопомощи людей и возникновения слов из их естественных криков. Люди, как бы заброшенные в мир (Кондильяк в своем "Опыте о происхождении человеческих познаний" (1746) обыгрывает ситуацию выживших после всемирного потопа детей), сострадали друг другу и часто обращались к взаимопомощи. Призывы о помощи или предложения ее выражались криками, которые связывались с восприятиями предметов, вызывавшими эти крики. Крики сопровождался жестом или действием, которые уточняли восприятие и значение крика.

Образовавшаяся привычка связывать идеи с произвольными знаками сочеталась с тем, что стали использовать естественные крики в качестве элементов нового условного языка. Так, они начали артикулировать новые звуки, которые связывались с представлениями о предметах, и, чтобы быть лучше понятыми, они сопровождали эти звуки жестом,

указывающим на предметы, которые они хотели отметить. Так люди научились давать наименования вещам.

Признавая существование "идей чувственных" и "идей абстрактных", он последние считал результатом "суммирования" первых, упорядочения их. На примере бесчувственной статуи, постепенно наделяемой мыслителем ощущениями, он показывает, как из них возникают внимание, память, разум. Идеи чувственные образуют практическое знание, а абстрактные — теоретическое. Первое бессознательно и возникает вне языка. Второе невозможно без него. Слова, будучи знаками идей, являются орудием теоретического знания, с помощью их происходит классификация и упорядочение чувственных идей. Кроме слов, мышление имеет дело и с другими знаками. Грамматикой всех возможных знаков, в том числе и математических, является логика — самая общая наука о мышлении.

Истоки языка, по мнению Ж.-Ж. Руссо, выдающегося французского писателя и философа XVIII в., лежат в бессознательных, стихийных действиях людей, прежде всего в эмоционально-эстетических переживаниях и их выражении голосом. Разделяя потребности на первичные (например, в еде) и нравственные, вызывающие различные страсти. Ж.-Ж. Руссо полагал, что первые разъединяют первобытных людей (собирая плоды они как бы конкурируют между собой), а вторые соединяют. Эти нравственные страсти — любовь, ненависть, сострадание, гнев — и вызывают первые произвольные звуки — "природные вопли".

Представление о том, что первые люди жили разрозненно, в одиночку или семьями, было широко распространено среди философов. Поэтому они и допускали наличие периода "безъязыкого" существования людей. Сейчас мы, конечно, не можем принять этой точки зрения: "дикие" люди, как и все стадные животные, жили в тесном сообществе и у них, как и у животных, были свои средства общения, свой "язык".

Затем, рассуждает Ж.-Ж. Руссо, по мере того, как люди все более сближались между собой, и на основе особой "способности к совершенствованию" их понятия стали расширяться и умножаться, они начали искать другие знаки, более широкие и многочисленные, чем "вопли". Такими знаками для предметов, видимых глазом и простых для изображения, стали жесты, а для тех, которые "поражали" слух, — подражательные звуки. Здесь большую роль сыграла подражательная детская речь. Более того, ребенок, стремившийся высказать матери свои желания, был создателем

языка, применяя жесты и звукоподражания. Следующий этап — замена жеста артикуляцией голоса.

Как мы помним, Сократ в диалоге "Кратил" отверг идею подражания словами природным звукам, и у древних греков она так и не рассматривалась как серьезная (исключения составляют стойки). Руссо же, видимо, впервые в новое время принял ее как один из способов первоначального словообразования.

Если эмоциональные выкрики — от природы человека, а звукоподражания — от природы вещей, то голосовые артикуляции — чистая условность. Они не могли возникнуть, считает Ж.-Ж. Руссо, без общего согласия. Но в то же время замена жестов на артикулированные звуки требовала не только единодушного согласия первых людей, но и слов, чтобы договориться о значении новых слов и ввести их в употребление. Поэтому, признается Ж.-Ж. Руссо, понять такую замену очень трудно. Однако, скажем мы, что же мешало Руссо тщательнее продумать этот переход? Почему он не мог представить себе первых людей, договаривающихся о значении слов с помощью жестов, которые бы указывали, какие звукоподражания обозначают те или иные предметы? Ведь Э. Кондильяк смог некоторым образом увязать звук с уточняющим его значение жестом. Видимо, дело в том, что Руссо второй этап происхождения языка (жесты и звукоподражания) не рассматривал как этап, на котором уже происходит общение, а жест и звукоподражание у него — средства самовыражения, а не передачи информации.

Однако, естественно-научная постановка вопроса, что предшествовало членораздельной речи в человеческом поведении и как произошел переход к ней, является несомненно заслугой Ж.-Ж. Руссо. Именно в таком виде в дальнейшем будет рассматриваться эта проблематика философами и лингвистами.

Изложив последовательность становления языка в "Рассуждении о происхождении основных законов" (1754), правда, не затрагивая или не видя причин социальной необходимости в переходах от "природных воплей" к языку жестов и от него к артикулированной речи, Ж.-Ж. Руссо в "Трактате о происхождении языка" (1761) подробно излагает свои представления о характере первобытной речи. Это прежде всего язык образный, поэтический, первыми выражениями были тропы, а собственные смыслы слов были найдены впоследствии. Люди сначала говорили, скорее пели в поэтической форме, а потом

уже научились мыслить. Этими представлениями Ж.-Ж. Руссо еще более осложнил свою задачу — выяснить, как люди договорились о значении слов, так как условиться об образном, переносном употреблении слов все же труднее, чем об их прямых значениях.

Идеи Ж.-Ж. Руссо, интересные и разнообразные, имели большое влияние на современников, рассуждавших о происхождении языка, и на авторов последующих гипотез. Он первый, кто развил идею этапности происхождения языка, высказал мысль о том, что первые слова имели смысл предложений, т.е. что первыми словами были предложения — коммуникативные единицы, и поставил вопрос о способах перехода от жеста к членораздельному звуку; он фактически первый рассмотрел "природный вопль" как источник, материал для будущего, членораздельного языка.

Еще одну оригинальную, но не совсем верную мысль высказал Руссо, на которой хотелось бы остановиться и по существу ее важности, и потому, что она вызвала резонанс у современников, в частности была воспринята А. Смитом. Мы имеем в виду мысль о том, что первые слова обозначали индивидуальные предметы, были именами собственными. Один дуб, рассуждал Руссо, получил свое название, а другой — свое, и должно было пройти много времени, прежде чем люди заметили нечто общее между ними. Это и явилось источником одинаковых имен — синонимии.

Эту идею подхватил и развил А. Смит. В своей работе "Соображения о происхождении и формации языков" (1759) он описывает гипотетическую ситуацию, в которой участвуют два дикаря, оторванных от своего племени и вынужденных создать язык для общения друг с другом. Они стали бы соотносить произносимые звуки с окружающими их предметами. Но предметы эти единичны: пещера, в которой они прятались от холода; дерево, дававшее им плоды; источник воды и т.д. Поэтому и слова первоначально были именами собственными.

Вопрос, следовательно, состоит в том, какими по степени общности могли быть первые слова? Могли бы они быть собственными именами, т.е. единичными? Будем рассуждать так. В ситуации двух дикарей А. Смита не было необходимости в изобретении названий: дикари вполне могли общаться жестами или "воплями". Другое дело, если перед их глазами росло несколько деревьев. Нужно ли было давать каждому свое имя или лучше придумать общее?

Здесь мы должны исходить из того, что язык чутко

реагирует на потребности общения. Если некоторый объект (предмет, явление, человек) значим для общения, то рано или поздно мышление вырабатывает для него специальное обозначение. В противном случае он либо совсем не обозначается, либо обозначается описательно, т.е. комбинацией различных слов.

Вполне возможно, что первые имена (вычленившиеся из слов-предложений) были именами собственными, но обозначали они не предметы, а людей или их сообщества, поскольку различать и сообщать что-либо им и о них было жизненно необходимо. Названия же предметов, одинаковых с точки зрения потребностей людей, скорее всего, были сразу же обобщенными и определенными чтобы отделять их от других предметов.

Поэтому категорические утверждения Ж.-Ж. Руссо и А. Смита о единичности первых имен нуждаются в определенном уточнении.

КОРНИ ЯЗЫКА В ФИЗИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЯХ

XIX в. — век бурного развития промышленной революции капитализма с его индивидуализмом и прагматизмом, может быть, косвенно, но оказал влияние на характер рассуждений философов и филологов о происхождении языка. Если В. Гумбольд, В. Вундт и А.А. Потебня опирались в своих гипотезах на внутренние способности индивида, его духа или инстинктов, то другая серия гипотез, в которой выделяется концепция Л. Нуаре, обращена к внешней, физической деятельности людей, притом совместной.

Одним из основоположников этой линии явился известный немецкий филолог Л. Гейгер (1829—1870). Его большой интерес к возникновению и развитию языка выразился в двух работах: "Происхождение языка" и "Происхождение и развитие человеческого языка и разума"³.

В основе формирования языка лежат не чувства, связывающие образ предмета и исторгаемый человеком звук (теория междометий), и не звуковые впечатления от предметов (ономатопеэтическая теория), а зрительные восприятия, как полагает Л. Гейгер. Из всех зрительных восприятий наиболее сильными были восприятия челове-

³ Geiger L. Ursprung der Sprache Stuttgart, 1869. *Idem* Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprachen und vernunft Stuttgart, 1862, T 1; 1872, T 2

ческих движений. С другой стороны, произнесение человеком какого-либо звука обязательно связано с мимикой лица, по крайней мере с "жестом" рта, и легко наблюдается собеседником. Этот "жест" изображает звук, а звук — свой жест. Этот двуединый объект языка связывается с впечатлением от действий (немимических) и начинает их обозначать. Постепенно звук освобождается от мимики и уже самостоятельно обозначает действие.

Этот первоначально мимический язык был достаточно выразительным, чтобы люди могли без предварительного соглашения понимать друг друга.

Конечно, скажем мы, глухие могут "читать" звучащую речь по движениям губ говорящего, но для этого они должны пройти большую школу обучения. Мимика — достаточно выразительное средство для эмоциональных состояний, но недостаточное для описания внешних явлений, в том числе и действий.

Постольку исходные впечатления вызывались действиями людей, постольку первыми корнями явились глагольные, полагал Л. Гейгер. Так, в основу названий цвета легли не впечатления от разных красок, а "действие намазывания краской предмета". Гейгер пытается, но малоуспешно, показать, что названия предметов производны от названий действий. Так, *дерево*, происходит от *лишенный коры*, *земля* — от *растертое*, *зерно* — от *растущее* и т. д.

Сама по себе идея действия, лежащего в основе происхождения языка, звучит вполне современно, но разворачивается она у Гейгера односторонне и прямолинейно.

Однако представление об определенной роли ротового "жеста" живо и в наше время. Так, в журнале "Тетради по мировой истории" в 1956 г. была опубликована статья Р. Пэджета "Происхождение языка и эпоха палеолита"⁴, в которой автор утверждал, что язык возникает из пантомимических движений рук, которым бессознательно подражает рот, а движения последнего коррелируют с горловыми звуками. Думается, что "техника" движений рук и рта настолько разнородна, что проведение между ними аналогии — слишком смелая гипотеза.

⁴ *Paget R.A.S.* The origins of language with special reference to the Paleolithic age. — *Cahiers d'histoire mondiale*. 1956. t.1, N2, p. 399—426.

ЯЗЫК — ПРОДУКТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ*

СКЕПСИС XX ВЕКА

Как и любую другую, выбранную нами проблему можно решать на разных уровнях: на уровне общего, методологического подхода, формулировки принципов решения, на схематическом уровне решения в рамках принятой методологической концепции и, наконец, на уровне конкретной, поэтапной "программы", в которой и реализуется схема.

Методологическая концепция происхождения человека и языка сформулирована в ряде трудов классиков марксизма и прежде всего в работе Ф. Энгельса "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека"¹. Определенное (хотя и недостаточное, на наш взгляд) внимание этой концепции уделяли советские философы и психологи.

Конкретизация методологической концепции на уровне схемы требует не только общих предпосылок, но и определенного фактического материала из области палеоантропологии, археологии, этнографии, зоопсихологии, онтогенетических наблюдений. В отечественной науке соответствующие построения с разной степенью полноты и убедительности осуществлялись представителями различных дисциплин — антропологии, истории, языкознания. Этот уровень нам кажется вполне достижимым и реальным. Конечно, в познавательном отношении он может быть только гипотетическим. Но по мере развития наук о прошлом человечества схематические решения будут становиться все более полными и органичными.

Что же касается уровня "программы", то для него требуется большой фактический и прежде всего лингвистический материал, которым в настоящее время ученые не

* Материал этой главы частично опубликован в кн.: *Онтология языка как общественного явления*. М., 1983. — *Примеч. ред.*

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20.

располагают. Поэтому требование решения нашей проблемы на этом уровне было бы чрезмерным. Не это ли обстоятельство отталкивает современное языкознание от изучения истоков языка?

Приведем примеры. В. Томсен в "Истории языковедения до конца XIX века" сообщает, что "Парижское лингвистическое общество в своем уставе (от 1865 г.) решительно исключает проблему происхождения языка из числа предметов, которые могут быть в нем предметом обсуждения. В наши дни (начало XX в. — Б.Я.) это, пожалуй, значит зайти слишком далеко"². Так ли это?

В книге "Язык. Лингвистическое введение в историю" Ж. Вандриес энергично доказывает абсолютную невозможность реконструировать не только процесс происхождения языка, но и начальные этапы его развития." Мысль о том, что путем сравнения существующих языков можно восстановить первичный язык"³, он называет химерой. Изучение языков диких племен также ничего не даст, так как их языки столь же сложны, как и языки цивилизованных народов. Детский язык есть результат имитации или искажения языка взрослых. Он "укажет только, как усваивается уже организованный язык, но он нам не сможет дать никакого представления о том, чем мог быть язык в начале своего развития"⁴. С этим трудно согласиться: специалисты по детской речи считают, что детский язык в определенных временных границах развивается самостоятельно. Поэтому можно предположить, учтя принятое у психологов понятие "наследственная, или родовая, память", что первые проявления языковой способности могут как-то охарактеризовать процесс возникновения языка.

Тот факт, что отношение языковедов к проблеме происхождения языка не изменилось, подтверждается программой прошедшей в Москве в 1980 г. конференции "Диалектика развития языка". Ее материалы не содержат ни одного доклада о сопоставлении языка животных и языка человека, о древних языках.

В связи с изложенным естественно, что мы видим свою задачу прежде всего в том, чтобы по возможности мотивированно наметить основные пункты именно схемы

² Томсен В История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 50.

³ Вандриес Ж Язык Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 19.

⁴ Там же, с. 20.

возникновения языка на фоне возникновения человечества. Какие же средства и приемы следует при этом использовать?

В "Немецкой идеологии" сказано: "... подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми"⁵. Осюда следует, что надо искать те материальные и социальные факторы, которые сделали появление языка неизбежным, т.е. мы должны сделать попытку доказать тезис о том, что первобытный человек не мог бы развиваться в "человека разумного" (*homo sapiens*), не будь у него такого средства общения, как язык. Поиск названных факторов, их возможное увязывание в систему является нашей задачей, решение которой должно привести к построению схемы.

Несколько замечаний относительно общего подхода к решению данной проблемы. Мы исходим из того, что материальной базой языка как системы является коммуникативный процесс, он первичен по отношению к языку. Потребность в коммуникации порождает средства коммуникации; общение и закрепляет, и изменяет, и совершенствует их. При этом содержание сообщаемого с самого начала появления знаковых систем у гоминидов могло быть весьма разнообразным и по характеру, и по сложности. В коммуникации выражались и эмоции, и волевые акты, и мысли — все стороны сознания. В коммуникации материализовывался личный и родовой опыт, который становился исходной базой для последующего накопления знаний и навыков.

Понимая под словом "язык" движущиеся слои воздуха, т.е. речь, коммуникацию, К.Маркс и Ф.Энгельс подчеркивали, что действительность сознания имеет место именно в общении людей: "... язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание"⁶. Итак, для нас коммуникативные отношения являются исходными при рассмотрении проблемы происхождения языка.

Другая особенность подхода, который здесь реализуется, заключается в использовании метода интерполяции. Поскольку нами рассматривается период доисторический, о котором можно судить только по остаткам орудий и скелетов (весьма скудный материал для суждений об образе жизни и поведении первобытного человека), постольку мы можем опираться лишь на характеристику поведения современных

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 3, с. 29.

⁶ Там же.

животных, в частности биологически близких человеку, и данные психологии и социологии человека нашего времени. Следовательно, надо попытаться как-то заполнить пустое временное пространство, которое лежит между животным миром и человеком.

В связи с этим в дальнейшем мы будем исходить из того, что основные этапы развития первобытной речи приближенно восстановимы. Основанием для этого могут служить, во-первых, возможности знакового (в широком значении этого слова) поведения обезьян, во-вторых, детская речь, в-третьих, социально-исторические факторы, обусловившие переход от сигнальных систем животных к человеческому языку.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АНТРОПОГЕНЕЗА

Хотя многочисленные новые находки отодвигают начало человечества все дальше в глубь тысячелетий, все же наиболее признано, что прачеловечество возникло 2—2,5 млн. лет тому назад (появление австралопитеков и человека умелого)⁷.

Ближайшей временной границей начала современного человечества принято считать появление кроманьонца (40—30 тыс. лет тому назад). К этому времени человеческий язык уже сформировался. По данным некоторых ученых, это произошло еще раньше. Так, например, отделение языков Нового Света от евразийских произошло 40—50 тыс. лет назад, т.е. еще в эпоху неандертальца. Мы будем придерживаться общепринятой точки зрения.

Археологи делят историю человечества на три основных периода: каменный век (до V тысячелетия до н.э.), бронзовый век (с V—IV по II тысячелетие до н.э.) и железный век (с I тысячелетия до н.э. по настоящее время)⁸. Становление человечества падает на самый продолжительный — каменный

⁷ Сошлемся на мнение палеоантропологов: "Из этих открытий интерес представляют антропологические и археологические материалы из Олдувайского ущелья (Северная Танзания). Обитавшие там гоминиды получили наименование *homo habilis*, что значит "человек умелый" (или способный). Эти находки позволяют отнести возникновение человеческого труда к периоду не 600 тыс. лет, как предполагалось еще недавно, а свыше 2 млн. лет тому назад" (Семенов С.А., Петров В.С., Рыбаков Р.Б. О древнейшем периоде человеческой истории. — В.Ф. 1977, N7, с. 127).

⁸ Датировки у разных авторов значительно расходятся. Даже в таком авторитетном и новом справочном издании, как "Советский энциклопедический словарь" (М., 1980), каменный век кончается VI тысячелетием, а

век, который делится в зависимости от материального, притом скачкообразного, развития на два этапа: древний каменный век (палеолит) — до X тысячелетия до н.э. и новый каменный век (неолит) — до V тысячелетия. Названия "палеолит" и "неолит" были предложены в 1862 г. английским археологом и этнологом Джоном Леббоком. Различие между этими эпохами он видел в характере человеческих орудий: для палеолита характерны оббитые камни, для неолита — шлифованные орудия и глиняная посуда.

Палеолит в свою очередь подразделяется на нижний, средний и верхний. Становление человеческого языка предположительно происходило в основном в период нижнего и среднего палеолита (кроманьонцы) и продолжалось от 2 млн. до 40—30 тыс. лет тому назад. Соответственно этим трем периодам в палеолите человечество проходит три стадии развития.

Первая стадия — появление австралопитека, с более крупным и развитым, чем у высших обезьян, мозгом, способного использовать природные орудия — камни, палки, кости — для защиты и нападения.

Вторая стадия — появление "человека умелого" (*homo habilis*, Африка) — 2—1,3 млн. лет назад, для которого характерно широкое использование искусственно обработанных орудий труда (до 18 типов). Затем появляются питекантроп (1,3—0,8 млн. лет, о. Ява), синатроп (0,8—0,3 млн. лет, Китай), гейдельбергский человек и неандерталец — около 300 тыс.—40 тыс. лет (Европа). Вторая стадия — стадия первобытного человека, умеющего изготавливать орудия, применять огонь и обладающего зачатками устной речи. Для проблемы возникновения языка этот период самый интересный: социальная организация первобытного человека выше биологического стада австралопитеков; первобытно-общинное стадо основано на общности трудовых усилий, и именно к концу этого этапа многие ученые приурочивают появление сформировавшейся членораздельной речи.

Для третьей стадии антропогенеза, приходящейся на верхний (поздний) палеолит (40 тыс. лет тому назад), свойственно формирование человека современного типа — кроманьонца. На этапе кроманьонца сообщество перво-

бронзовый начинается в конце IV (правда, медный век датируется IV—III тысячелетием. Некоторые авторы продлевают каменный век до II тысячелетия. Поэтому, видимо, приведенная датировка не будет ошибочной

бытных людей превращается в первобытно-общинный родовой строй.

Приведенная периодизация антропогенеза основана на работе В.П. Якимова⁹ и несколько отличается от также широко распространенной среди советских исследователей периодизации, приведенной в работе И.К. Ивановой¹⁰. Считаем целесообразным изложить и эту концепцию.

По этой периодизации, антропогенез делится на четыре этапа: австралопитеки, архантропы, палеоантропы и неолантропы. Принципиально то, что этап неандертальцев (палеоантропов) выделяется в самостоятельный. Первый этап — австралопитеки — и более поздняя их разновидность — человек умелый — приходится на период с 2—1,8 млн. лет до 600 с лишним тыс. лет тому назад. Второй этап — архантропы (к ним относятся питекантропы, синантропы, гейдельбергский человек и др.) — охватывает период от 600 до 400—300 тыс. лет назад. Третий этап — палеоантропы (неандертальцы), наиболее древние формы которых датируются 300 тыс. лет, а основные их представители найдены в слоях 130—70 и 70—35 тыс. лет назад. И четвертый — неолантропы, появившиеся 38—40 тыс. лет назад.

Обе периодизации относят становление человечества к периоду 2—1,8 млн. лет и видят предшественника современного человека сначала в австралопитеке и затем в неандертальце, вымершем около 40 тыс. лет назад.

Монофилетическая теория антропогенеза утверждает, что человечество произошло от одного вида животных, и этими животными, скорее всего, были биологически наиболее близкие человеку шимпанзе. Однако последние данные о находках древних гоминид бросают некоторую тень на эту теорию и уводят далеко в глубь тысячелетий истоки человечества. Мы имеем в виду обнаруженный в 1948 г. на о. Рузинга оз. Виктория (Западная Кения) англичанами Л. и М. Лики череп обезьяно-человека (названного проконсулом), датируемый 25 млн. лет. Мы позволим себе привести большую цитату с описанием этой находки из книги советского историка В.Е. Ларичева: "Лики, несомненно, правы, на острове Рузинга им посчастливилось обнаружить остатки удивительного существа, в строении черепа которого

⁹ Якимов В.П. Антропогенез. — Филос. энциклопедия, М., 1960, т.1, с. 76.

¹⁰ Иванова И.К. О геологическом возрасте ископаемых гоминид в свете данных абсолютного летоисчисления. — В кн.: Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., 1966.

угадывалось нечто от антропоида и человека. Округлый лоб, лишенный характерных для обезьян надглазных валиков, напоминал человеческий. С человеком проконсула сближало также отсутствие в нижней челюсти так называемой «обезьяней полки»¹¹. Много человеческих черт обнаружено в строении челюстей и зубов проконсула.

После находки черепа на этом же острове Лики удалось найти три косточки конечностей проконсула. "Проконсул, по мнению Кларка (английский антрополог. — Б.Я.), вероятнее всего, передвигался на четырех конечностях по земле, а не проводил всю жизнь на деревьях. Освоение прямохождения освобождало передние конечности и вызывало увеличение объема мозга, призванного координировать сложные движения выпрямляющегося тела"¹².

В тех слоях вулканического пепла (датируемых 25—40 млн. лет), где были найдены останки проконсула, обнаружилось большое разнообразие костных остатков различных животных, в том числе различных родов и видов низших обезьян — мартышковых, лемунов, достигавших иногда размеров гориллы. Не свидетельствует ли это о богатом генетическом материале приматов, о больших возможностях широких мутаций? Реализацией одной из таких возможностей и явился проконсул, который, вероятно, прямо произошел от низших обезьян и очень скоро приобрел прямохождение, попав в свободную от конкурирующих с ним других обезьян среду обитания, или, как говорят биологи, экологическую нишу — степи и горы¹³.

Родословная гоминид уходит, таким образом, в глубь тысячелетий — от австралопитековых к проконсулу и от него к низшим обезьянам, минуя антропоидных. Последнее признается многими палеоантропологами. Все пять генеалогических древ человечества, приведенные М. Иди в книге "Недостающее звено" (М., 1977), не выводят человеческую ветвь из высших обезьян, а указывают на общего предка. Правда, только Джон Нейпьер и Луис Лики в качестве такового считают проконсула. Однако это обстоятельство не должно нас смущать, поскольку генеалогические древа строятся в

¹¹ Ларицев В.Е. Сад Эдема М., 1980, с. 361.

¹² Там же, с. 362.

¹³ "В настоящее время можно говорить не только о большой длительности антропогенеза, но и о том, что человек произошел не от древолазущих антропоидов, а от приматов наземной адаптации" (Семенов С.А., Петрова В.С., Рыбаков Р.Б. Указ. соч., с. 128).

условиях огромного разнообразия точек зрения на датировку и характеристики палеоантропологических объектов (и это естественно, так как из двух сравниваемых ископаемых черепов один может оказаться более человеческим по одним параметрам и более обезьяньим по другим, как это получилось, например, при сравнении черепов питекантропа и синантропа).

Для нас важно другое: никакой перестройки обезьяньего (высших обезьян) мозга и речевого аппарата в сторону превращения их в человеческие не происходило. Особый вид низших обезьян, попав в свободную, но сложную для выживания экологическую нишу, сразу же стал развиваться в сторону очеловечивания. И прежде всего в связи с прямохождением и использованием передних конечностей для разнообразных действий с орудиями (необходимость этого, видимо, и вызвала прямохождение) усложнялись и дифференцировались двигательные функции органов тела и соответствующие управляющие ими функции мозга. А последние как раз становятся функциональной базой для речедвигательного аппарата, который развивается под воздействием потребности в общении, вызванной суровыми социальными факторами.

Другим, уже прямо социально значимым следствием прямохождения является расширение физических возможностей взаимного общения, подачи и восприятия поведенческих сигналов. Вертикальное положение тела "обращало этих гоминидов лицами друг к другу по фронтальной позиции, в результате чего создались наилучшие условия для возникновения звуковой и кинетической (порядок перечисления хронологически должен быть обратным. - Б.Я.) сигнальных систем. Именно это обстоятельство благоприятствовало широкому обмену психофизиологическими реакциями в моменты ответственных, например охотничьих, операций, регулирования согласованных действий"¹⁴.

Говоря об антропогенезе, хотелось бы обратить внимание на мощность рода гоминид, на великое разнообразие видов и подвидов первобытных людей и их предков. Причем виды, более развитые анатомически, а следовательно, интеллектуально и социально, сосуществовали с более отсталыми. Один только перечень названий видов первобытного человека составил бы достаточно длинный список (а сколько еще будет

¹⁴ Семенов С.А., Петров В.С., Рыбаков Р.Б. Указ. соч., с. 129

обнаружено новых находок!): проконсул, рамапитек, австралопитек, бойсеи, африканский, человек прямоходящий, парантроп, неандерталец и др.

О биологической силе рода гоминид свидетельствует его распространенность в широком диапазоне климатических зон, к которым он сумел приспособиться, — тропики, субтропики Индонезии и Африки, умеренный климат Европы, степи, саванны, джунгли, горы Африки, Передней Азии, Индии, Китая.

Возникает вопрос: благодаря чему от природы физически относительно слабый, с длительным сроком деторождаемости и детства гоминид смог не только выжить, но и широко распространиться сначала в Евразии, а затем и по всему миру, сделавшись "царем природы"? Ответ может быть только один — благодаря относительно сложной, сильной и гибкой социальной организации.

О СОЦИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ОБЕЗЬЯНЬЕГО СТАДА

"Вполне очевидно, — писал Ф. Энгельс, — что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предметов"¹⁵.

Общественная организация первобытных людей, судя по всему, была весьма сложная. Прежде всего она характеризовалась иерархичностью. Иерархия в сообществах животных вообще широко распространена. "Как не похожи друг на друга мышь и сверчок! А между тем иерархия проявляется у них почти одинаково, сходство заметно даже в деталях. Быть может, мы здесь сталкиваемся с некоей тенденцией, присущей организованной материи вообще, — тенденцией столь важной и столь древней, что она сохраняется, несмотря на то, что эти две группы так далеко отошли друг от друга в процессе эволюции"¹⁶. Существование иерархии в стаях и стадах в настоящее время общепризнано, утверждает советский биолог И. Халифман. Современная теория систем содержит еще более сильное утверждение: всюду, где мы имеем достаточно высоко организованную систему, мы можем говорить об иерархии как ее свойстве.

Учитывая сложность проблемы происхождения человека, проводить прямую аналогию между обезьяньим стадом и

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20, с. 488.

¹⁶ Шовен Р. От пчелы до гориллы. М., 1965, с. 207.

сообществом первобытных людей несколько рискованно. Но принимая, что антропоиды являются хотя и отдаленными, но родственниками человека, мы все же можем организацию стада обезьян поставить в параллель с организацией праавстралопитеков, не умевших изготавливать орудия труда.

Итак, основным свойством обезьяньего стада является его иерархическая организация. "В стаде обезьян существует уже сложившаяся система взаимоотношений и своеобразной иерархии с соответственно весьма сложной системой общения", — отмечает А.Н. Леонтьев¹⁷.

По данным Н.А. Тих (здесь и далее отсылки на литературу даются по кн.: *Онтология языка как общественного явления* М., 1983. — *Ред.*), можно наметить по крайней мере четыре уровня иерархии в обезьяньем стаде. Они выделяются на основе значения особи для филогенеза стада. На низшей ступени иерархии находятся старые самки, не способные к рождению детенышей и сложным способам добывания пищи. Затем идут молодые неопытные самцы, претендующие на "власть" и на самок. К третьему уровню можно отнести молодых самок и детенышей, являющихся как бы "окружением" и пользующихся покровительством крупных и сильных самцов. Последние образуют ядро стада и высший уровень его иерархии. Внимание вожака к членам стада зависит от их места в иерархии. Старых самок они вообще не замечают, молодых самцов им приходится часто "вразумлять", детеныши и молодые самки пользуются их наибольшим расположением.

Функции вожаков достаточно четко выражены, и они многочисленны: следить за безопасностью стада и защищать его от внешних врагов; быть производителем потомства и быть судьей-эксекутором в конфликтах между членами стада. Право быть судьей в ссорах — один из атрибутов вожака. Все исследователи пишут о нем, отмечая его существование не только у млекопитающих, но и у птиц, указывает Р. Шовен.

Соблюдение иерархии и ее динамика довольно сложны. Основной принцип здесь — "право сильного". Иерархия устанавливается на основе постоянно ведущихся драк (И. Халифман). Однако этот принцип может нарушаться, и в вожаки попадает не самый сильный, а самый "хитрый" из молодых самцов.

Интересный случай произошел в стаде шимпанзе, за

¹⁷ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики М., 1972, с. 267

которым наблюдала англичанка Джейн Гудолл в танзанийском заповеднике Гомбе-Стрим. "Презираемый" всеми самцами, находившийся на низкой ступени иерархии Майк попробовал применить для завоевания "власти" пустые металлические канистры. Он схватил несколько канистр, стал толкать их перед собой, тем самым создавая страшный шум, и напустил на себя ярость. Доминирующие самцы в страхе разбежались, но потом стали перед ним заискивать. После нескольких таких процедур они признали его "власть". Затем уже для удержания "власти" ему было достаточно проявить агрессивность, размахивая веткой.

Борьба за лидерство в стаде гармонически сочетается со взаимопомощью. Стадо обороняется коллективно. Шимпанзе после удачной охоты может поделиться кусочком с другими членами стада. Как известно, П.А. Кропоткин считал взаимную помощь особей как в растительных и животных сообществах, так и в человеческом обществе фактором прогресса, противостоящим борьбе за существование.

По своему характеру шимпанзе очень индивидуальны. Подвижные и вялые, трусливые и наглые, хитрые и непосредственные — они могут быть самыми разными. Поэтому и отношения внутри стада не просто агрессивные или доброжелательные, но имеют сложную градацию и различные оттенки. Выражение этих отношений также довольно разнообразно. Некоторые ученые считают, что контакты между животными могут выражаться в особых ритуализированных формах (например, встречи двух особей). Кроме звуков, широко используются жест и поза. Д.Гудолл однажды наблюдала нечто вроде танца.

"ЯЗЫК" И МЫШЛЕНИЕ ОБЕЗЬЯН

До сих пор биологи дискутируют вопрос о способностях человекообразных обезьян к мышлению и языку. Экспериментальные данные, полученные в последние годы, позволяют сделать вывод о весьма высоком уровне их способностей. Еще Ф. Энгельс достаточно высоко оценивал умственные возможности животных. Он писал: "Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности: *индукция*, *дедукция*, следовательно, также *абстрагирование*. . . анализ незнакомых предметов (уже разбивание ореха есть начало анализа), *синтез* (в случае хитрых проделок у животных) и, в качестве соединения обонх, *эксперимент* (в случае новых

препятствий и при затруднительных положениях)"¹⁸. Но далее Ф. Энгельс пишет, что "диалектическое мышление — именно потому, что оно имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий; — возможно только для человека"¹⁹.

Для мышления высших животных характерна сильная избирательность вычленения элементов ситуации, детерминированная их (элементов) биологической значительностью. "Даже высшие животные, — пишет Р.Н. Ладыгина-Котс, — в каждой ситуации замечают и отражают лишь те отношения, которые имеют для них жизненный смысл, связанный с удовлетворением той или иной биологической потребности, к другим же отношениям они относятся индифферентно"²⁰.

Жизненная значимость элемента ситуации обычно эмоционально окрашена для животного, и поэтому фиксация его образа в памяти не требует многократных повторений: достаточно одного воздействия среды, чтобы соответствующий образ вошел в жизненный опыт животного. Такое запоминание не нуждается в подтверждении стимула, которое необходимо в случае индифферентных раздражителей.

Первобытный человек также воспринимал мир через фильтр своих потребностей, и то разнообразие ситуаций, в которые он попадал (прежде всего охотничьих), способствовало быстрому накоплению опыта. Задача состояла в том, чтобы как можно полнее (а это было жизненно важно) передать его последующему поколению, чему могла служить только такая богатая средствами форма общения, как драматическое действо.

Жизненно значимые элементы ситуации образуют для животного ее ядро. Все же остальные ее явления слабо различимы. Однако, как показала К.Н. Ладыгина-Котс, такая же диффузность свойственна и детскому мышлению, а факты из языков первобытных народов говорят о том же: для них характерна такая суммарность значений слов, при которой одно слово обозначает целую совокупность разнородных предметов; так, в языке аранта одно и то же слово обозначает и "корни водяной лилии", и "кости человека", и "ночь", объединяемые общим признаком "невидимого" (В.В. Иванов).

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 537.

¹⁹ Там же, с. 537—538.

²⁰ Ладыгина-Котс Н.Н. Предпосылки человеческого мышления: (Подражательное конструирование обезьяной и детьми). М., 1965, с. 109.

Прежде чем переходить к вопросу о возможностях обобщения и абстракции у высших обезьян, приведем генетическую классификацию обобщения, предложенную Г.С. Костюком. Он различает: 1) "доаналитическую" генерализацию, имеющую место на уровне диффузного мышления; 2) обобщение после элементарного анализа (целое расчленяется на несвязанные признаки, отдельные признаки подменяют собой целое понятие); 3) обобщение после комплексного анализа, в результате которого образуется комплекс соотнесенных признаков.

Для человекообразных обезьян характерны первые две формы обобщения. Еще И.П. Павлов отмечал, что он пришел к выводу о наличии у животных своеобразных понятий, образующихся путем генерализации отдельных представлений в одно более общее. Он полагал, что животные реагируют на обобщенные раздражители, и соответствующие обобщения можно рассматривать как аналоги понятий.

Что же касается способности к абстрагированию, то у обезьян обнаружены лишь зачатки: абстрагируемый признак не отделяется от объекта и не рассматривается как самостоятельный объект, а лишь оттеняется, вычленяется в предмете. Так, обезьяна не может выработать абстракцию длины и оперировать с нею, как считает К.Н. Ладыгина-Котс.

Конечно, способность оперировать абстрактными категориями, а тем более вне наличной ситуации, обеспечивается прежде всего рефлексирующим мышлением — проявлением такого уникального человеческого свойства, как самосознание. Поэтому главный пункт, в котором наиболее сильно расходится мышление человека и обезьяны, — это именно способность к абстракциям. Однако во всем остальном, а прежде всего в плане реального поведения, каких-либо резких контрастов наука не находит. «Главный вывод, который следует из экспериментов последних 25 лет, состоит в том, что обезьяны обладают, хотя и в меньшей степени, чем человек, способностью улавливать общий характер задачи, которая ставится с целью определения умственных способностей в так называемых "тестах на концептуальное мышление"... Подобные тесты демонстрируют лишь постепенный переход от менее развитых млекопитающих к приматам и человеку»²¹. Мы не возражаем против высокой оценки умственных способностей животных, но это не означает, что мы признаем

²¹ Харрисон Дж., Уайнер Дж., Барникот Н. Биология человека. М., 1968, с. 79.

"чистый эволюционизм" в становлении человеческого мышления. Произошел пуск и длительный, но все же качественный скачок, и одним из необходимых условий для него послужил язык.

Внешняя ситуация в мышлении высших животных представляется в виде набора образов жизненно значимых элементов. Этот набор имеет обобщающую силу, играет роль эталона ситуации, будучи ее частью и служа распознаванию подобных ситуаций. Если с этими эталонами соотносится некий сигнал, то он выступает частью обозначаемой ситуации.

У обезьян таких ситуаций, вызывающих звуковую реакцию, ограниченное количество. Так, у шимпанзе ситуация, вызывающая волнение, сопровождается уханьем, удовлетворение — хрюканьем, удивление — мычанием. У гамадрил выделяют 18 односложных сигналов (ak, hon, au, i и т.д.), соответствующих отдельным ситуациям (Н.И. Жинкин). Заметим, однако, что хотя звуку соответствует одна ситуация, но она не конкретная, а типизированная, обобщенная: звуки удовольствия могут быть связаны с ситуацией как еды, так и искушения; сигнал опасности или угрозы также соотносится с различными объектами. Здесь скорее надо говорить не об отдельных ситуациях, а о схемах ситуаций.

Знаковую систему обезьян Н.И. Жинкин назвал "системой с фиксированным списком сообщений, или системой не расширяющихся сообщений". Дело в том, что число схем ситуаций (денотативных полей, по выражению Н.И. Жинкина) конечно. Каждой схеме соответствует свой сигнал; число сигналов, следовательно, тоже конечно, и их можно задать списком. Сигналы эти одновременно и алфавит системы общения, и целые обобщения. Для этой системы, кроме того, характерны, по мнению Н.И. Жинкина, однозначность и несинонимичность знаков, нулевой синтаксис. Поэтому сообщения о прошлом и будущем не могут быть образованы в этой системе, так как нуждаются в комбинировании знаков (указание на ситуацию + указание на время).

Я позволю себе закончить обзор способностей обезьян философско-элегической характеристикой "интеллектуального" облика шимпанзе, данной А.И. Герценом: "Заметьте еще посягательство обезьян (например, шимпанзе) на дальнейшее умственное развитие. Оно видно в их беспокойно озабоченном взгляде, в тоскливо-грустном присматривании ко всему, что делается, в недоверчивой и суетливой

тревожности и любопытстве, которое, с другой стороны, не дает мысли сосредоточиться и постоянно ее рассеивает. Ряды и ряды поколений вновь и вновь стремятся к какому-то разумению, заменяются новыми, и эти стремятся, не достигая его, умирают, — и так прошли десятки тысяч лет, и пройдут еще десятки”²².

О СПОСОБНОСТИ ОБЕЗЬЯН К ЗНАКОВОМУ ПОВЕДЕНИЮ

(ПО ПОВОДУ КНИГИ Ю. ЛИНДЕНА
"ОБЕЗЬЯНА, ЧЕЛОВЕК И ЯЗЫК")

Книга Ю. Линдена²³ повествует об экспериментах американских ученых (супруги Р. и Б. Гарднеры, Р. Футс, Д. Прима) по обучению шимпанзе знаковому общению с человеком и о дискуссиях, которые развернулись по этому поводу в американской научной литературе. Пафос книги — нет непроходимой пропасти между животным и человеком, обезьяна способна научиться человеческому языку (имеется в виду прежде всего жестовый язык глухонемых амслен).

Основной вопрос, который возникает в связи с книгой Ю. Линдена, следующий: доказали ли эксперименты по обучению языку шимпанзе Уошо, Вики, Сары и других, что они овладели человеческим языком, "вошли в храм языка", как выражается Ю. Линден? И если Ю. Линден категоричен в положительном ответе на него, то мы не будем спешить с этим, так как считаем необходимым уточнить и переформулировать этот вопрос.

Прежде всего, что такое человеческий язык? Если под человеческим языком понимать основное средство устного (и как вторичное — письменного) общения людей, то описанные шимпанзе не научились и, надо полагать, никогда не научатся такому языку. И дело не столько в том, что их артикуляционный аппарат не приспособлен к произнесению человеческих звуков, сколько в том, что только звуковая речь дает возможность выстраивать в сознании сложнейшие иерархии языковых единиц (слов, схем предложений), иерархии, соответствующие вершинам абстракции и обобщения образов внешнего мира: степень сложности мышления определяет структуру языка. Язык жестов, которому научились обезья-

²² Герцен А. И. Былое и думы. М., 1947, с. 650

²³ Линден Ю. Обезьяна, человек и язык. М., 1981.

ны, принципиально не может быть достаточно иерархически сложным.

Попробуем расширить понятие "человеческий язык", включив в него, кроме устного языка, все вспомогательные средства общения между людьми. Тогда человеческим языком можно назвать и искусственные языки глухонемых, в частности амслен, которому обучены обезьяны Уошо, Вики и др. Но тогда мы вправе считать человеческим языком и азбуку Морзе, и морскую сигнализацию флажками или лучом света, и знаки дорожного движения и т.д. Все это языки вспомогательного общения. Недаром в современных методиках обучения глухонемых языку жест (вместе с движениями губ) рассматривается как кодовое обозначение букв естественного языка, и тем самым фактически глухонемые общаются на обычном естественном языке, только его звуковая "материя" заменена через буквенную жестикуляционной. Поэтому едва ли "чистый" язык жестов можно рассматривать как человеческий язык, и на вопрос о том, научились ли обезьяны человеческому языку, мы должны ответить отрицательно.

Однако возникают еще два вопроса, которые бы хотелось сформулировать в этой связи. Второй (первым будем считать вопрос об овладении шимпанзе человеческим языком): можно ли считать знаковое поведение (общение знаками) обезьян аналогичным знаковому поведению человека? Мы склонны на него ответить положительно. Далее мы подробнее обоснуем этот ответ, а сейчас лишь скажем, что сам факт взаимопонимания подопытных обезьян и экспериментаторов говорит о сходстве у них семиотических процессов.

И третий вопрос: имеются ли общие черты у знаковой системы обезьян и человеческого языка, или — отличны ли они качественно? Да, знаковые системы обезьяны и человека имеют общие черты. Но если в одной системе некоторая черта выражена слабо, а в другой — сильно, то с некоторого момента усиленная черта приобретает качественное своеобразие по сравнению с ослабленной: количество переходит в качество. Для пояснения напомним читателям известный парадокс "куча", который его автор Евбулид из Милета (IV в. до н.э.) формулировал приблизительно так: одно зерно кучи не составляет; прибавляя по одному зерну, кучи не получишь. Другими словами, когда "некуча" становится кучей, некоторая характеристика или состояние переходит в качественно

другое? Об этом можно спорить, и действительно очень много спорят по разным поводам в научном мире. Противники "говорящей" обезьяны Уошо утверждают, что качественный переход давно произошел и человек недосыгаем для обезьян, сторонники полагают обратное, и этой дискуссии отведены многие страницы книги Ю. Линдена. Примем участие и мы в ней.

Но прежде распределим по классам факты знакового поведения обезьян, существенные для ответа на 2-й и 3-й вопросы. Эти классы таковы: 1) перенос значений знака; 2) изобретение новых знаков; 3) синтаксирование; 4) знаковый выход из наличной ситуации.

Перенос значений. Естественно, что самыми распространенными были переносы, основанные на ассоциации по сходству (генерализация). Так, Уошо знаком "слышу" (указательный палец касается уха) обозначала любой сильный или странный звук, а также ручные часы, когда просила дать их послушать. Знаком "собака" (похлопывание по бедру) она обозначала как само животное, так и его изображение на рисунке. Однажды она перелистывала иллюстрированный журнал. Обнаружив изображение тигра, она сделала знак "кошка".

Интересны переносные употребления знаков на основе сходства объектов в некотором оцениваемом качестве. Служитель Джек не обращал внимания на просьбы Уошо дать пить. Она, прежде чем просигналить обращение к нему, ударяла тыльной стороной ладони по подбородку, что означало "грязный". Получалась последовательность знаков: "Грязный Джек, дай пить", и "грязный" было употреблено не как "запачканный", а как оскорбительное ругательство. Если этот факт описан корректно, то перенос значения "грязный" с предмета на человека на основе ненавязанной ассоциации по ощущению неприятного, нехорошего следует признать довольно тонким. Обезьяна Люси "назвала" бродячего кота "грязный кот", а самец Элли, долго требовавший от служителя Чауна пощекотать его, "назвал" служителя "орехом" (самого Элли часто называли "крепким орешком"). Люси применяла для обозначения невкусного редиса знаки "боль" или "плакать", а для сладкого арбуза — "конфета пить".

Доступны, видимо, обезьянам и переносы по функции: увидев в иллюстрированном журнале рекламу вермута, Уошо

изобразила знак "пить". Чтобы обучить Уошо знаку "иет", Гарднеры просигналили ей, что снаружи ходит большая злая собака. Через некоторое время обезьяне предложили погулять, и она отказалась. Единственной причиной могло быть воспоминание о собаке. Здесь знак "собака" был подан без наличия предмета. Но поскольку он (знак) прежде был ассоциирован с образом собаки и с отрицательной эмоцией, то он "сработал". Образ собаки приобрел дополнительный признак "быть снаружи". Он и стал посредником в ассоциации между образом и "прогуляться" и "собака". Этот случай, как и эксперимент с Элли по обучению жестам амслена без наличия обозначаемых предметов через ассоциацию с их английскими названиями, говорит о способности обезьян образовывать довольно сложные цепи ассоциаций.

Все эти факты достаточно убедительно свидетельствуют о развитии ассоциативном мышлении обезьян, о способности к обобщению отдельных признаков предметов, если эти признаки жизненно значимы для животного.

Механизм ассоциативного мышления лежит в основе функционирования и развития человеческого языка, а процессы абстрагирования и обобщения обеспечивают, в частности, становление его грамматического строя.

Изобретение новых знаков. Для обозначения нагрудника Уошо очертила на груди то место, где он надевается, используя ассоциацию по смежности. Аналогичным образом Люси обозначала поводок жестом его надевания вместо жеста "веревка". Так же Люси "присвоила" Ю. Линдену имя "аллигатор" (кусающие движения пальцами) на том основании, что у него на нескольких рубашках были вышиты крокодилы. Здесь имеет место ассоциация по смежности.

В семиотике принята следующая классификация знаков: иконические (структура знака похожа на обозначаемый предмет — географическая карта, фотография), индексные (часть предмета или ее изображение выступает в качестве знака предмета в целом — телефонная трубка на дорожном знаке обозначает телефон-автомат) и символические (ничего или почти ничего не имеющие в своем содержании общего с обозначаемым предметом — слова человеческого языка). С точки зрения этой классификации обезьяны могут создавать иконические знаки (имитация движения одевания поводка) и знаки-индексы (вышивка на рубашке как знак человека). С

символическими знаками дело, видимо, сложнее. Тот факт, что обезьяны могут пользоваться ими в результате научения, не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют эксперименты по обучению Элли амслену через английские слова, а Сары — оперированию с "абстрактными" жетонами, которые по содержанию не связаны с обозначаемыми предметами. Но может ли обезьяна сама создать нечто вроде жетона? Это сомнительно.

Дело в том, что символические знаки генетически вторичны по отношению к некоторой исходной знаковой системе, они не могут ни возникать, ни функционировать без нее. Жетоны Д. Примака, проводившего эксперименты с Сарой, были возможны только потому, что в сознании их создателя существовала связь между предметом и его английским названием, и жетон фактически обозначал последнее. Для обезьяны же это звено не нужно, поскольку у нее вырабатываются прямые ассоциации между образом предмета и образом жетона. Современные естественные языки, будучи символическими, также не могли возникнуть без языков-предшественников, которыми, как мы полагаем, были такие знаковые системы, как пантомимические действия.

Однако мы не собираемся полностью лишать обезьян способности к символизации знаков. Если бы у них возникла настоящая нужда в этом, они либо выказали, либо развили такую способность. Дело в том, что символизация как процесс максимального свертывания содержания знака, при котором это содержание перестает быть схожим с обозначаемым предметом, делается необходимой при возрастании числа знаков и "объема" общения. У обезьян эти величины будут ограничиваться их естественными потребностями и внутренне замкнутой, тысячелетиями отстоявшейся системой стереотипов поведения. Ведь то немногое, что животные, даже наиболее развитые, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи.

Конечно, искусственное увеличение "объема" общения, особенно с человеком, возможно, но всегда будет существовать вероятность того, что обезьяна откажется от лишних и бессмысленных для себя нервных нагрузок (отказы некоторых обезьян от выполнения заданий описаны Ю. Линденом²⁴)

С другой стороны, всякая символизация знака приводит к его неоднозначности, которая снимается контекстом. Можно

²⁴ Линден Ю. Указ соч

представить себе, что обезьяна станет сокращать и упрощать сложные имитирующие знаки, тогда многие из них совпадут, и различить их можно будет только благодаря ситуации, контексту общения, синтаксированию предложений. И здесь выступают ограничения, связанные с образом жизни обезьян. Поэтому окончательный ответ на вопрос о способностях обезьян к символизации мог бы быть таким: создавать знаки-символы обезьяны, вероятно, могут, но только в рамках своих возможностей синтаксирования.

Синтаксирование. Вопросу о том, способна ли обезьяна "сознательно" пользоваться синтаксическими отношениями, Ю. Линден уделяет очень много внимания, поскольку "оппоненты" Уошо считают это самым сомнительным пунктом в выводах Гарднеров. И Уошо, и Люси различали конструкции "ты щекотать я" и "я щекотать ты". Уошо в процессе обучения все чаще стала отдавать предпочтение порядку знаков, при котором на первом месте находится субъект действия, на втором — действие, на третьем — объект. Нам кажется вполне возможным, что обезьяны владеют представлениями о субъекте, действии и объекте, которые необходимы им в обычном повседневном общении и деятельности. Эпизод с Люси очень выразителен в этом отношении. Люси привыкла к комбинации "Роджер щекотать Люси", и для нее была внове последовательность "Люси щекотать Роджер", но она ее поняла и просигналила "Нет, Роджер щекотать Люси". Когда Роджер настоял на своем, то она действительно принялась его щекотать.

Сопоставление конструкций детской речи (по Р. Брауну) и комбинаций знаков Уошо, проведенное Гарднерами, довольно убедительно показывает большое совпадение структурных схем. Синтаксические факты, обнаруженные в экспериментах с обезьянами, хорошо согласуются с точкой зрения многих советских лингвистов на первоначальные этапы развития языка как в филогенезе, так и в онтогенезе. Исходной формой высказывания были не отдельные слова или предложения, а внешне, в знаке нерасчлененное словопредложение, содержащее указание на действие и предмет (субъект действия). Но таков и "язык" Уошо.

Мы понимаем, что для того, чтобы обезьяна отреагировала жестами на какой-либо внешний предмет, она должна использовать выработанную у нее экспериментаторами ассоциативную связь между образом предмета и образом

знака. Образ предмета — это значение знака; оно-то и указывает, к каким предметам должно применять знак.

Если мы посмотрим в "словарь" Уошо, то обнаружим, что предметы — это микроситуации, а образы предметов (значения) как минимум бинарны. Такие микроситуации образуются из действия и некоторого объекта, участвующего в нем. Соответственно и значение знака распадается на образ действия и образ объекта. Приведем примеры²⁵.

Знак под названием "подойди": подзывающее движение кистью руки или пальцами. Он означает, во-первых, указание на объект (кто должен приблизиться), во-вторых, указание на действие, которое этот объект должен совершить (подойти).

Казалось бы, о каком действии может идти речь в таких знаках, как "Ты" или "Я". Но в действительности и они в своем внутреннем (образном) содержании, не выраженном внешне (жестом), имеют указание на действие. Обратим внимание на ситуации, в которых употребляются эти знаки. Знак "Ты" (указательный палец направлен на грудь человека) показывает, что это его очередь (во время игры); он употребляется как ответ на вопросы: "Кто щекочет?", "Кто причесывает?". Знак "Я, мне, меня" (указательным пальцем трогает свою грудь) обозначает очередь Уошо, когда она ест или пьет вместе с партнером, и т.д. ... Итак, в знаках "Ты" и "Я", кроме указания на действующее лицо, мыслится определенное действие, обусловленное ситуацией. Но это означает, что уже в самих знаках, которым обучались обезьяны, содержалась синтаксическая структура, состоящая из противопоставления предмета и действия.

По мере увеличения "объема" общения как в генезисе языка, так и в развитии детской речи под давлением необходимости происходит дифференциация ролей "предмета" в высказывании, уточняется и поясняется содержащееся в нем действие. "Предмет", видимо, прежде всего расчленяется на субъект и объект действия, а само действие приобретает обстоятельственные элементы, определяющие место или направление действия. Эти расчленения жизненно важны. Без них высказывание может оказаться неправильно понятым, а действие — невыполненным.

²⁵Примеры взяты из кн.: Прибрам К. Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М., 1975. — В ней дано относительно полное описание 33 знаков Уошо, тогда как в тексте Ю. Линдена подобные описания очень фрагментарны.

Ю. Линден провел сопоставление схем "высказываний" ребенка и обезьяны (на материале наблюдений психолингвиста Р. Брауна над языковым поведением двухлетней девочки Евы и записей "высказываний" шимпанзе Уошо, сделанных супругами Р. и Б. Гарднерами).

Двухлетний ребенок и обезьяна способны оперировать уже в рамках бинарных конструкций представлениями о субъекте и объекте действия, о направлении действия. Жизненно важной является также категория принадлежности (притяжательный тип высказывания у Брауна и "субъект—объект", "объект—свойство" у Гарднеров). Поэтому она одна из первых развивается в детской речи и в знаковом поведении обезьян. Сомнение вызывают определительные конструкции (описание объекта, субъекта у Гарднеров), которые базируются на представлении о предметности и появляются тогда, когда возникает необходимость в вычленении предмета из ряда себе подобных для действия с ним, при этом в условиях, когда трудно обойтись прямым указанием рукой на предмет (т.е. в условиях отсутствия ситуации реального действия, при "перемещении" ее, как выражается Ю. Линден вслед за некоторыми лингвистами).

Конечно, возможно, что ребенок к двум годам способен выйти из наличной ситуации и сказать "большой поезд" о ранее виденном предмете, тогда как в наличной ситуации, видя этот предмет, он просто сказал бы "поезд". Кроме того, определительные конструкции обычно активно навязываются старшими при разговорах с детьми. Что касается Уошо, то приведенные Гарднерами примеры представляют, нам думается, класс оценочных высказываний, образуемых на основе положительной или отрицательной реакции на предмет: "Наоми хороший", "Уошо печальный", "Расческа черная" (может быть, грязная). Пример "Пить красное" не является определительным высказыванием, судя по его содержанию, а выражает "действие—объект".

Итак, способность обезьян к синтаксированию как двучленных, так и трехчленных конструкций, и в первую очередь таких, которые основаны на элементах деятельности (субъект, объект, действие, его направление, принадлежность объекта или действия, эмоциональная реакция на действие и т.д.), нам кажется доказанной достаточно убедительно.

Мы, к сожалению, не имеем возможности развернуть ни саму теорию деятельности (в частности, речевой), широко

принятую в советской психологии и психолингвистике, ни дать более подробный анализ фактического материала, содержащегося в книге Ю. Линдена. Нам только хотелось бы высказать мнение, что, встав на позиции этой теории, исследователь знакового поведения обезьяны облегчил бы себе выработку общих принципов как экспериментирования, так и анализа его результатов.

Нам кажутся сомнительными достижения обезьяны Сары в области синтаксирования сложных конструкций. Ее способность правильно ставить союз "если..., то" и составлять из двух предложений одно с однородными дополнениями ("Сара положить яблоко корзинке банан блюдо") есть результат простого научения методом "проб и ошибок" и не иллюстрирует ее самостоятельного умения составлять сложные конструкции; это не проявление знакового поведения.

Чисто бихевиористский подход к эксперименту у Д. Примака не дает возможности с определенностью оценить интересный факт, связанный с аналитической способностью обезьяны. Когда ей предложили сравнить две конструкции из жетонов "яблоко красное?" и "красный — цвет яблока", она решила, что они одинаковы; но восприняла как различные "яблоко красное?" и "яблоко круглое". Если предположить, что Сара отождествила первые две конструкции на основе совпадения смыслов, то надо признать, что она владеет не только довольно тонкими синтаксическими трансформациями, но и понимает, что выражения "яблоко" и "цвет яблока" — контекстные синонимы. Такое предположение, конечно, трудно принять. Не будем утверждать, что решение Сары было случайным. Остается предположить, что она руководствовалась "формальными" критериями. Обратим внимание, что первые два "предложения" состоят из одинакового количества жетонов (по три: знак вопроса — отдельный жетон) и два из трех жетонов совпадают ("яблоко", "красный"). Вторая пара предложений содержит разное количество жетонов — три и два соответственно, при этом общим является только один жетон ("яблоко"). Не явились ли эти, чисто внешние, признаки конструкций основанием для принятия решения Сарой? Нам кажется это вполне вероятным, и говорить о ее способности отождествлять и различать синтаксические конструкции едва ли возможно.

Еще раз подчеркнем в этой связи, что искусственно навязываемые животным задачи мало будут способствовать

прояснению проблемы из знакового поведения. Лишь создание условий для их мотивированной целенаправленной знаковой деятельности — путь к раскрытию "интеллектуальных" и "языковых" способностей обезьяны.

Знаковый выход из наличной ситуации. Еще один пункт нам хотелось бы обсудить в связи с поставленными выше вопросами. Он связан с понятием "перемещаемость". Способна ли обезьяна к "перемещению", т.е. к абстрагированию от наличной ситуации, к оперированию с прошлыми или будущими образами?

Если "перемещаемость" перевести в семиотическую плоскость, то, пожалуй, некоторые факты поведения обезьян будут ей соответствовать. Поставим вопрос так: может ли обезьяна оперировать со знаком, если она не наблюдает обозначаемого предмета? Ведь сущность любого знака состоит в том, чтобы быть представителем предмета. Способна ли обезьяна понять и использовать эту замещающую функцию знака, или, другими словами, может ли она выйти в своем знаковом поведении за пределы наличной ситуации?

Вернемся к эпизоду с обучением Уошо знаку "нет". Сигнал "собака" был предъявлен без обозначаемого предмета и вызвал такую же реакцию, как будто собака была рядом. Отрицательная реакция на предложение прогуляться говорит о том, что знак "собака" для Уошо явился действительно представителем и заместителем самой собаки (при условии, если не было слышно лая или других признаков присутствия этого животного). Знаковость поведения Уошо еще ярче бы проявилась, "спроси" Гарднеры Уошо, почему она не хочет гулять. И если бы та объяснила отказ знаком "собака", то факт выхода из наличной ситуации можно было бы признать полностью.

Если здесь "сработали" образы прошлого, то случай с Люси, кажется, говорит о знаковом поведении, связанном с будущим. Когда Джейн Темерлин уезжала из дома, хозяйкой которого она была и в котором воспитывалась Люси, последняя подскочила к окну, чтобы увидеть отъезжающую, и просигналила ей: "плакать я, я плакать" вместо того, чтобы выразить огорчение обычным обезьяньим способом. Вопрос в том, выразила ли Люси свое будущее состояние, когда будет отсутствовать Джейн, или этот знак относился к ситуации расставания. Футс, проводивший занятие с Люси, интерпре-

тировал "плакать" как выражение сиюминутной эмоции. Но можно предположить, что обезьяна представила себе и будущее существование (уже бывшее в прошлом) без Джейн.

Приведенные случаи, скорее всего, иллюстрируют знаковое поведение обезьян "на границе" наличной ситуации. Но нетрудно представить эксперименты, в которых бы обезьяна вынуждена была более четко "выйти" в прошлое или будущее, "беседовать" о них.

Итак, мы рассмотрели некоторые классы фактов, интересных с точки зрения знакового поведения обезьян. Для нас очевидно, что обезьяны способны употреблять знаки с переносом значений, создавать новые знаки некоторых видов, синтаксировать знаковые конструкции и, может быть, употреблять знаки в "чистом виде", без наличия обозначаемых предметов. Все это дает теперь нам право более обоснованно ответить на наши вопросы.

Знаковое поведение обезьяны во многом аналогично знаковому поведению человека. Знаковая система, которой научились подопытные обезьяны — несколько преобразованный язык американских глухонемых (амслен), — соответствует тому первоначальному этапу развития языка и в филогенезе и в онтогенезе, который принято называть этапом слов-предложений и который в данном случае не может развиться в человеческий язык с его сложными внутренними связями из-за жестовой "фактуры" самих знаков. Эта тупиковая линия развития должна быть заменена звуковым языком, что для обезьян невозможно.

Хотя многозначность языковых единиц, некие "правила" их комбинирования и свойственны знаковой системе, которой пользуются обученные обезьяны, но по сравнению с человеческим языком они слабо выражены. Будучи общими для обезьян и человека чертами, они значительно различаются по своей коммуникативной и гносеологической мощи, у обезьян — отдельные зерна, которым далеко до "кучи" (вспомним парадокс Евбулида).

Если на описанное знаковое поведение обезьян наложить свойства первой коммуникативной системы, по Н.И. Жинкину, то нетрудно увидеть, что благодаря человеческому научению ее жесткие рамки несколько раздвигаются. Образ же жизни праавстралопитека должен был сделать такое расширение жизненно необходимым. Без него предок первобытного человека не смог бы выжить. Почему? На этот вопрос мы попытаемся ответить ниже.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Если признать эволюционную теорию происхождения человека и биогенетический закон Э. Геккеля, то естественно искать почву для аналогий в сравнении происхождения языка у первобытных людей с возникновением и развитием детской речи. "...Духовное развитие ребенка, — писал Ф. Энгельс, — представляет собой лишь еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков, — по крайней мере более поздних"²⁶.

Современная психология и лингвистика достаточно четко описывают основные шаги формирования детской речи. Это дает возможность наметить следующие его этапы: 1) эмоции-команды; 2) слова-предложения; 3) двусловные предложения; 4) многословные несинтаксированные предложения; 5) грамматически оформленные высказывания.

Эмоции-команды свойственны ребенку с самого момента его рождения. Стремление (интенция) к этим сигналам зарождается как инстинктивное выражение благополучного или неблагополучного состояния. Принявшая эти сигналы мать соответственно реагирует на них. Элементарная природа этих сигналов (с информацией в 1 бит — хорошо-плохо) лежит в фундаменте любого коммуникативного процесса и свойственна уже самым примитивным живым организмам и поведению детенышей высших животных.

Специалисты по детской речи выделяют следующий набор начальных звуков: первый звук — спокойный, покрхтывающий — призыв к общению с матерью; второй звук — сигнал дискомфорта, без ответной реакции переходящий в крик; третий, легкий, регулярно повторяющийся звук, издается во сне и свидетельствует о благополучном состоянии; четвертый звук — сигнал о нормальности кормления и пятый — о благополучном пребывании на руках у матери.

К девяти месяцам сигналы ребенка становятся более разнообразными, основные мозговые центры, ответственные за речь, анатомо-физиологически созревают, и он уже готов к активному общению с миром. Речевая интенция начинает возникать не только на основе выражения биологической потребности, но и в цепи реакции на внешние события. «Первые слова ребенка, — пишет А.Р. Лурия, — в отличие от "гуления", не выражают его состояния, а обращены к

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2-е изд. т. 20, с. 495.

предмету и обозначают предмет. Однако эти слова ... тесно вплетены в практику»²⁷.

Общепринято считать, что мышление ребенка диффузно. Поэтому и применяемые им знаки имеют очень неопределенные, расплывчатые значения, лишь функционально (в коммуникации) сходные с социально принятыми значениями слов. Первоначальные употребления слов основаны на поверхностной аналогии объектов по эмоционально-сенсорным их свойствам. Так, дети до полутора-двух лет часто называют словом *мама* всех молодых женщин, *баба* — пожилых, *дядя* — всех мужчин.

Характерные примеры приводит в своей монографии, посвященной детской речи, А.Н. Гвоздев: "...ребенок, указывая на карандаш, называет его *n'is'u* (пищи), но также, требуя, чтобы ему рисовали, употребляет то же слово: *n'is'u*. Названия знакомых лиц употребляются для указания на этих лиц, например: *t'ot'a* (вот тетя), а также для указания на принадлежащие им вещи: *t'ot'a* (вот тетина корзина). Таким образом, эти первые слова являются аморфными словами-корнями"²⁸. Однако уже и такие слова бинарны по своему значению. С их помощью обозначаются либо "деятель-объект", либо "деятель-действие", либо "действие-объект", констатация существования, принадлежность и т.д. Поэтому такие слова принято считать словами-предложениями. Это второй этап развития детской речи.

Поскольку эти предложения грамматически не оформлены, постольку их семантика (содержание) как бы включает в себя и их синтаксическую структуру. На самом раннем этапе развития речи ребенка нельзя провести четкого разграничения между синтаксисом и семантикой. Каждое слово детского языка носит смысл целого высказывания, причем в комбинации с жестами и мимикой может быть употреблено для формирования целого ряда высказываний (P. Greenfield; D. Smith).

Этап слов-предложений соответствует первой коммуникативной системе, по Н.И. Жинкину, в которой алфавит "языка" совпадает с "высказываниями", однозначно соответствующими ситуации. Видимо, не требует особых доказательств тот факт, что это особая, специфически детская форма речи (вспомним противоположное высказывание Ж. Вандриеса о

²⁷ Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 35.

²⁸ Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М., 1961, с. 337.

том, что детская речь — это искаженная речь взрослых). Хотя взрослые и могут употреблять слова-предложения в виде назывных (*Ночь* — констатация ситуации) или неполных (*Идет* — о поезде) предложений, но они все по крайней мере семантические эллипсисы, а не типичная форма синтаксированного высказывания (особенно письменного).

Интересно отметить, что ребенок, произнося слово-предложение в акте коммуникации, обращается с ним именно как с предложением, оформляя его интонационно. Исходным в развитии предложения, считает А. Н. Гвоздев, является слово-предложение. Первые осмысленные слова, заимствуемые ребенком от взрослых, выражают какое-либо сообщение: указывая на часы, ребенок говорит *д'ис'и* (вот часы), или, протягивая руку за книжкой, произносит: *кан т'ин'ка* (дай картинку-книжку), или зовет с собой отца: *д'и* (иди). По своей интонации эти слова-предложения тоже сходны с предложениями.

А. Н. Гвоздев выделяет следующие типы однословных предложений: 1) выражающие требования (повелительные): *д'ац'!* (дать), *гада* (требование перенести на другое место), *мака* (дай молока); такие предложения можно назвать предложениями "действия-объекта"; 2) выражающие наличие предметов (номинативные), или, по-другому, экзистенциальные: *мама* (вот мама), *му* (вот корова), *п'ис'и* (вот карандаш); 3) предложения, называющие лица (звательные): *мама* (мама, иди; со звательной интонацией). Мы бы назвали последние "субъект-действие".

Содержание нерасчлененных высказываний, выражаемых словом-предложением, сводится, по мнению других исследователей (например, А. М. Шахнаровича), к таким основным типам: 1) констатация существования факта, предмета; 2) констатация действия; 3) выражение атрибуции предмета. Таким образом, на первом этапе собственно речевого поведения ребенок различает три рода объектов: наличный предмет; предмет, вовлеченный в действие; предмет, обладающий признаком. Ядром в этих смысловых структурах, очевидно, является действующий предмет (ср. инстинкт только что вылупившихся утят устремляться за движущимся предметом — импринтинг), а остальные образы — как бы фоновые, поскольку они являются условиями действия. Очевидно, что действие и признак неотчленимы еще от самого предмета и образуют с ним диффузную целостность. По

данным А.Н. Гвоздева, слова-предложения преобладают с 1 года 3 месяцев до 1 года 8 месяцев, т.е. около полугода, что является длительным сроком и дополнительным свидетельством того, что слово-предложение как специфически детский этап становления речи занимает в нем значительное место.

Заканчивая характеристику слов-предложений, хотелось бы обратить внимание читателя на доминирующую роль повелений в процессе общения ребенка со взрослыми и соответственно глаголов повелительного наклонения и инфинитива (пускай сами эти формы и заимствованы у взрослых). Видимо, необходимость волеизъявления, направления команды к адресату сообщения и является той определяющей силой, которая вызвала к жизни простейший, генетически исходный акт коммуникации (здесь мы действительно имеем дело с полным коммуникативным актом; в отличие от первого этапа детской речи — эмоций-команд, которые подавались независимо от наличия адресата, — слова-предложения порождаются как высказывания с точной направленностью). Далее мы попытаемся показать, что первый собственно человеческой, хотя и примитивной, формой речи первобытного человека были именно слова-команды, родившиеся под давлением необходимости оперативно управлять первобытным коллективом.

С ростом потребностей и объема общения ребенку перестает хватать выразительных средств слов-предложений и жестов. Потребность в дифференцированном выражении желаний и отношений к среде, с одной стороны, и образцы речи взрослых — с другой, приводят его речевое развитие к следующему этапу — к двухсловным грамматически неформальным предложениям.

Этот период начинается, по данным А.Н. Гвоздева, с 1 года 7 месяцев и кончается к 1 году 10 месяцам. Двухсловные предложения, как и однословные, еще специфически детская (вопреки Вандриесу) форма коммуникации. Первые грамматические предложения, по мнению А.Н. Гвоздева, образуются объединением в одном высказывании двух слов. Показателем того, что эти предложения конструируются ребенком самостоятельно, а не являются простым повторением за взрослыми целого выражения, служит их отличие по структуре от языка взрослых, их правильное употребление по значению и использование в них слов, которые употребляются отдельно или в других сочетаниях, например: *с'а́н'ц'ик д'у́н'д'у́*

(собственно: зайчик—сундук) — для обозначения того, что зайчик лежит за сундуком, — 1 год 8 месяцев 24 дня; или: *мама с'ос'ка* (мама—щетка, т.е. мама метет щеткой) — 1 год, 9 месяцев 28 дней²⁹. Эти предложения являются своеобразными конструкциями с пропуском глагола и с объединением неизменяемых существительных, которые хорошо известны ребенку по отдельному их употреблению. Эта неизменность слов в различных случаях их употребления также говорит о том, что они продолжают оставаться морфологически неразложимыми. В интонационном отношении двухсловные предложения сходны с соответствующими в языке взрослых. Слова объединены законченной интонацией.

До этого этапа речь формируется под влиянием, видимо, только двух фактов: внутреннего — начатки развертывания языковой способности (языковое выражение внутреннего состояния отношений к предметам) и внешнего — имитация некоторых элементов (слов, интонаций) речи взрослых. К двум годам появляется и все усиливает свое влияние третий фактор — игровая деятельность, которая пока что выражена весьма слабо. Это простейшие манипуляции с предметами. "В первые два года жизни ребенок овладевает движениями, что приводит к возникновению функциональных игр. В функциональной игре перед ребенком раскрываются неизвестные для него свойства предметов и способы действия с ними"³⁰.

Из сказанного следует, что ребенок не выполняет еще целостных деятельности (даже игровых), а совершает отдельные практические действия, которые впоследствии будут синтезированы в последовательности и обретут другие цели и мотивы. Но эти действия протекают в конкретных реальных ситуациях (дома, на улице) и выполняются с конкретными предметами (палочки, кубики, песок).

По мере того как ребенок приобщается к реальному действию, у него вырабатываются относительно автономные и обобщенные образы действий, отдельных операций, предметов и их свойств. Последовательность таких образов определяется последовательностью самих действий, которые в сознании представляются в сокращенном, схематическом виде.

Такой переход от реальных действий и участвующих в них субъектов и объектов к ментальным действиям с образами

²⁹ Там же, с. 337

³⁰ Общая психология. М., 1973, с. 114.

вполне мог происходить в процессе формирования первобытной речи.

В образах действий на этапе двучленного предложения уже вычленяется объект (субъект) и само действие, так же как признак, отделяется от предмета. Если это так, то отдельные образы, формирующиеся под влиянием практических действий, можно считать образами классов предметов, как это полагает, например, А.М. Шахнарович. Указав на то, что между практическими действиями ребенка и формированием речевой деятельности имеет место промежуточный этап, на котором развиваются образы-эталоны как результат "процесса предметной деятельности и процесса обобщения", он соотносит эти обобщенные образы с предметами. Эти эталонные образы, будучи схемами классов объектов, являются элементами обобщенных схем ситуаций. Ведь первоначально деятельность ребенка, как и первобытного человека, "вплетена" в наличную ситуацию. Поэтому формы обобщения осуществляются так или иначе в схемах ситуаций, элементами которых являются еще невычленяемые из них образы предметов и действий. Процесс формирования системы классов предметов вторичен по отношению к схемам ситуаций. Чтобы сформировался класс как таковой, необходимо сопоставить различные схемы ситуаций и отождествить одни и те же предметы в них, т.е. мышление должно выйти из деятельности в ситуации и оперировать с ситуациями как объектами анализа и обобщения.

Отметим в связи с этим, что становление обобщающих образов идет впереди формирования грамматических категорий и средств их выражения. "У ребенка первичным ядром, которое служит основой для дальнейшего формирования грамматических категорий, является значение. Усвоенное значение первоначально еще не имеет грамматического выражения; лишь позже постепенно усваиваются языковые средства его выражения, и оно превращается в грамматическую категорию. Так, например, обозначение объекта словом, пока еще бесформенным, появляется у ребенка значительно раньше, чем объект стал выражаться формой винительного падежа"³¹

Конечно, ребенок без особого труда научится подбирать средства для выражения сформировавшихся у него первоначальных

³¹ Гвоздева А.Н. Указ. соч., с. 155.

³² Лурия А.Р. Указ. соч., с. 35—36.

чальных мыслительных категорий (субъект, объект, действие, его место, направление, экзистенциональность, принадлежность) из арсенала речи взрослых. Первобытному же человеку с большим трудом, методом "проб и ошибок", под давлением суровой коммуникативной необходимости приходилось вырабатывать эти средства. Тот же факт, что он оперировал названными категориями, на наш взгляд, не подлежит сомнению: соответствующими представлениями владеют уже шимпанзе.

Переходным этапом от двухсловных предложений к развернутым и синтаксически оформленным является этап многословных грамматически полностью или частично не оформленных предложений. Начиная с 1 года 9 месяцев появляются предложения в три-четыре слова, но слова остаются еще бесформенными (А.Н. Гвоздев). Затем сначала нерегулярно, потом систематически слова употребляются в нужном грамматическом оформлении.

"Прикосновение" детского сознания к грамматическому строю языка как бы пробуждает языковую способность. Происходит, в частности, резкий скачок в росте словаря. "Характерно, что именно к этому периоду, когда слово начинает приобретать морфологические дифференциальные формы, относится огромный скачок в словаре ребенка"; до 1 года 6—8 месяцев "количество слов, зарегистрированных у ребенка, было порядка 12—15; в это время оно сразу доходит до 60, 80, 150, 200"³². Объяснить этот факт расширением предметной деятельности едва ли возможно, так как трудно предположить, что жизненная сфера, число предметов, с которыми оперирует ребенок, так резко возросли. Здесь, видимо, имеет место главным образом внутреннее развертывание языковой способности под воздействием речи взрослых.

Некоторые ученые (например, Р. Браун) называют неграмматизированные двух- и многословные предложения телеграфными фразами. Ребенок обходится ими довольно продолжительное время — около полугода и более. На этом этапе мышление в состоянии вычленить схемы классов (эталон) из схем ситуаций. Происходит формирование соотношенных между собой классов предметов, действий, признаков и отношений. При этом представление о классе преобразуется путем замены его образом свойства, определяющим класс: "Процесс замены множества его характери-

кой как новым простым объектом умственного действия является общим”³³.

Постепенный переход от отдельных сенсомоторных действий к их последовательности — деятельности — открывает возможность, а с возрастанием объема общения и необходимость в построении многословных предложений с различными синтаксическими отношениями между словами. Если в двусловном предложении достаточно рядоположенно указать, например, на субъект и действие, то уже в трехсловном предложении (при указании, например, на направление действия) простой рядоположенности недостаточно: чтобы быть понятым, отношения между членами надо дифференцировать. Возникает потребность в противопоставлении подлежащего сказуемому. Тот факт, что она не ощущается на этапе двухсловных предложений, подтверждается отсутствием глаголов там, где они требуются в качестве третьего члена: *“баба кл’ес’а* (бабушка сидит в кресле), 1 год 9 мес.” (А.Н. Гвоздев).

Формирование системы категорий, связанных с действием, необходимость дифференциации их отношений в многочисленном высказывании приводят к сознательному противопоставлению подлежащего сказуемому. Способность противопоставлять различные знаки в предложении свидетельствует о том, что ребенок начинает осознанно творить речевое высказывание, что невозможно без зачаточных умений программировать речь — умений, уже достаточно развившихся на основе сенсомоторной деятельности.

Последний этап формирования детской речи, близкой к речи взрослого человека, завершается к пяти годам. Основной его особенностью является формирование механизма программирования речевого произведения, дающего возможность строить синтаксически сложные высказывания.

Это уже четвертая коммуникативная система по Н.И. Жинкину. Для нее характерна иерархия алфавитов (фонема, морфема, корни и аффиксы, слова), синтаксис синтагм и предложений, неоднозначность имен. Это система расширяющихся сообщений с изменяющимся языком.

На этом мы закончим краткий обзор этапов формирования детской речи. Теперь, видимо, можно констатировать, что

³³ Гальперин П. Я Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. — В кн.: Исследование мышления в советской психологии. М., 1966, с. 264

высшим приматам, как и детям до двух лет, свойственно оперировать такими категориями, как субъект и объект действия, его место и направление, экзистенциональность и принадлежность. Имеются также и общие формы первичной коммуникации: эмоционально-волевые сигналы, выражающие только внутреннее состояние; слова-предложения невыраженной бинарной структуры с предметной направленностью и имеющие адресат; двухсловные предложения с выраженной категориальной бинарностью. Очевидно, все это можно сказать и о первых этапах возникновения языка первобытного человека. К факторам, обусловившим этот процесс, мы и перейдем в последующем изложении.

ОБРАЗ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА, ЕГО ТРУД И МЫШЛЕНИЕ

"Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой"³⁴. В этих условиях первобытный человек мог выжить и развиваться благодаря значительным преимуществам перед другими животными: это прежде всего изготовление и владение орудиями труда и борьбы, высокий уровень организации и управления первобытным коллективом и, как следствие и в то же время необходимое условие совершенствования этих факторов, высокоразвитый мозг, обеспечивающий тонкое управление различными формами поведения.

Высшая нервная система вообще и головной мозг в особенности явились главным объектом "давления естественного отбора", как утверждают биологи. Объяснение этого факта связано с общей характеристикой образа жизни первобытного человека и хорошо иллюстрирует приведенную выше мысль В.И. Ленина о "золотом веке" человечества. Поэтому нам хотелось бы начать описание условий жизни первобытных людей именно с последнего из названных выше факторов.

Большое значение развития мозга гоминид для антропогенеза общепризнано. Здесь же хотелось бы подчеркнуть, что развитие мозга не могло происходить без потребностей в сложных формах поведения. Если бы такой потребности не было, мозг не стал бы основным объектом естественного

³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 103

отбора, на что указывают биологи, не возникло бы необходимости в совершенствовании его контрольной, координирующей и вообще управляющей деятельности.

Под давлением поведенческих (и прежде всего социальных) факторов мозг совершенствовался функционально и увеличивался в объеме. Так, некоторые виды первобытного человека имели объем мозга 1800—1200 см³), близкий к объему мозга современного человека. Ускоренную эволюцию мозга (соответственно и резкое выделение человека из мира животных) наряду с прочими факторами обеспечил ряд чисто биологических обстоятельств. Кроме вертикального положения тела, сюда следует отнести питание костным мозгом других животных, энергетические и химические свойства которого хорошо согласовываются с потребностями собственного мозга первобытного человека и добывать который ему удавалось благодаря свободным и развитым передним конечностям.

По мнению некоторых ученых (например, акад. Д.К. Беляева), эволюционировал у гоминид не только мозг как центральный орган регуляции функций организма, но и вся система нервных и связанных с ними гормональных механизмов — система нейроэндокринной регуляции, которая тесно связана с активностью генов и их изменчивостью. В то же время нейроэндокринная система очень чутко реагирует на изменение форм поведения. Последний фактор, таким образом, воздействует через нейроэндокринную систему на наследственность, расшатывая ее и обогащая генетический фонд. Эта зависимость была обнаружена при изучении процесса одомашнивания животных, при котором им предъявлялись определенные требования поведенческого характера.

Тот факт, что поведение воздействует на биологическую изменчивость, имеет большое значение для понимания эволюции гоминид. Из него следует, что усложнение социальных отношений в первобытном сообществе приводило к разнообразию свойств и функций биосоциальной (психосоматической), по выражению Д.К. Беляева, организации человека. В свою очередь, это разнообразие усложняло социальные отношения. Возникшее диалектическое взаимодействие, возможно, и явилось одним из основных движущих механизмов эволюции гоминид.

Д.К. Беляев обращает внимание еще на одно чрезвычайно

важное обстоятельство, которое для нашего изложения имеет особое значение. Это роль стресса в развитии гоминид: "Усиление психоэмоционального стресса, как показывают специальные исследования на животных, ведет к существенной дифференциации генетических параметров популяции, т.е. к тому, что в этих условиях резко возрастает доля наследственного разнообразия в отношении целого ряда важных признаков, не проявлявшегося в нормальных условиях существования животных"³⁵.

Факторы, вызывающие стресс, были для сообщества первобытных людей как внешними, так и внутренними. Палеоантропологи полагают, что периоды интенсификации антропогенеза связаны с резкими изменениями и без того сложных природных условий обитания людей, что приводило к суровому естественному отбору как целых сообществ, так, очевидно, и отдельных индивидов. "Заслуживает особого внимания то обстоятельство, — указывают они, — что почти все важнейшие преобразования на пути к человеку разумному (а их было много) происходили в самые трудные геологические эпохи рисского и вюрмского оледенения с коротким интерстадиалом (рисс — вюрмское межледниковье), когда отдельные ветви наших предков оказались на грани вымирания. Жизнь первобытного человека была необычайно трудна во всех климатических условиях"³⁶.

Ниже, описывая образ жизни первобытного человека, мы выделим такие формы его поведения, связанные со стрессом, как борьба внутри сообщества за максимальное удовлетворение потребностей, охота на крупных животных, борьба с соседними племенами и каннибализм. Условия стресса как нельзя лучше способствуют выработке, совершенствованию и социализации средств общения. Стрессовое состояние определяет, а экстремальная ситуация требует разнообразия форм поведения, что влечет за собой разнообразие наследственных форм.

Генетики считают, что выделение человека из животного мира не могло произойти в столь короткий период, если бы не имели место сильные мутации его генетического фонда, и что все его отличительные черты (прямохождение, строение черепа, речь) явились следствием этих изменений. В поисках причин мутаций палеоантропологи обратили внимание на факт

³⁵ *Беляев Д.К.* О некоторых факторах эволюции гоминид. — ВФ, N8, 1981, с.76.

³⁶ *Семенов С.А., Петров В.С., Рыбаков Р.Б.* Указ. соч., с. 135.

совпадения прародины человека (Восточная Африка) и зоны повышенной радиоактивности, возникшей в результате разлома коры в том же месте этого континента. То, что повышенная радиация воздействует на наследственный белок, считается доказанным. Указывают при этом на тот факт, что в регионе жизни первобытного человека не было других приматов, обезьяны обитали и обитают только к западу от него.

Оставим биологии решать вопрос, что имело большее значение для генетических мутаций — стрессовые ситуации или повышенная радиация (кстати, возможно их соединение: до миграции человека из Восточной Африки сыграла свою роль радиация, после и, может быть, всегда — стресс). Для нас важно другое: только тесное взаимодействие и взаимовлияние биологических изменений и социальных факторов могли породить первобытного человека и человечество.

Перейдем теперь к характеристике поведенческих особенностей первобытного человека, в частности к формам его труда и борьбы.

Относительно орудий труда каменного века существует достаточно скептическая точка зрения на их разнообразие и сложность. Некоторые археологи сводят их всего к нескольким типам: "Повсюду, где только имеются памятники нижнего (раннего) палеолита... они рисуют нам совершенно сходную картину, поражающую своей однородностью. В Западной Европе, Южной Африке, Восточной Азии — везде мы прослеживаем сходящий во всех существенных чертах процесс... Везде этот процесс шел от простейшего раскалывания камня к повторному скалыванию нескольких отщепов от одного куска породы и к возникновению, таким образом, примитивного ядрища, затем к приспособлению того и другого путем подправки для лучшего использования в работе и, наконец, в результате этой подправки появились три-четыре устойчивые, намеренно изготавливаемые формы орудий (ручное рубило, остроконечник, скребло)"³⁷.

Однако новые находки окаменелостей показывают, что арсенал орудий труда уже австралопитека южноафриканского был достаточно богатым. Открытия, сделанные археологом Р. Дартом в конце 30—40-х годов, убедительно подтверждают это. Дарт полагает, что каменному веку предшествовал костяной век. Он доказывает, что австралопи-

³⁷ *Замятин С. Н.* О локальных различиях в культуре палеолитического пернода — Тр. Ин-та этнографии, 1951, т. 16, с. 117.

тек использовал плечевые кости антилоп и дистальные (ниже колена) кости лошадей как дубину при нападении на павианов и себе подобных (суставные выступы костей совпадают с формой проломов черепов), осколки костей и рога — как режущий и колющий инструмент на охоте и при разделке туши (обнаружены следы заточки краев осколков костей и рог, прочно вбитый в трубчатую кость). Широко использовались австралопитеком челюсти хищных и травоядных животных в качестве режущих, ударных и скребковых инструментов. Иногда длинные кости разламывались руками вдоль по оси. Из таких обломков делались "спиралевидные ножи".

Костяной век уступил место каменному, видимо, потому, что костяные орудия были более хрупкими и быстрее тупились, чем каменные. Но трудно предположить, чтобы первобытный человек не стремился заменить некоторые костяные инструменты на каменные, чтобы он не сумел мысленно отделить функцию от материала и перенести ее на новый материал.

Конечно, устанавливать прямую преемственность между костяным и каменным веками было бы, видимо, упрощением. Некоторые виды первобытного человека вообще не переживали костяной эпохи, у других набор костяных орудий был весьма скромным. Однако широкое распространение костяных орудий (по данным Дарта, они обнаруживались во всех раскопанных пещерах Трансвааля на протяжении 200 миль), тесные и часто воинственные (охота за черепами) контакты различных сообществ и видов первобытного человека, миграции дают, видимо, основание считать влияние костяного века достаточно большим.

Что же касается каменных орудий, то их материал (чаще всего кремний) менее податлив для обработки и требует более точных ударов развитой руки при их отделке. И однако археологами Луисом и Мери Лики в ущелье Олдувай (Восточная Африка) в слоях породы, датированных от 2 до 1 млн. лет, было найдено 18 типов каменных орудий. Это были ударники и рубила, круглые каменные шары, скребла, резцы, шила, камни-наковальни и отбойники.

Интересным каменным оружием, найденным Л. Лики в слое полумиллионной давности, являются баласы — круглые камни, закутанные в шкуры и связанные по три штуки ремнями. "Баласы раскручивали над головой и бросали в ноги

мчавшегося животного; внезапно опутанное, оно падало на землю и становилось добычей охотника. Баласы до сих пор употребляют эскимосы и некоторые из племен южноамериканских индейцев”³⁸.

Новые археологические находки все более увеличивают число видов орудий бытового труда. В 1979 г. доктор Дварикеш в пещерах штата Мадхья-Прадеш (Индия) обнаружил орудия каменного века, в том числе емкости для хранения воды и выдолбленные углубления в стенах для размола зерен, что говорит о существовании орудия для выдалбливания углублений (правда, ими могли быть рубила) и для растирания зерен злаков.

Ниже мы специально будем говорить о методах использования орудий. Здесь же кратко остановимся на значении их изготовления для развития мышления первобытного человека. “Труд начинается с изготовления орудий”³⁹, — писал Ф. Энгельс. Процесс изготовления орудий труда и охоты играет большую роль в психическом (прежде всего интеллектуальном) и социальном (в орудиях труда овеществлялся соответствующий опыт) развитии первобытных людей. Обработка материала, и особенно такого “капризного” — твердого и хрупкого, как кость или камень, требовала мобилизации и интенсификации всех психических процессов работника (правда, в меньшей степени, чем охота, поскольку изготовление орудий не связано с риском для жизни). Трудовые действия планомерны и последовательны; они включают в себя напряжение нервных и физических сил, работу всех органов чувств. Они требуют расчетливого мышления и воображения. А это означает, что анализ и синтез, абстракция и обобщение становились более тонкими, разветвленными и многоступенчатыми.

Уже сам выбор камня не простая процедура. Сначала на глаз, а потом на ощупь определяются “технологические” свойства материала. Это действие невозможно без наличия абстрактных образов свойств, без анализа и синтеза качеств конкретного камня.

Приспугая к изготовлению орудия, первобытный человек должен был прежде всего представить себе его назначение (рубить, колоть, скрести) и соответствующую форму (рубило, наконечник, скребло), а также последовательность операций

³⁸ Даричев В.Е. Указ. соч., с. 378.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 491

над камнем, выбранным в соответствии с назначением будущего орудия. Все эти умственные действия социально обусловлены, переняты у старших соплеменников. Если результат ударов битой о камень — полученный остаток или скол — не соответствовал умственному образу нужной формы камня, приходилось отбрасывать поделку и браться за новый камень (в местах стоянки первобытного человека в Восточной Африке найдены целые груды обработанных камней и отщепов).

Герой повести М. Анчарова "Самшитовый лес" Сапожников рассуждает: "Труд действительно создал человека, но труд не по обработке камня, а сперва по обработке его образа. То есть физическому труду умственный труд предшествует. Потому что умственному труду предшествует сам материал труда — образ. Как физическому труду предшествует сам материал труда, подлежащий обработке, — камень, к примеру".

Таким образом, трудовые действия невозможны без прогнозирования отдельных операций и конечного результата. А это означает, что умственное действие, чтобы предшествовать реальному, должно быть мысленно отвлечено от него и заранее иметься в сознании, в памяти. Но является ли такое умственное действие изолированным идеальным объектом, который может мыслиться и анализироваться первобытным человеком как таковой? Первоначально нет. Это действие не изолировано, оно еще "встроено" в типичную умственную (но необязательно наличную) ситуацию как единицу опыта, образованную в результате наблюдения за трудовым поведением соплеменников и закрепленную собственным участием в соответствующей реальной трудовой ситуации.

Метод проб и ошибок, широко применяемый животными, да и людьми, используется лишь при решении новых поведенческих задач. Но в изготовлении орудий труда его роль была, видимо, незначительной, так как набор орудий за весь период каменного века был относительно постоянным. Изобретательность первобытного человека была направлена, очевидно, на другое — на способы использования орудий и главным образом на совершенствование форм охоты и борьбы с враждебными племенами, т.е. на организационные формы социального поведения.

Приведенные краткие сведения об орудиях труда перво-

бытного человека и необходимых интеллектуальных затратах для их создания дают возможность перейти к формам использования орудий с тем, чтобы попытаться раскрыть соответствующий им уровень психического и социального развития человека. Однако методы использования орудий зависят от характера жизненно важных поведенческих задач, а они в свою очередь детерминируются индивидуальными и коллективными потребностями первобытного сообщества. "Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности"⁴⁰.

В какой-то степени реконструировать потребности первобытного человека мы сможем, опираясь на данные зоопсихологии и на факты развития психики детей.

Потребность (по крайней мере первичная) — это такое биологическое состояние организма, которое наступает в случае рассогласования работы отдельных его органов или систем, в частности при отсутствии (голод) или избытке (секс) некоторых веществ. Это состояние отрицательное для жизнедеятельности организма. Сигналы о таких состояниях локализуются в головном мозге и формируют мотивацию как осознанную потребность. Мотивация стимулирует активность (или построение) цели как модели будущего "желаемого" состояния и модели деятельности по достижению цели.

Цель как образ будущего положительного состояния противоположна и дополнительна (это две стороны медали) по отношению к потребности. Деятельность соединяет эти противоположности и приводит к нормальному, "нулевому" состоянию.

Ниже мы даем классификацию потребностей, основанную на анализе исследований по биологии мозга, выполненном в работе П.В. Симонова⁴¹. Автор описывает большое число различных классификаций, но считает, что наиболее популярно и обоснованно деление потребностей на две группы. Первая — это комплекс потребностей, обеспечивающих самосохранение индивида и вида — "потребности нужды". Вторую группу составляют потребности более высокого порядка, благодаря которым происходит рост живых существ в самом широком смысле: от индивидуального роста и физического освоения

⁴⁰ Там же, т. 3, с. 245.

⁴¹ Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональный аспект. М., 1975.

пространства до интеллектуального освоения непознанного и развития как прогрессивного усложнения внутренней организации — "потребности роста".

Если эти потребности свойственны всему животному миру, то что нам мешает приписать их первобытному человеку? Неясно только, являются ли "потребности роста" (будучи более "высокого порядка") вторичными по отношению к "потребностям нужды" или они независимы от них.

Далее П.В. Симонов приводит характеристику трех основных потребностей из "Братьев Карамазовых" Ф.М. Достоевского. Это потребность в хлебе, потребность познания того, "для чего жить", и "потребность всемирного соединения". П.В. Симонов считает, что великий художник уловил действительно основополагающее значение трех названных им групп потребностей, равно как и исходную самостоятельность их происхождения. Первичные эмоции ребенка, отмечает в этой связи П.В. Симонов, возникающие по механизму врожденных безусловных рефлексов, также указывают на три основные группы потребностей: самосохранения, свободы и познания окружающего мира; инстинкт самосохранения проявляет себя эмоцией страха при действии сильного звука или утрате равновесия; гнев впервые возникает при сковывании движений как следствие врожденного рефлекса свободы.

Как контекст авторского изложения, так и данные зоопсихологии (в частности, изучение исследовательской потребности у мышей, крыс и собак), говорят о том, что описанные потребности имеют прямое отношение к нашему предмету — к потребностям первобытного человека. Однако с целью выяснения генетической последовательности хотелось бы увязать приведенные ряды понятий (например, неясно, что соответствует "потребности всемирного соединения", по Достоевскому, в классификации детских инстинктов детскому рефлексу свободы — в классификации потребностей по Достоевскому).

Прежде всего отметим, что инстинкт познания и инстинкт свободы следует отнести к классу потребностей роста. Последние же вряд ли можно считать автономными по отношению к инстинкту самосохранения. Естественно представить себе, что потребности роста как отдельной особи, так и вида являются усилением и разворачиванием инстинктов самосохранения: активность организмов как в поведении, так

и в количественном росте увеличивает вероятность выживания (ср.: малоподвижные животные либо вымирали — гигантские ящеры и слоны, крупные антропоиды, либо вырабатывали защитные приспособления — панцири).

Итак, будем исходить из того, что потребности роста (включая инстинкт познания и инстинкт свободы) имеют в качестве биологической базы инстинкт самосохранения. Иначе биологические корни "роста" становятся неясными.

Что же касается потребности людей во "всемирном соединении" или, как говорят биологи, социального инстинкта, то она, естественно, также основана на инстинкте самосохранения особи и популяции и в то же время является условием осуществления потребностей роста. По крайней мере коллективные животные имеют больше возможностей для познания и свободы, чем животные-одиночки.

Здесь уместно сказать несколько слов о внутреннем, психологическом различии первичных потребностей (голод, жажда, секс, познание и свобода) и вторичных — духовных потребностей (альтруизм, властолюбие, честолюбие, интеллектуальные, нравственные, эстетические и др.). Первые естественно отнести к индивидуальным, вторые — к социальным.

Мы уже говорили об отношении между потребностью, мотивацией, целью и деятельностью. Здесь же выделим следующие два обстоятельства. Во-первых, если первичные (индивидуальные) потребности актуализируют или порождают образы соответствующих целей как нечто вторичное, то "духовные" цели социально навязаны, они порождают соответствующую мотивацию и первичны по отношению к ней. Глубже мотивации в органику индивида эти потребности, видимо, не проникают, оставаясь в сфере осознанного. Социальные потребности возникают на фоне общения индивида в сообществе как результат воздействия на него социального разнообразия, множественности поведенческих форм (наиболее ярко выраженной в иерархически организованном сообществе). Во-вторых, принципиальным, но не резким отличием первичных потребностей от духовных является информационная сущность последних: "наряду с потребностью в притоке вещества и энергии живые системы обладают потребностью в информации как таковой безотносительно к удовлетворению каких-либо заранее предполагаемых материальных нужд. Приток информации необходим

для существования живых систем не менее, чем приток вещества и энергии. Так называемые духовные потребности человека имеют исходно информационную природу”⁴².

Информационные потребности свойственны не только человеку, но и животным. Их удовлетворение является необходимым условием и самосохранения, и роста популяций. Основной формой инстинкта самосохранения, как индивидуального, так и родового, является голод. Чем же питался первобытный человек и как он добывал пищу?

В настоящее время накапливается все больше данных о том, что первобытный человек не был только вегетарианцем, что мясо для него было вожделенным и лакомым блюдом. Д. Гудолл, наблюдавшая обезьян в джунглях, открыла хищнические наклонности у шимпанзе Танзании. Они охотятся на молодых павианов, мелких древесных обезьян, поросят кабанов. Мясо очень нравится шимпанзе, они жуют его долго и с наслаждением. Нам кажется это обстоятельство очень важным для понимания развития образа жизни первобытного человека. Теперь мы с большим основанием можем утверждать, что он с самого начала был охотником и хищником.

Известно, как высоко оценивал роль мясной пищи для становления человечества Ф. Энгельс. Он писал: “*Мясная пища* содержала в почти готовом виде наиболее важные вещества, в которых нуждается организм для своего обмена веществ; она сократила процесс пищеварения и вместе с ним продолжительность других вегетативных (т.е. соответствующих явлениям растительной жизни) процессов в организме и этим сберегла больше времени, вещества и энергии для активного проявления животной, в собственном смысле слова, жизни. <...> Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полней совершенствоваться из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи”⁴³.

Конечно, первобытный человек, как и его предшественник, был всеядным животным. Но вполне возможно, что вегетарианский “стол” временами сильно беднел: нашествие

⁴² Там же, с. 39.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. т. 20, с. 492.

прожорливых насекомых, неурожай, засухи, пожары и т.д., от чего многие животные спасаются миграцией. Для предков австралопитеков миграция была чем-то затруднена (если иметь в виду Восточную Африку — признанную родину человечества, то территория ее замкнута с востока Индийским океаном, с запада и юго-запада системой озер и вулканов — Восточно-Африканский рифт). Так или иначе, но повторялись периоды, когда необходимость в мясе обострялась.

Добывать его человек мог лишь двумя способами: либо питаясь падалью, либо охотясь сам. На том, что первый способ основной, категорически настаивает Б.Ф. Поршнев. Он считает троглодитов (термин Поршнева. — Б.Я.) — первобытного человека от австралопитека до *Homo sapiens* — некрофагами. Б.Ф. Поршнев пишет: "Троглодиты ни в малейшей мере не были охотниками, хищниками, убийцами, хотя и были с самого начала в значительной мере плотоядными, что составляет их специальную экологическую черту сравнительно со всеми высшими обезьянами. Разумеется, они при этом сохранили и подсобную, или викарную, растительность. Но нет сколько-нибудь серьезных и заслуживающих согласия аргументов в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите... Троглодиты, начиная с австралопитековых и кончая палеоантроповыми, умели лишь находить и осваивать костяки и трупы умерших и убитых хищниками животных... Это была чисто биологическая адаптация к принципиально новому образу питания — некрофагии"⁴⁴.

Мы в принципе не можем разделить этих представлений, которые основаны на том, что жертвы хищников были многочисленны и их "стол" обильным, что не было ни хищных птиц, ни диких собак и шакалов, ни гиен, останки которых находят даже в пещерах первобытных людей, что первобытный человек без особого труда и в изобилии мог собирать остатки трупов. О том, что австралопитек убивал павианов и себе подобных, мы уже говорили. Особая сложность в адаптации к мясной пище едва ли имела место, так как и обезьяны плотоядны.

В одном мы можем согласиться с Б.Ф. Поршневым, именно в том, что первобытный человек широко использовал для питания костный и головной мозг. Вполне возможно, что не все кости животных, найденные в местах стоянок

⁴⁴ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1978, с. 109.

первобытного человека, были костями его жертв. Это могли быть обглоданные хищниками скелеты. Костный же и головной мозг никакому животному, кроме человека, не был доступен. Подобрал свежие кости и прежде всего голову (большое вместилище мозга), первобытный человек приносил их в становище и раскалывал. Делал он это с помощью костяных дубин, а затем и каменных орудий. В этой связи показательным нам кажется факт преобладания черепных костей (82,5%) среди всех остальных, обнаруженных в местах стоянок австралопитека. Правда, палеоантропологи делают несколько странный вывод о том, что "охотники за головами" приносили на стойбище голову жертвы, оставляя туловище в степи (В.Е. Ларичев). Едва ли первобытный человек мог позволить себе такую расточительность. Итак, если человек и был некрофагом, то только в смысле "мозгофага".

Конечно, костный мозг — вкусный и питательный, но слишком скоропортящийся продукт, особенно в условиях жаркой саванны. Кроме того, он не мог послужить регулярной основой питания, так как находка свежих скелетов, оставшихся от хищников, — дело случая. Только планомерная и регулярная охота могла обеспечить материальное благополучие сообщества, и неизбежность ее рано или поздно должна была возникнуть. Если не австралопитек, то уже синантроп и неандерталец — жители умеренных климатических зон — должны были охотиться на крупных животных хотя бы ради их шкур для утепления своего тела и жилища, не говоря уже о мясе и мозге.

Итак, мы будем исходить из того, что первобытный человек питался в основном мясом и добывал его регулярной охотой⁴⁵. Объектами охоты при этом были самые разнообразные животные — от черепах, змей, зайцев до антилоп, гиппопотамов, слонов (костные останки всех этих и многих других животных обнаружены в местах стоянок первобытного человека).

Отметим еще одну, с нашей точки зрения, чрезвычайно важную особенность образа жизни первобытных людей — это их каннибализм. Уже австралопитек был каннибалом. Это свойство приписывается многими палеоантропологами всем прогрессивным формам первобытного человека. Борьба за

⁴⁵ Аборигены Австралии, живущие в весьма благоприятных природных условиях, погрешают 76% животной пищи (Роуз Ф. Аборигены Австралии: Их прошлое и настоящее. М., 1981)

существование с миром хищников у него осложнилась борьбой с себе подобными. В этих условиях могли выжить только самые высокоорганизованные сообщества, образованные из индивидов с хорошо развитыми умственными и двигагельными навыками.

Наличие последних — важный, правда косвенный, фактор возникновения языка. Владение орудиями труда и прежде всего оружием развивает координацию и последовательность движений, согласованных с расстоянием до объекта нападения. "Дело в том, что среди земных существ только человек способен одновременно, а главное, длительное время соотносить движение собственного тела и отдельных его частей с другими, в том числе перемещающимися, объектами, соседствующими с ним. У человека, как и у антропоидных обезьян, стереоскопическое зрение, позволяющее наблюдать взаимное расположение вещей в глубину, но только он может видеть их во взаимосвязи со своими движущимися руками... Стоя обезьяна не может ни "боксировать", ни использовать дубинки. У австралопитека его стереоскопическое зрение стало мощным оружием; при прямой посадке тела он правильно судил о расстоянии, точно рассчитывал направление удара, умел длительное время координировать движение тела, рук и головы"⁴⁶.

Если арсенал первобытного охотника и не был достаточно богатым (дубина, каменный топор, баласы и, может быть, копье), то тем более разнообразие объектов охоты требовало разнообразия и гибкости форм поведения (ловля рыбы и черепаш, раскапывание земляных нор — убежищ зайцев и других грызунов, лазанье по деревьям в поисках птичьих яиц, устройство засад и загонov при охоте на крупных животных, разведка и преследование, точное поражение и т.д.). Видимо, основной формой охоты на крупных животных был загон их в ловушку — яму, лесной завал, ущелье, болото. Но для этого ослабевшее (молодое или больное) животное надо отделить от стада и гнать определенным образом. И то и другое требовало работы воображения, прогнозирования и подготовки, включающей распределение ролей среди охотников.

Интересно отметить, что групповая охота у некоторых хищных животных проводится с распределением ролей. Гиеновые собаки охотятся за антилопами с подставками; львы гонят свою жертву к засаде в тупике. Яркое описание

⁴⁶ Ларичев В. Е. Указ. соч., с. 187.

коллективной охоты людей на слонов, относящееся, правда, к бронзовому веку, читатель может найти в повести И.А. Ефремова "На краю Ойкумены".

Необходимость подготовки, оперативность и решительность коллективных действий охотников диктовались не только результативностью этой деятельности, но и непосредственно инстинктом самосохранения: ведь даже травоядные животные имеют рога и копыта. Характерны в этой связи следующие данные. По обнаруженным останкам синантропов было установлено, что "особи от 5 до 18 лет составляли приблизительно половину общего числа умерших, начиная с пятилетнего возраста"⁴⁷. По данным Алана Манка, продолжительность жизни австралопитека южноафриканского составляет 20 лет и только один из семи доживал до 30 лет (ср.: самец павиана становится взрослым в шесть лет, а шимпанзе в 10—15 лет).

Если предположить основной причиной ранней смертности болезни или голод, то, казалось бы, от них должны больше страдать еще не окрепшие организмы (до 5 лет) или изношенные, как это имеет место до сих пор. Скорее всего, большая смертность молодых особей объясняется неопытностью на охоте или при собирательстве.

Инстинкт самосохранения диктовал человеку необходимость прогнозировать свое поведение, предварительно "проигрывать" предстоящие ситуации, а не только проявлять оперативность в реальном действии.

Еще более жесткие требования предъявляют к мышлению и, добавим, к средствам коммуникации потребности роста. Прежде всего человек стремился к господству в своей экологической нише и, мы полагаем, достиг его. Те виды гоминид, которые просто приспособились к среде и жили с нею в некотором экологическом балансе, имели ограниченные потребности роста и должны были погибнуть, остановившись в своем развитии. Истребляли же их другие гоминиды, с большими потребностями роста. Характерным в этом отношении является следующий палеоантропологический факт. Наряду с австралопитеком африканским (изящным), занимавшимся охотой, до и в начале палеолита развился и обитал в тех же местах (восточный берег озера Рудольф — Восточная Африка) австралопитек байсеи, достигавший 90 кг веса и питавшийся растительной пищей. Однако австралопи-

⁴⁷ *Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1963, с. 225.*

тек изящный вытеснил этого гиганта, который и вымер около 1 млн. лет назад.

Только господство в экологической нише могло обеспечить сначала стаду, а затем племени безопасность и необходимое пропитание. Другими словами, и хищные звери, и соседние сообщества первобытных людей должны были бояться того стада, которое заняло данную экологическую нишу. И такого господства первобытный человек достигал. Разве не об этом говорит тот факт, что его становища часто находят не в пещерах, которые могли бы иметь оборонительное значение, а на "открытых" местах — в слоях песчаника, вулканического туфа, в глинистых отложениях на берегах рек. Именно в таких местах были сделаны почти все находки в Восточной и Южной Африке австралопитековых форм. Дюбуа не обнаружил питекантропа в пещерах о. Суматры. Он нашел его в раскопках берега реки на о. Ява. И только по мере того, как первобытный человек стал распространяться в горы и на Север и с усилением влияния оледенения, он стал искать в пещерах убежище от холода и обогриваться костром (синантроп).

Добившись господства в своей экологической нише, первобытный человек должен был контролировать ее состояние, чтобы иметь возможность отреагировать на опасные изменения своевременным действием. Охотник-одиночка (на мелких зверей) становится одновременно разведчиком и сторожем. Об обнаруженных им враждебных охотниках, хищниках или крупной дичи (место встречи, направление движения и количество объектов) он должен сообщить племени, прежде всего доминирующим охотникам, которые принимают решение, распределяют обязанности. Но как передать всю эту разнообразную информацию? Использование орудий труда, способность к тонкой координации движений создали условия для самого естественного способа передачи информации — жестом, мимикой, позой, короче — пангомимой.

Но потребности роста проявились у первобытного человека не только в направлении господства в своей экологической нише, но и в другом — в миграции, при которой "объем" общения еще больше возрастает. Причины миграции могли быть различными: демографический взрыв, изменение климатических условий, вытеснение другими племенами. При росте численности населения в ареале должно

было уменьшиться число животных — объектов охоты, а те, что остались, могли "поумнеть", т.е. приспособиться к приемам охоты. Первобытный человек, таким образом, вынужден был или искать "край непуганных птиц", или совершенствоваться как охотник. Очевидно, имели место оба факта.

Большую роль в миграции сыграло овладение огнем. То обстоятельство, что приготовленная на нем пища легче переваривается и при этом добавляется энергия для деятельности мозга, общепризнано. Но огонь одновременно и средство защиты от хищников и холода. Огонь обеспечил человеку большую независимость от природных условий и тем самым облегчил освоение новых территорий.

Будучи "господином" своей экологической ниши, первобытный человек не боялся нарушить другие ареалы, но завоевание нового, конечно, представляло трудности. Когда человек начал мигрировать, его жизнь еще больше осложнилась и обогатилась содержанием. Новые места, флора и фауна, необходимость и риск их освоения для целей охоты и собирательства явились дополнительным мощным стимулом для развития мышления, накопления опыта, увеличения "объема" общения.

Нельзя не согласиться с одним из героев романа Г. Уэллса "Машина времени": "Мы забываем о законе природы, гласящем, что гибкость ума является наградой за опасности, тревоги и превратности жизни. Существо, которое живет в совершенной гармонии с окружающими условиями, превращается в простую машину. Природа никогда не прибегает к разуму до тех пор, пока ей служат привычки и инстинкт. Там, где нет перемен и необходимости в переменах, разум почивает. Только те существа обладают им, которые сталкиваются со всевозможными нуждами и опасностями".

Те человеческие сообщества, которые вынуждены жить в однообразной среде, слабо развиваются социально. Об этом свидетельствуют наблюдения современных путешественников и этнографов. Так, аборигены Австралии до сих пор живут в "каменном веке".

Сложность и разнообразие ситуаций, в которых оказывался человек, необходимость в развитом и гибком мышлении приводили к осознанию целесообразности разделения труда, которое первоначально основывалось на физиологических факторах. К. Маркс писал: "В пределах семьи — а с

дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т.е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни, с ростом населения, особенно же с появлением конфликтов между различными родами и подчинением одного рода другим⁴⁸.

Прежде всего выделились два вида деятельности: традиционное для обезьян собирательство плодов, корней и трав, чем занимались преимущественно женщины, и охота как функция наиболее сильных мужчин. Однако охота была основной формой добывания пищи. Именно поэтому сильные охотники становились и лидерами сообщества.

И охота и собирательство, будучи коллективными формами труда, не могли происходить без использования какой-либо знаковой системы. Сигналы об опасности, о направлении движения, способе эффективного действия со стороны более опытных особей или лидеров — необходимое условие такой деятельности. Зародыши подобных сигналов имеются уже у обезьян (и притом звуковых сигналов). Чтобы обладать быстротой и точностью, что важно в условиях опасности, эти сигналы не могли быть только жестами, они обязательно должны быть и звуковыми по тем простым причинам, что руки охотника или собирателя, во-первых, заняты держанием предметов (орудие, плоды), а во-вторых, могут оказаться невидимыми в лесу, на расстоянии, в темноте. Поэтому знаковую систему прачеловека мы будем рассматривать как состоящую из двух субстанций — звука и физического движения. Она развивалась тысячелетиями, а может быть, и миллионами лет. При этом первоначально роль жеста и позы доминировала, физические движения обладали большим разнообразием и выразительной силой, чем звук. Но постепенно роли переменялись, и звуковой язык начал преобладать.

КОЛЛЕКТИВ И ИНДИВИД В ПЕРВОБЫТНОМ СООБЩЕСТВЕ

Опыт изучения стадного поведения животных дает основание приписать социальной структуре сообщества первобытного человека большую сложность и диалектическую противоречивость.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. т. 23, с. 364.

Сложность социальной организации должна быть согласована с численностью первобытного сообщества: чем она больше, тем сложнее его структура. Часто приводимые данные не кажутся реалистичными. Исходя из оптимального ареала обитания, даются, например, такие цифры: 13—30 или 20—40 особей.⁴⁹ При этом исходят из того, что первобытное сообщество ведет вегетарианский образ жизни и что реально доступное для него пространство угодий не могло бы прокормить более многочисленное стадо. Возможно, это и так. Но подобное сообщество не могло бы быть стадом охотников, оно обречено на гибель не только из-за своей зависимости от природных условий и их колебаний, но и в силу того, что становится жертвой каннибализма других видов первобытного человека (вспомним конфликт между австралопитеком изящным и бойсеи).

Если взять за среднюю численность стада 30 особей, из них мужских — 15, то при продолжительности жизни 20—22 года и при детстве, длящемся до 15 лет, мы получим численность взрослых мужчин не более шести-семи особей. Естественно, что такому сообществу трудно защитить себя не только от каннибалов, но и от хищных зверей, как бы ни был силен австралопитек бойсеи или питекантроп гигантопитек (о. Ява).

Число охотников на крупного зверя должно быть по крайней мере несколько десятков. Журналистка В.Д. Шапошникова, путешествовавшая в 60-е годы по джунглям Африки, описала в своих очерках "По тропам Экваториальной Африки" (1970 г.) ночную сцену сбора охотников деревни (вооруженных копьями с камеевыми наконечниками), оповещенных "разведчиком" о выслеженном им крупном звере. Звуками там-тама были собраны все охотники. Автор не говорит об их численности. Но если предположить, что в деревне 15—20 хижин, то число охотников может равняться 20. Если к этому числу прибавить такое же число молодых женщин, минимум 20 детей и столько же старух и стариков, то получим численность около 80 чел. Мы полагаем, что именно из числа 80—100 особей и надо исходить, говоря об организации первобытного сообщества.

Мы уже говорили об иерархичности стадной организации

⁴⁹ Большая "хозяйственная группа" австралийских аборигенов составляет именно это число членов, но надо учесть природные условия Австралии, отсутствие хищников, низкую плотность населения — несколько десятков километров на одного человека.

животных. Здесь же лишь отметим некоторые дополнительные ее свойства, в частности тенденцию к устойчивости, базирующуюся на инстинкте самосохранения, и противоположный ей динамизм как выражение инстинкта роста. Одним из выражений тенденции к сохранению иерархии служит поведение лидеров стай птиц и стад животных во время внутренних конфликтов. Их агрессивность проявляется в основном к ближайшей по рангу особи. Даже при искусственном (передании по радио возбуждении центра ярости обезьяна атакует не любое оказавшееся поблизости от нее животное, а особь, стоящую на одну ступень ниже в обезьяньей "табели о рангах" (П.В. Симонов).

Устойчивость иерархической организации стада хотя и основана на инстинкте самосохранения, в то же время является необходимым условием не только выживаемости, но и роста. Другими словами, целостность организации необходима для достижения ее целей именно как целостности.

В теории систем (Г.П. Щедровицкий) говорят о "несобственных целях", которые возникают перед "объемлющими" системами и которые достигаются совместным функционированием подчиненных систем, при этом иногда путем подавления или даже уничтожения последних, если их "собственные цели" входят в конфликт с "несобственными".

Есть основание полагать, что чем ниже уровень иерархии, тем более жесткой должна быть подчиненность нижележащего уровня вышележащему, и наоборот, с переходом с уровня на уровень жесткость подчиненности ослабевает, границы свободного поведения расширяются, поскольку собственные цели высших уровней полнее совпадают с несобственными целями всей системы. Эта диалектическая ситуация порождает две социальные тенденции. Во-первых, особи вышестоящего уровня острее реагируют на "беспорядки" в сообществе (нарушение несобственных целей); во-вторых, создаются условия для динамичности системы, для перемещений по иерархии.

Интересно отметить, что социальные отношения индивида в сообществе осваиваются им не только под давлением сложившейся организации, но и в какой-то мере являются врожденными и обеспечиваются определенными мозговыми структурами. Так, двустороннее разрушение миндалины у макаков резусов и зеленых мартишек не влияет на их индивидуальное поведение, но нарушает контакты в группе и

увеличивает количество реакций страха при общении (В.П. Симонов).

Динамизм социальной иерархии первобытного человека, основанный на инстинкте роста, проявляет себя как в индивидуальной борьбе за место в иерархии, так и в освоении новых территорий и в полиом господстве над животными и другими сообществами первобытных людей.

Чем сложнее иерархическая организация сообщества, тем разнообразнее социальные (собственные) цели и соответственно мотивы. Положение более сильных физически и интеллектуально индивидов все резче контрастирует с образом жизни особей, находящихся на нижних ступенях иерархии. Власть поощряет разнообразие, и утончение потребностей (прежде всего первичных — гастрономических и сексуальных). Контраст между числом и полнотой удовлетворения потребностей обостряет борьбу за улучшение положения индивида в социуме. Разнообразие целей и мотивов увеличивало объем общения, повышало жизненную значимость опыта, требовало совершенствования средств передачи информации.

Значение опыта, а также способности решать нетривиальные поведенческие задачи для выдвижения в лидеры оценивается уже в животном мире. Так, стадом оленей предводительствует старая самка, свободная от детенышей, а отнюдь не самый сильный и агрессивный самец. А у некоторых птиц лидирующей особью является та, которая только одна из всей стаи способна решать некоторые задачи (П.В.Симонов). В обществе первобытного человека на роль лидера выдвигался, очевидно, хороший организатор и опытный охотник.

Интересно, что динамизм организации детерминирован не только объективными, "материальными" факторами, такими, как рост численности популяции, взросление молодняка, результатами иерархических схваток и т.д., но и, так сказать, субъективными свойствами особого типа членов сообщества. Это так называемые "исследователи", "искатели" в противоположность особям со стереотипным, консервативным поведением.

Наблюдения за поведением крыс, овец, оленей и других животных дали не только возможность установить эти два типа особей, но и объяснить жизненную важность для популяции, приспособительную значимость этого разделения.

Если "консерваторы" реализуют тенденцию к поддержанию иерархии и целостности группы, то "искатели" олицетворяют тенденцию стадного роста. Прогрессивное развитие популяции обеспечивается гармоничным сочетанием этих тенденций. Аномальное преобладание первой ведет к застою развития, а второй — к разрушению сообщества.

"Консерваторы" обычно находятся на самых нижних и верхних уровнях иерархии, тогда как к искательству проявляют большую склонность особи средних уровней. И те и другие имеют своих иерархов, правда у вторых они временные. "Современная этология различает два типа высокоранговых особей: доминантов и лидеров ... Вожаком-доминант обеспечивает стабильность групповой организации, он внимательно следит за распределением корма, самок и территории, немедленно атакуя нарушителей. Персонифицируя порядок в стаде, он сам оказывается пленником этого порядка и не способен к поведению, отличающемуся от поведения стада. Вот почему при встрече с неожиданной ситуацией (рыхлый снег, бурная река, люди) из группы выделяются особи, способные к самостоятельному, нетривиальному поведению. Для аких вожаков-лидеров безразлично, следует за ним стадо или нет ... После преодоления вожаком снова становится самец-доминант"⁵⁰.

Тот факт, что цивилизованному человечеству свойственно деление на "искателей" и "консерваторов", подтверждается, видимо, одной из "вечных" тем искусства, в частности литературы: это противопоставление беспокойных, сильных, ищущих натур, страждущих новизны, и малоподвижных носителей традиций и порядка. Вспомним хотя бы гомеровского Одиссея и женихов Пенелопы, Фауста и Вагнера у Гёте, героев романа "Гений" Драйзера и драм Гауптмана, "буревестников" и "пингвинов" у Горького. И вообще, редкий крупный писатель не решал проблемы консервативной среды и "выламывающейся" из нее "бунтующей" личности.

Мы не будем касаться здесь роли лидерства (выдающейся личности) в истории. Однако хотелось бы подчеркнуть, что роль эта в становлении, да и в развитии языка или вообще не рассматривается учеными, или сильно недооценивается.

Если говорить о механизме возникновения нового в языке не только на первых этапах его развития, то надо иметь в виду,

⁵⁰ Симонов П.В. Указ. соч., с. 16.

что всякая новация появляется сначала в индивидуальной речи, а затем уже, будучи принятой обществом, становится объективным и социальным явлением. В этой связи нетрудно представить себе, что роль лидера, наиболее сильного и интеллектуально развитого воина-охотника, руководящего подготовкой и осуществлением деятельности, в порождении новаций должна быть наиболее выразительной. Когда ему не хватало знаковых средств (сначала пантомимических, затем звуковых) для описания мыслимой ситуации (а в процессе миграции первобытных племен появлялись новые для них предметы — животные, растения, ландшафты, члены других племен — и структурно новые реальные ситуации), то лидер вынужден был, чтобы быть понятым соплеменниками, использовать определенные "суппозиции", т.е. опираться на то, что известно его адресатам. И здесь возможны лишь следующие случаи: 1) использование старого средства (например, жеста) в новом пантомимическом контексте в другом значении (возникает полисемия знаков, и знак вычленяется из контекста пантомимы, осознается его самостоятельность); 2) описание нового объекта путем комбинирования известных средств, что связано с осознанием возможности манипулирования со знаками, построения сложных знаков; 3) использование звукоподражания, если объект "звучал" (это, конечно, самый легкий, но и редкий способ новации).

Очевидно, что новые средства создавал не только лидер, но и всякий охотник, попавший в новую ситуацию и пытающийся сообщить о ней. Но его новации имели меньше шансов быть принятыми всеми, социализироваться. Если даже они и окажутся воспринятыми, то не обязательно станут регулярными. Другое дело новации лидера. Они имеют целью не простое информирование соплеменников, а управление их поведением в драматическом действии (впоследствии в ритуальных танцах), на охоте или в схватке с другим племенем, т.е. употребление новаций происходит в эмоционально напряженной (стрессовой) и ответственной обстановке, понимание и употребление их являются обязательными. Неприятие их может караться если не всеобщим осуждением, то по крайней мере властью имущими, а то и физическим воздействием.

На особую значимость сигналов лидеров стада обращают внимание этологи. "Цена" звуковых и пантоми-

мических сигналов, их влияние на членов группы существенно зависят от ранга особи, подающей сигнал. Сигналы опасности, исходящие от птицы, занимающей высокое положение в стайной иерархии, гораздо эффективнее сигналов молодых низкоранговых птиц. Гориллы и шимпанзе охотнее всего копируют поведение особей высокого ранга. Для того чтобы привить группе шимпанзе новый навык, следует обучить лидера (П.В. Симонов). (Как не вспомнить в этой связи подражательное поведение, в том числе и языковое, мальчишек по отношению к их лидерам?)

Легко представить, что при наличии способности к подражанию и при легкости запоминания внешних воздействий в условиях эмоционального напряжения новации лидера прочно и правильно усваивались всеми членами первобытного коллектива и становились регулярным явлением используемой знаковой системы.

Интересный в этой связи факт приводит Франклин Фолсом: даже в наши дни народы, которые живут охотой — таких, правда, на свете осталось совсем немного, — часто называют главу семьи просто "говорящий".

Если наиболее типичной и острой ситуацией общения была ситуация управления со стороны лидера поведением коллектива, то очевидно, что единицами сообщения должны быть команды, состоящие из указания на объект действия и на само действие (вспомним "язык" Уошо и детскую речь).

На изначально "командную" роль слова указывал еще французский психолог Пьер Жане (1913 г.). Слово, по Жане, первоначально было командой для других. За властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника и подчиненного. Регулирование посредством слова поведения других людей постепенно приводит к выработке языкового поведения самой личности, полагал Жане.

Однако вначале было все же не слово, а дело, действие, но не реальное действие, а его действительное изображение — пантомима — как первое подлинно человеческое средство передачи информации.

О ВНУТРЕННЕМ МИРЕ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Культурологи выделяют различные структурные типы культур. Однако наиболее реальной является "мозаичная" культура, по выражению А. Моля. В отличие от логически обработанного, иерархически организованного на основе

классификации научного знания, которое составляет "школьную" образованность, жизненный опыт человека складывается стихийно. "Современный человек, — пишет А. Моль, — открывает для себя окружающий мир по закону случая, в процессе проб и ошибок. Он открывает одновременно причины и следствия в силу случайностей своей биографии. Совокупность его знаний определяется статистически; он черпает их из жизни, из газет, из сведений, добытых по мере надобности. Лишь накопив определенный объем информации, он начинает обнаруживать скрытые в ней структуры. В них "нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.д.)"⁵¹.

Присмотревшись к этой характеристике современной западной культуры индивида, нетрудно заметить, что речь здесь идет (с некоторыми, правда, передержками) о ситуативном знании, противоположном классифицирующей системе понятий. Ситуативное знание конечно же имеет структуру, но другого характера.

А. Моль противопоставляет "традиционную" культуру, идущую от Аристотеля к современному университетскому образованию, как пройденный этап, как устаревший структурный тип современной стихийно складывающейся культуре индивида, что нам кажется совершенно неправомерным. Речь должна идти о противопоставлении опытного знания и научно обработанного, о соотношении ситуативных структур с иерархически организованным множеством понятий. Ситуативное знание — это исходное, действительно стихийно складывающееся знание, основанное на участии человека в различных ситуациях, которые "укладываются" в памяти в типичные и/или обобщенные ситуации. Научное знание извлекает элементы ситуаций (образы предметов, свойств, отношений) из ситуативных каркасов, рассматривает их как автономные идеальные объекты, многократно участвующие во многих ситуациях, и строит из них логически связанные системы.

Ситуативное знание как содержание стихийно складывающегося опыта было свойственно человеку изначально. Теоретическое знание является специфическим свойством культуры homo sapiens. Оно возникло и развилось в ответ на потребность в обобщенных (для многих ситуаций) правилах

⁵¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 45.

поведения как социального (внутри племени, в межплеменных отношениях), так и в условиях природы. Для формулирования таких правил потребовалось абстрагирование общих элементов нескольких близких по поведенческой задаче ситуаций и рекомбинация их (элементов) в некую обобщенную поведенческую схему, включающую, может быть, новые отношения.

Естественным психологическим механизмом порождения такого значения является (мы, правда, забегаем несколько вперед) замещение всей типичной ситуации каким-либо характерным ее элементом в процессе общения, например одним из ситуативных действий, и прежде всего начальным. Важно только, чтобы этот элемент был достаточен для отличия одной ситуации от другой.

Эти-то элементы ситуации (их образы), вычленяясь в качестве сигнальных для всей ситуации в целом, и превращаются в идеальные (абстрактные) объекты, их устойчивости в памяти способствует то, что они закрепляются с помощью образов сигналов. Реализация их в общении с помощью сигнальных действий функционально характеризовалась как команда к действию, что и становится базой языкового развития человечества.

Такой базой не могло быть ритуальное шаманское действо, как полагают некоторые лингвисты. Первобытный человек не верил в потусторонний мир. Первые ритуальные погребения в Европе и на Ближнем Востоке имеют давность 60 тыс. лет, т.е. относятся к концу периода палеоантропа, тогда как в языковом развитии человек прошел к этому времени достаточно длительный путь.

С другой стороны, этнографическое изучение языковых табу дает возможность сделать вывод: "Древнейшие охотничьи запреты, применяемые к промысловым животным, не связаны с анимистическими представлениями о душе и о духах; они по-видимому, создались еще в доанимистическую эпоху, но в дальнейшем они сильно прониклись чисто анимистическими воззрениями и вообще усложнились"⁵². Если это так, то первобытный человек не только пользовался языком, но и накладывал на названия существ, с которыми он вступал в рискованные отношения, запреты, обходясь описательными или иносказательными выражениями, что

⁵² Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — В кн.: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929, т. 8, с. 7.

возможно при достаточном богатом словарном составе и многозначности слов.

Если и можно говорить о магическом языке шаманов, то только как об аргю, созданном для противопоставления таинственного шаманского действия обычному человеческому поведению.

Поставим вопрос так: если бы люди общались только в наличной трудовой ситуации, потребовался бы им язык? Трудно представить себе обилие сигналов-команд, их требовалось, видимо, всего несколько (на охоте, при собирательстве, при встрече с чужим племенем): "иди сюда", "иди туда", "бей", "берегись", "вижу (слышу)", стандартные сигналы бытового общения. Выражаться эти сигналы могли звуком и/или жестом, а обучение действиям вполне могло обойтись подражанием младших членов племени старшим, т.е. без применения каких-либо знаковых средств.

Острая необходимость в развитой знаковой системе могла возникнуть лишь в том случае, когда потребовалось сообщить нечто о ситуации, которой не было в наличии, т.е. в условиях воображаемой ситуации. Но была ли необходимость в таком общении? Полагаем, что да.

Здесь опять должна выступить на первый план прогностическая способность первобытного человека. В условиях "поумнения" животных, при плохом качестве оружия (к животному надо было подобраться близко) смертельный риск на охоте и коллективный (требующий управления) ее характер вынуждали человека предварительно готовиться к ней.

Необходимым условием такой подготовки должно было явиться умственное расчленение всей деятельности по решению некоторой поведенческой задачи на отдельные действия: это могло произойти уже в наличной трудовой ситуации, когда вождь племени руководит деятельностью коллектива, отдавая команды к тому или иному действию. Перенос же деятельности в воображаемую ситуацию еще более обострил необходимость в членении деятельности на действия и операции и в осознании их связи в соответствующей целостности. На это обстоятельство обращает внимание А.Н. Леонтьев: «Естественными предпосылками этого вычленения отдельных операций и приобретения ими в индивидуальной деятельности известной самостоятельности являются, по-видимому, два следующих главных (хотя и не единственных) момента. Один из них — это нередко

современный характер инстинктивной деятельности и наличие примитивной "иерархии" отношений между особями, наблюдаемый в обществах высших животных, например обезьян. Другой важный момент — это выделение в деятельности животных, еще продолжающей сохранять всю свою цельность, двух различных фаз — фазы приготовления и фазы осуществления, которые могут значительно отодвигаться друг от друга во времени"⁵³. Подготовка к охоте и нападению на враждебное племя, очевидно, должна была состоять как минимум в распределении ролей между воинами-охотниками, в обучении при необходимости нужным действиям, в планировании охоты (нападения), т.е. в распределении действий во времени (какие действия должны выполняться одновременно, какие — последовательно).

Именно те племена, у которых объем подготовки к будущей деятельности был достаточно большим, стали сильно прогрессировать в своем социальном и интеллектуальном развитии, поскольку очевидная эффективность такой деятельности вызвала стремление к еще большей эффективности. Те же племена, которые отнеслись к подготовке без должного внимания и у которых охота носила индивидуальный характер, развивались замедленно или вырождались. У ныне известных отсталых народностей слабо выражено как хранение прошлого опыта, так и планирование будущей деятельности.

Интересный в этой связи факт сообщила газета "Штерн" (Гамбург). У племени (100 человек), обитающего на одном из Андаманских островов (Индийский океан), нет ни вождей, ни шаманов. Их средства охоты — луки, стрелы, остроги. Однако их древние ритуалы связаны главным образом с подготовкой к охоте⁵⁴. Спрашивается, каким образом вожаки племени могли осуществить подготовку к будущему действию, воссоздать и "проиграть" воображаемую ситуацию? Может быть, к этому времени люди уже пользовались достаточно развитым звуковым языком? Но мы предположили, что до "выхода" из наличной ситуации острой потребности в звуковом языке еще не было. А те знаки-команды, которые выражали начальные элементы стандартной ситуации, были явно недостаточны для представления процесса подготовки действия.

⁵³ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972, с. 271.

⁵⁴ За рубежом, 1982, N 22, с. 23.

Здесь естественно представить, что первоначальной и достаточно богатой возможностями формой знакового поведения людей явилась пантомима — драматическое действие. Широко известны подражательные способности обезьян, тяга к имитации поведения взрослых у детей, копирование трудовых движений в народных танцах. Все это может свидетельствовать о том, что у человека были возможности (психические и физические) и необходимость изображать мыслимую ситуацию в форме имитации действий, осуществляемых в реальной ситуации.

О том, что драматическое действие является самым древним видом искусства, говорят многие историки. Так, И. Гирн считает, что драма "была в ходу задолго до изобретения письма, живописи и фонетической графики, может быть, она древнее самого языка"⁵⁵. Так же полагает и советский исследователь А.С. Гущин. Он в отличие от И. Гирна непосредственно связывает древнее драматическое действие с реальной производственной деятельностью. Подводя итог своим рассуждениям, он пишет: "Таким образом, в самом общении людей между собой процесс осознания человеком действительности и передача опыта этого осознания другим получили свое древнейшее воплощение в жесте и действии человека — образ воплощался действием". И далее: "...не будет очень сильной гипотезой заключить, что и древнейший образ, созданный в искусстве танца и драматизированной игры, был образом производственного действия человека"⁵⁶.

Интересно, что у некоторых современных первобытных племен распространен обычай описывать в пантомиме (не в праздничном танце) недавно пережитые события, и это делается без особой практической нужды, просто для самовыражения, что противоречит естественному стремлению к экономии энергии. Возвращающиеся с войны, охоты или рыбной экспедиции люди часто таким образом воскрешают свои переживания дома в драматическом танце, исполняемом перед женами и детьми (И. Гирн).

Если пантомима исполнялась просто для эмоциональной разрядки (хотя и в этом случае ее значение было гораздо серьезнее: описывая прошедшие события, участники закрепляют в себе и передают соплеменникам информацию об этих

⁵⁵ Гирн И. Происхождение искусства: Исследование его социальных и психологических причин. Харьков, 1923, с. 115.

⁵⁶ Гущин Г.С. Происхождение искусства. М.; Л., 1937, с. 96.

событиях, способствуя тем самым накоплению и передаче коллективного опыта), то можно предполагать, что она исполнялась и перед предстоящей деятельностью. Конечно, сознательно планировать в пантомиме будущую деятельность — задача психологически более трудная, чем имитация прошедших событий. Поэтому вполне возможно, что подготовка проходила в другом ключе — заручиться благосклонностью животного — объекта будущей охоты. а впоследствии и духов, устроить враждебное племя воинственным танцем и т. д.

Может быть, не всегда сознательно, но лидер племени, наиболее сильный воин-охотник, в какой-то мере должен был учитывать условия будущей деятельности (вид и повадки животного или враждебного племени, как и когда следует напасть и т.д.) и обрисовать хотя бы приблизительные ее контуры. Естественно, что наиболее развитый лидер учитывал больше факторов и детальнее "прорабатывал" будущее поведение, сознательно или подсознательно понимая важность и эффективность подготовки.

По мнению многих исследователей, драматическое действо с самого начала было не только и не столько средством эмоционального самовыражения или настраивания на определенное поведение, сколько способом общения мыслями, передачи информации. Для выяснения значения пантомимических средств передачи мыслей на более низких ступенях культурного развития имеется достаточное количество подтверждающих фактов. Бушмены, австралийцы и эскимосы дают нам образцы высокоразвитого драматического языка (И. Гирн).

Однако в пантомиме происходит не просто передача информации, взаимный обмен ею, но и обучение неопытных соплеменников будущему действию. Фиктивные сражения, как и изображение работы в игре, облегчают выполнение последующих движений. Даже не участвующие в танце извлекут пользу из одного только наблюдения за действиями, к которым им придется впоследствии прибегать самим (И. Гирн).

Итак, значение пантомимы для развития культуры первобытного человека, для обогащения его интеллектуального и социального опыта нам кажется кардинальным. Таково же оно и для возникновения языка.

С семиотической точки зрения пантомима была, конечно, текстом, состоящим из иконических знаков. Но если иметь в

виду все знаковые средства, которыми пользовался первобытный человек, то здесь имели место и знаки-индексы, выражавшие начальные элементы стандартных ситуаций, и даже символы, по крайней мере в изобразительном искусстве.

ОТ ОЗВУЧЕННОЙ ПАНТОМИМЫ К ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ РЕЧИ

Зарождение и первые этапы развития языка протекали, по всей видимости, в условиях постоянного взаимодействия поведения в игровой и реальной (наличной) ситуации при доминирующем значении последней. Первые драматические действия имитировали прежде всего те моменты пережитой реальной ситуации, которые были наиболее сильно эмоционально окрашены (стрессовые). Это появление объекта охоты или врагов, схватка, поражение, победа и т.п. Естественно, что изображение этих моментов сопровождалось эмоциональными выкриками (боевой клич, крики ярости, отчаяния, радости и т.п.), которые были уже не выражением эмоций, а лишь обозначением их.

Тот факт, что изображение пережитого события сопровождалось озвучиванием, признают многие исследователи. А.А. Леонтьев считает, что "на определенной ступени развития в распоряжении первобытного человека должен был оказаться «двойной комплект» сигнальных средств для одних и тех же трудовых ситуаций — действие и звук; причем звук был пригоден практически для всех условий сигнализации (кстати, он был, вероятно, очень громким — вспомним звуки, издаваемые гориллой), а действие — отнюдь не для всех: оно не годилось ни ночью — в темноте, ни в густом лесу, ни в условиях сильно пересеченной местности"⁵⁷.

Эта традиция сочетать игровое действие со звуковым сопровождением была свойственна и первобытному искусству. Пантомимическое представление в большинстве случаев должно дополняться рассказом или описательной песнью; поэтому в простом изображении действительных событий, характеризующем низшие формы эпического искусства, оба эти средства интеллектуального выражения обыкновенно выступают вместе (И. Гирн). Остатки этой традиции можно увидеть и в античной драме с ее хором, и в мистериях, в народных танцах (например, хороводы).

⁵⁷ Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, с. 57

Хотя факт параллельного существования действия и связанного с ним озвучивания мы считаем фундаментальным для возникновения членораздельной речи, сам по себе он является лишь условием, но не объяснением этого процесса. Можно говорить только об одной знаковой системе, а именно имитирующем действии, звуковое же сопровождение было лишь сопутствующим и вспомогательным средством. Задача как раз и состоит в том, чтобы понять, благодаря чему произошло перераспределение знаковой функции между действием и звуком и каким образом нечленораздельное звуковое сопровождение (эмоциональные выкрики, звуко-изобразительные возгласы) действия превратилось в членораздельную речь.

Здесь необходимо начать с поиска внешних факторов, детерминирующих определенные внутренние изменения в мышлении первобытного человека. К ним мы бы отнесли прежде всего повышающееся разнообразие реальных (трудовых, боевых) ситуаций, в которых приходилось ему участвовать. Разнообразие это вызывалось обостряющейся конкуренцией между враждебными племенами в условиях демографического взрыва, вынужденной миграцией, "поумнением" животных и врагов (людей и хищников), постоянным контролем за экологической нишей. Возрастает объем общения. Чтобы руководить коллективом, лидеры племени сами должны обладать необходимым внутренним разнообразием знаний (закон необходимого разнообразия в управлении), их сознание должно было быть способным формировать общее и учитывать специфическое в множестве ситуаций. Разнообразие ситуаций, усложнение деятельности в них, с одной стороны, требует, а с другой — развивает как аналитизм мышления, так и его способности к синтезу, к схематизации ситуаций.

Поскольку игровых ситуаций становится все больше и больше, уже простое наложение их в сознании друг на друга приводит к вычленению более детальных их элементов, к тому же общих для многих ситуаций. Контекст пантомимы, который до этого состоял из крупных фрагментов, осознанно дробится на все более мелкие "блоки". В связи с этим и "звуковое сопровождение" также должно дробиться: длинные звуки стягиваются, повторяющиеся короткие (hon-hon-hon) варьируются, становясь различными. Число звуков увеличивается. При этом можно предположить, что одинаковые

элементы в разных пантомимических контекстах озвучивались по-разному. Возникала контекстная синонимия, которая в процессе синтеза превращалась во внеконтекстную. В результате контекст пантомимы расчленяется до элементарных действий-команд, в простейшем случае до указания на объект и действие с ним. В этой связи показательны этимологические наблюдения Н.Я. Марра, который одному корню приписывает два значения — указание на него (человека) и связанное с этим действие: "имя' как 'обозначение', 'указание' оказалось происходящим от 'руки', указывающей части тела, потому что, например, глагол *toda* в грузинском одновременно значит в форме *u-toda* 'протянул ему', 'преподнес ему', происходя от *tod (tot)* 'рука', 'лапа', и 'назвал его', собственно 'указал на него', буквально 'рукой (сделал) на него'⁵⁸.

Впоследствии из таких элементарных озвученных действий развиваются слова-предложения с последующим вычленением групп подлежащего и сказуемого (ср. развитие детской речи).

Как повторное воспроизведение аналогичной ситуации, так и (тем более) повторение схожих пантомимических элементов в разных контекстах приводило к осознанию различной важности деталей изображаемых картин. Некоторые из них признавались жизненно важными вообще (объект охоты, оружие и т.п.), другие только для целей данного коммуникативного акта — вычленялись ядерные элементы. Так или иначе при изображении ситуации некоторые детали оказывались лишними и утрачивались (эллипсисы, приводящие к контекстной многозначности). Происходила редукция пантомим. Но она состояла не только в отсеивании избыточных элементов, но и во взаимных сдвигах изображений, в их сопоставлении, так как изображение одного и того же предмета может быть то более, то менее развернутым в зависимости от его роли в ситуации, и изображаться может то одна, то другая его сторона. В этих оппозиционных сопоставлениях все очевиднее становится целесообразность обобщенного изображения элементов. Но это неизбежно приводит к внеконтекстной неоднозначности (волнообразное движение рукой может изображать и полет птицы, и волну, и движение змеи). И здесь, вполне возможно, приходит на помощь "звуковое сопровождение", которое при изображении

⁵⁸ *Марр Н.Я.* По этапам развития яфетической теории. М.; Л., 1926, с. 323.

разных предметов различно. Таким образом, звук становится важным для взаимопонимания смысловозначительным средством и при этом "условным", "символическим".

Аналитическая тенденция сочетается с противоположной — синтетической: одинаковые и обобщенные элементы многих ситуаций выстраиваются в схемы, соответствующие уже не одной, а целому классу поведенческих задач. Нетрудно представить себе, что при этом "звуковые сопровождения" таких элементов объединялись в звуковые комплексы, которые уже осознавались как членораздельные. Более сложным блокам пантомимы соответствуют комбинации таких комплексов.

Постепенно на обобщенном уровне происходит "обрастание" исходных категорий "объект" и "действие" новыми абстракциями. К ним в первую очередь, видимо, относятся категории пространства, времени и результата действия, а также качества (предметов). Это наиболее жизненно значимые категории: если сообщается о каком-либо событии, то как-то надо указать на то, где оно произошло, было ли оно в прошлом или произойдет в будущем; результат действия связан с одной из самых древних категорий человеческого мышления — причинностью, говоря более общо, последовательностью. Осознание связи между действием как причиной и результатом как следствием жизненно важно для организации будущего эффективного поведения. Этимологические изыскания по многим языкам разных семейств дают интересную картину: причинная лексика этимологически восходит к значениям, так или иначе связанным с действием. По данным О.В. Маслиевой, из 25 обследованных языков в 14 причинная лексика произошла от слов со значением конкретного вида действия, в девяти — со значением действия вообще, в одном — орудия труда и в одном — предмета труда⁵⁹.

Возрастание разнообразия "звукового сопровождения" действия проходило под влиянием по крайней мере двух внешних факторов: времени передачи команды и усилий, необходимых для этого.

Как бы ни был хорошо отработан подготовительный этап деятельности и как бы ни были рефлекторны отдельные действия, непредвиденные обстоятельства всегда возникали

⁵⁹ Маслиева О.В. Становление категории причинности: (На материале истории языка). Л., 1980, с. 23.

Таблица

	Этапы становления языка		
	Мышление в на- личной ситу- ации	Мышление в аб- страктной ситу- ации	Вычленение исход- ных категорий дей- ствия
"Язык" обезьян	Эмоции-ко- манды	—	Слово-предложе- ние в языке жестов
Детская речь	Эмоции-ко- манды	Жест+мимика	Слово-предложе- ние
История языка первобытного че- ловека	Сигналы-ко- манды	Озвученная пантомима	Слово-предложе- ние
История драма- тического искус- ства	—	Драматическое действие	Действо+пение

Таблица (окончание)

	Этапы становления языка	
	Развертывание ка- тегорий действия	Полная катс- горизация
"Язык" обезьян	—	—
Детская речь	Двучленные предложения	Развернутое синтаксиро- вание
История языка первобытного че- ловека	Двучленные предложения	Развернутое синтаксиро- вание
История драма- тического искус- ства	Символические танцы	Драма, балет

во время охоты или битвы с враждебным племенем. Лидеры должны были руководить текущей деятельностью. Полная пантомима не годилась для этого, изображение действия требовало много времени и не всегда могло быть воспринято. В этих условиях надо было сокращать до минимума изображение и шире пользоваться звуковыми сигналами. С увеличением наборов звуков и с осознанием возможности их комбинирования они все чаще становятся из сопровождения самостоятельными знаками, замещающими внешнее дейст-

вие и выступающими представителями его внутреннего образа. Трудоемкая пантомима редуцируется и постепенно становится сопровождающей речевую деятельность.

Переход от пантомимы к членораздельной речи осуществлялся в три семиотических этапа в соответствии с типами знаков. Пантомимическое действие, как уже говорилось, представляло собой последовательность иконических знаков, значениями которых были впечатления о событиях, а объектом изображения — сами события. Взаимопонимание было тем полнее, чем подробнее пантомимически изображался сам объект, а это было возможно при достаточной полноте отражения объекта в сознании передающего информацию. При этом "звуковое сопровождение" пантомимы было хотя сначала и малосущественной, но частью знака, ассоциативно связанной в сознании с изображаемым действием.

Затем в процессе редукции пантомимы, с приобретением смысловозначительной функции звуковой частью иконических знаков и с расширяющимся комбинированием звуки все больше стали заменять собственно пантомимические элементы, выступая как знаки-индексы по отношению к пантомимическому знаку, а следовательно, и к его образу (впечатления об объекте включали звуковую реакцию на него). По мере редукции пантомимы происходила все большая символизация звучания по отношению к образу объекта, поскольку мотивирующее и связующее звено между ними — действие — исчезало. Пантомима (ее элементы) сыграла роль посредника; в результате максимальной редукции ее образа в сознании она превратилась в лексическое значение звучащего слова, основным содержанием которого стала мысль о роли объекта или действия в некоторой реальной ситуации.

Что же мог представлять собой первобытный язык? Мы уже говорили о том, что это был набор слов-предложений, или команд, со сложной семантикой, с непредставленными в плане выражения образом объекта и образом действия.

Первоначально общение, видимо, проходило в "повелительном наклонении", которое, возможно, и не осознавалось как грамматическая категория (просто не было оппозирующих категорий), и поэтому его нельзя признать лингвистическим явлением. Семантика коммуникативной единицы сводилась к командам, которые исходили прежде всего от лидера сообщества, например: "лицо У — иди туда". С осознанием и развитием категории времени появилась

возможность выражать действие в настоящем времени или перфекте. Коммуникативная необходимость требовала, а аналитико-синтетическая способность мышления делала возможным расчленение семантических комплексов, если в них имелись одинаковые семантические составляющие, объединение их элементов на основе единого представления (о классе объектов, о способе действия) в единую фонетическую структуру — с одной стороны. С другой стороны, расширялось использование комбинаций как слов-предложений, так и вычленимых из них озвученных семантических элементов.

Для осуществления общения (для описания событий еще долго будет служить пантомима) коллективом должны быть выделены, пускай первоначально и аморфные, языковые знаки, с помощью которых можно было бы назвать лицо, действие, его объект, время действия и результат. Звуковые же комплексы, означающие единицы этих категорий, формировались в процессе общения членов первобытного социума.

Если мы признаем выдающуюся роль лидера в языкотворчестве, то должны признать и уникальность звукового оформления семантических единиц в каждом социуме. А это означает, что при первобытно-общинном строе должно существовать великое множество различных языков, а при их "скрещивании" — бурный рост лексики нового языка. До сих пор у народов, отдельные социумы которых слабо связаны между собой экономически, существуют поселения, говорящие на своем языке. Это относится к папуасам Новой Гвинеи, аборигенам Австралии и некоторым районам Африки. На Кавказе до сих пор встречаются "одноаульные языки".

Так, на наш взгляд, возникла собственно человеческая, коммуникативная система, которой свойственны: 1) иерархия алфавитов по Н.И. Жинкину (фонемы, морфемы, имена), 2) синтаксис предложений, 3) неоднозначность имен. Последние, комбинируясь, выполняют операцию осмысливания. "Это операция, при помощи которой в сообщение вводится информация о вещах, еще не названных, через вещи, уже названные. Именно эта операция разрешает в сочетании конечного числа имен передавать бесконечное число сообщений"⁶⁰ Эту коммуникативную систему Н.И. Жинкин и называет системой расширяющихся сообщений с изменяющимся языком.

Основные этапы становления этой системы см. в таблице.

⁶⁰ Жинкин Н.И. Четыре коммуникативные системы и четыре языка. — В кн.: Теоретические проблемы прикладной лингвистики. М., 1965, с. 25.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Сообщества первобытных людей всегда владели некоторыми средствами общения. Естественнее всего предположить, что сначала это была пантомима, сопровождаемая нечленораздельными звуками (ср. средства общения обезьян). Почему и как произошел переход от пантомимы к членораздельной речи?

Можно наметить следующее отличие звуковой речи от пантомимы: а) большая обобщенность языковых единиц, обеспечивающая их повышенные комбинационные возможности для описания разнообразных ситуаций; б) легкость их воспроизводимости, отвечающая экономии энергии при общении; в) лаконизм контекста, соответствующего ситуации, что способствует оперативности общения.

Эти особенности звуковой речи были вызваны к жизни, надо полагать, неуклонным ростом мощности потоков информации, циркулирующей как внутри первобытного сообщества (внутренние потоки), так и между ним и окружающей средой (внешние потоки).

Рост внутренних информационных потоков обусловлен следующими факторами. Тяжесть борьбы за существование через стрессированность организма расшатывала генетический фонд первобытных людей, делая его многообразным. Соответственно разнообразными становились и их индивидуальные способности, расширялся диапазон выраженности инстинктов и потребностей и прежде всего инстинктов роста, познания и свободы. Все это приводило к усложнению иерархии сообщества, к частному перемещению индивидов по уровням и к трудностям управления коллективом. Возрастает роль доминирующих индивидов и лидеров. Для контроля над сообществом и управления им необходимо оптимизировать сбор и обработку информации о его состоянии.

Усложняющиеся формы труда и борьбы, взаимодействия с развивающимся мышлением, требовали более тонкого и информированного управления.

Рост влияния информационных потоков связан, во-первых, с необходимостью контроля за состоянием экологической ниши, в которой господствовало сообщество древних людей, в частности с контролем за враждебными племенами, во-вторых, с миграцией, вызываемой демографическими взрывами и требующей учета разнообразия внешних ситуаций; в-третьих, с охотой на крупных животных, которых необходимо было выследить и, скоординировав свои действия, загнать в ловушку.

Итак, увеличение форм взаимодействия членов сообщества, а всего сообщества — с внешней средой требовало замены наглядно-образных, связанных с большими затратами энергии и времени средств общения (пантомима) на более гибкие, разнообразные и экономичные средства, каковые содержал звуковой язык. Как происходила эта замена, уже не столь важно. Но можно предположить следующие ее этапы.

Общение между первобытными людьми обязательно должно было выйти из наличной ситуации, и передаваемая информация должна была относиться к прошлым или будущим событиям. Элементарные средства общения имели "управленческий" характер: "отрезок" пантомимы, звук или их сочетание представляли собой команды для внешнего или внутреннего действия и содержали в себе информацию о действующем лице, его действии и объекте. Будучи отвлеченной от наличной ситуации, эта информация становится чисто знаковой, т.е. обозначает "отсутствующее" действие или его объект. Пантомимическое действие, сопровождаемое звуком, было поэтому знаковым поведением.

Выполняя одну и ту же знаковую функцию, пантомима и звук как бы конкурировали между собой, и в этой конкуренции победил более экономичный и оперативный звук. Нечленораздельный звук, становясь многозначным, начал варьироваться и стягиваться до тех пределов, в которых он оставался отличным от других звуков. Каждый такой звук имел свое значение — образ отрезка пантомимического действия. Это уже были слова-предложения.

Возрастающее число и разнообразие ситуаций, в которых участвовал древний человек, потребовали их большего дробления и обобщения в сознании, что в свою очередь вызвало необходимость комбинирования становящихся все более абстрактными значимых звуков для описания ситуаций. Так возникли членораздельные предложения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Г л а в а 1	
УСТАНОВИТЕЛЬ ИМЕН — БОЖЕСТВЕННОЕ НАЧАЛО	
Ономатопея	7
Ведические мифы	8
Библейская легенда и ее толкование	11
Спор о первом языке	13
Идея чуда и новое время	14
Г л а в а 2	
УСТАНОВИТЕЛЬ ИМЕН — БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК, ЗАКОНОДАТЕЛЬ	
Лао-цзы и Конфуций	20
Спор древнегреческих философов: "по установлению" или "от природы"	22
Установитель имен — искусный человек: диалог "Кратил" Платона. Аристотель	29
Идея об установителях имен в эпоху Просвещения (Дежерандо)	35
Язык изобрели первые пары пралюдей (Я. Гримм)	36
Г л а в а 3	
ЯЗЫК — ПРОДУКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЕСТЕСТВА, ЕГО ВНУТРЕННИХ СПОСОБНОСТЕЙ	
Стоики	38
Звукоподражательная теория у Лейбница и де Бросса	41
Теория рефлексий И. Гердера	43
Язык как деятельность человеческого духа (В. Гумбольдт)	45
Язык не изобретение человека, но возникает в нем самопроизвольно (А. Шлейхер, Ч. Дарвин)	47
Концепция В. Вундта	49
Г л а в а 4	
ЛЮДИ — ИЗОБРЕТАТЕЛИ ЯЗЫКА	
Демокрит и эпикурейцы. Витрувий	53
Язык — благороднейшее и полезнейшее изобретение людей. Общественный договор (Т. Гоббс, П. Мопертюи, Э. Кондильяк, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит)	57
Корни языка в физических действиях	63
Г л а в а 5	
ЯЗЫК — ПРОДУКТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	
Скепсис XX века	65
Основные этапы антропогенеза	68
О социальном устройстве обезьяньего стада	73
"Язык" и мышление обезьян	75
О способности обезьян к знаковому поведению (по поводу книги Ю. Линдена "Обезьяна, человек и язык")	79
Детская речь	90
Образ жизни первобытного человека, его труд и мышление	98
Коллектив и индивид в первобытном сообществе	115
О внутреннем мире первобытного человека	121
От озвученной пантомимы к членораздельной речи	128
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	135